

The Elder Scrolls V

SKYRIM
ЧЕЛОВЕК,
МЕР И ЗВЕРЬ

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Соэ)-44

С42

Special thanks to Steve Perkins, Mike Kochis, and Paris Nourmohammadi with Bethesda Softworks,
and Todd Howard with Bethesda Game Studios.

Печатается с разрешения издательства Titan Publishing Group Ltd., 144 Southwark St., London, SE1 0UP, United Kingdom.

Перевод текстов в настоящем издании приводится по официальной русской локализации игры
THE ELDER SCROLLS V: Skyrim® от ООО "ИС-СофтКлаб". Перевод книг, впервые опубликованных в более ранних играх
серии (THE ELDER SCROLLS IV: Oblivion®, THE ELDER SCROLLS III: Morrowind® и др.), выполнен коллективом сайта tes.ag.ru
и также приводится по официальной русской локализации.

Редактор перевода Наталья "Santeria" Рахманова, координатор Сергей "DJ Kovrik" Васильченко.

С42 Скайрим. Человек, мер и зверь / пер. с англ. Н. Рахмановой, У. Ерофеевой, В. Грудина. –
Москва : Издательство ACT, 2018. – 240 с. : ил. – (Графическая новелла).

ISBN: 978-1-783-29320-9 (Titan Publishing Group Ltd.)

ISBN: 978-5-17-983178-5 (ООО "Издательство ACT")

Второй том путеводителя по миру невероятно популярной игры "The Elder Scrolls V: Skyrim" расскажет читателю о народах, населяющих эту холодную негостеприимную провинцию: от заносчивых нордов, родившихся в Скайриме, и светлоглазых имперцев, до котов-каджитов, живущих по законам двух Лун, людоящиков Чернотопья — аргониан, орков и альтмеров. Вы узнаете о сильных наемниках редгардах и искусных магах бретонцах, о лесных эльфах Валенвуда — досмерах, а также о Темных эльфах — Даннерах, что родом из Морровинда.

www.elderscrolls.com
www.bethsoft.com

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Соэ)-44

THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM®
THE SKYRIM LIBRARY, VOLUME II: MAN, MER AND BEAST
СКАЙРИМ
ЧЕЛОВЕК, МЕР И ЗВЕРЬ

16+

Все права защищены. Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована
в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы
хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Ведущий редактор Анна Рахманова

Старший редактор перевода Наталья Рахманова

Корректор Ирина Мокина

Русская версия гарнитуры Антонина Дарьина

Технический редактор Татьяна Тимошина

Компьютерная верстка Анны Греник

Гарнитура Kingthings Petrock (by Kevin King). Формат 84x108/16 Усл. печ. л. 25,2

Подписано в печать 10.10.2017. Тираж 6000 экз. Заказ

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 – книги и брошюры

ООО "Издательство ACT"

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, строение 3, комната 5

ISBN: 978-5-17-983178-5 (ООО "Издательство ACT")

© 2018 Bethesda Softworks LLC, a ZeniMax Media company. The Elder Scrolls, Skyrim, Oblivion, Morrowind, Dragonborn, Bethesda, Bethesda Softworks, Bethesda Game Studios, ZeniMax and related logos are trademarks or registered trademarks of ZeniMax Media Inc. in the US and/or other countries. All Rights Reserved.

© Издательство ACT, 2018

СКАЙРИМ

ЧЕЛОВЕК, МЕР И ЗВЕРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

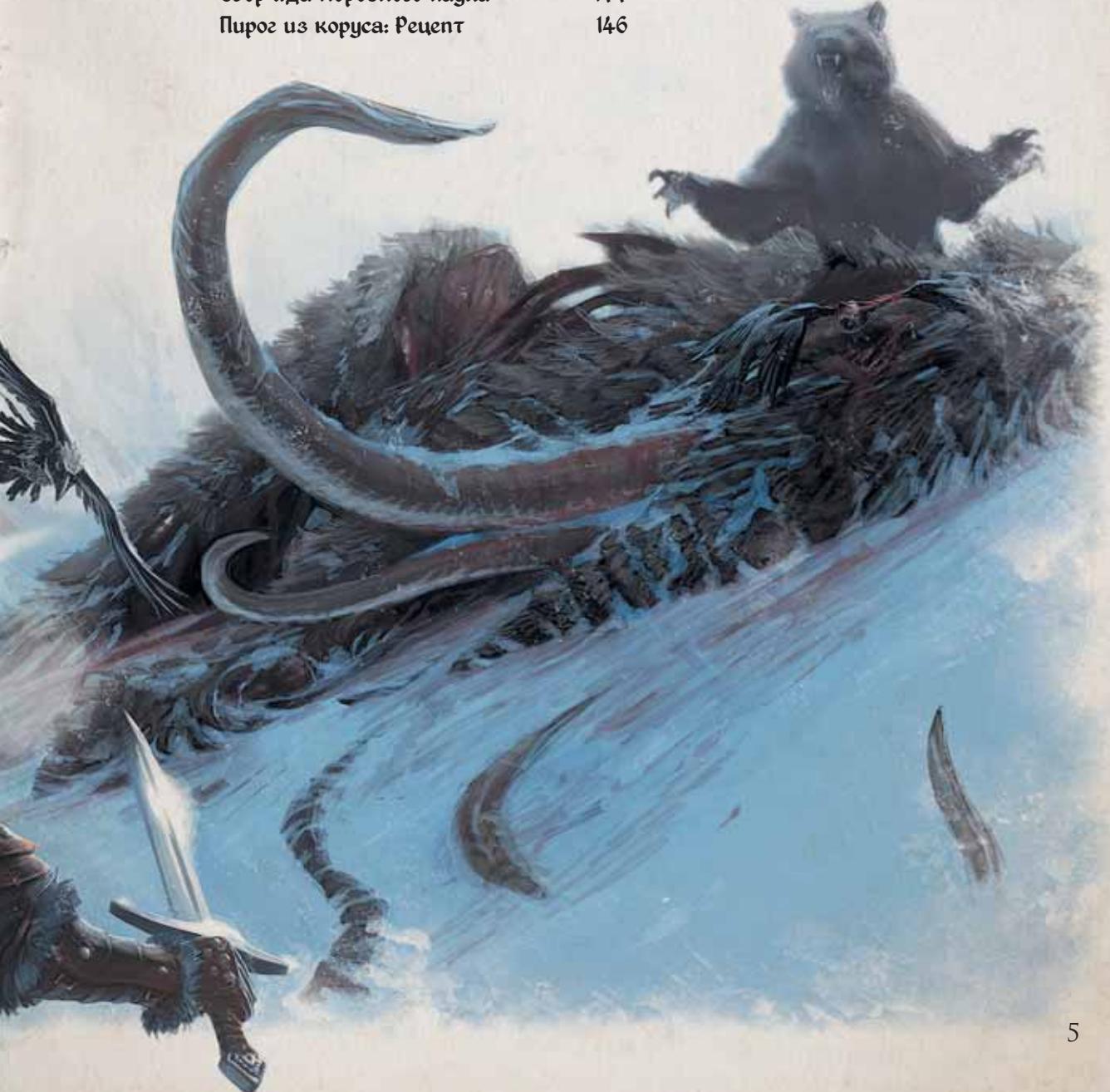
НАРОДЫ

Норды Скайрима	10	VI — Каймервамидиум	101
Дети Неда	12	Х — Приданое	103
Норды, восстаньте!	13	Хроники Нчулефта	106
Песнь аскельдов	14	Азирр Траджиджазери	107
Маркартский Медведь	18	Сказ о Дро'Зире	110
Дикие эльфы	20	Признание каджита, торговца мехами	112
Падение Снежного Принца	21	Истинная природа орков	114
Даннеры Скайрима	24	Дети свиньи	115
Предки и даннеры	25	Кодекс Малаката: Крепости орков	
Исповедь даннера — поедателя скуумы	29	глазами наемника	116
Дети Все-Создателя	30	"Никому не превзойти орка".	116
Печать смерти: рассказ Пирата	32	Приданое Привидения	120
Король адесинских пиратов	34		
Пять далёких звёзд	35		
Слова ветра	36		
"безумцы" Предела:			
Трактат о культуре Изгоев	37		
Тайна Талары	41		
Палла	60		
Фалмеры: Исследование	69		
Гномы: Утраченная раса Тамриэля,	74		
Том 1. Архитектура и инженерия	74		
Том 2. Оружие, доспехи и механизмы	76		
Мародар Сул и упрощение представлений о двемерах			
в общественной культуре	78		
Происхождение двемерских законов	80		
Висачие Сады Востена Коридейла	81		
Бестиарий Гердейна:			
Автоматоны гномов	82		
Развалины Кемел-Зе	84		
Древние легенды двемеров			
I — Выкуп за Зарека	90		
II — Семечко	95		
III — О важности места	97		
V — Песня алхимиков	99		

БЕСТИАРИЙ

Ода покорителям тундры	126	Необычный вкус	148
Бестиарий Гердайна:		Как пережить нападение хоркера	150
Ледяные привидения	128	Кошки Скайрима	152
Мать-дымок: две теории	132	Легенды об оборотнях Скайрима	153
Призраки в дуране	136	Эксперименты с физической	
Бестиарий Гердайна: Ворожеи	137	природой вервольфов	155
Проведение Охоты	140		
Сбор яда морозного паука	144		
Пирог из коруса: Рецепт	146		

ВОЙНА

Тактика сводных отрядов войск	
в Пятилетней войне	160
Как удивлять прежде,	
чем удбют вас	162
Черная Стрела	164
Вернаккус и бурлор	170
Кузница, молот и наковальня	174
Кость	175
Человек с топором	184
Жёлтая книга загадок	186
Красная книга загадок	187
Легендарный Бич	188
Третья Дверь	189

РАСПРИ

Расцвет и упадок Клинков	193
Песни возвращения	198
Ингол и морские призраки	207
Великие предвестники Соратников	208
Поцелуй, милосердная матушка	210
братья Тьмы	211
Правда о Матери Ночи	213
От славы — к падению	215
Теневые метки	217
Соловьи: правда или вымысел?	220
Похититель целомудрия	222
Ловушка Судьбы	226
Кодекс истинного благородства	229
Надежда Редорана	230
бегство от Талмора	233
Растущая угроза	235

НАРОДЫ

Норды Скайрима

Дети Скайрима — мой народ, моя гордость...

Уважаемый читатель. Меня зовут Хротмунд Волчье Сердце, и я норд. Но что более важно, я — норд, родившийся и выросший на скайримской земле.

Я пишу эту книгу в отчаянной надежде на то, что остальные жители Тамриэля узнают мой народ так, как он того достоин, и эту провинцию разглядят по-настоящему — как край неповторимой красоты и культуры.

Кое-что из того, что вы знаете, вполне соответствует истине. В телесном плане мы, норды, производим довольно впечатительное, даже импозантное впечатление — высоким ростом, крепкой костью, сильной плотью. Волосы наши часто светлы, и по старому обычаю мы нередко заплетаем их в косицы. Зачастую мы облачены в шкуры зверей, ибо Скайрим изобилует ими, и глупо было бы нам не воспользоваться столь доступным даром природы.

Дочитав до этого момента, вы уже наверняка шокированы силой моих слов и грамотностью северного "дикаря". О да, многие норды умеют и читать, и писать. Мой отец начал обучать меня премудростям грамоты, когда я ещё под стол пешком ходил, так же делал его отец и отец его отца.

Однако достоинства у детей Скайрима премного, и одним мастерством словес они не ограничиваются. Ибо мы ещё и ремесленники, и века научили нас умению обращаться со сталью не хуже, чем скульптор обращается с глиной.

Истинно говорю, что своими глазами видел, как приезжие из Хай Рока и Сиродиля прослезились от изумления при виде клинков, что выковали в огне Небесной кузницы и отточили до превосходной смертоносности благословенные богами руки клана Серая Грива.

Но как такое может быть, спросите вы? Как на подобные достижения способен народ, ещё толком не выйдравшийся из грязи и снега? Вот и опять провинциальные предрассудки заслоняют истину.

Города Скайрима служат очевидным свидетельством искусности и мастерства нордов. Из них главные — Солитюд, вотчина верховного короля и столица провинции; Виндхельм, древний и славный, сокровище снегов; Маркарт, высеченный из цельной скалы в давно ушедшие века; Рифтен, укрытый золотистыми тенями Осеннего леса, где вдоволь вкусной рыбы и мёда; и Вайтран, построенный вокруг зала Йоррваскр, где обосновались благороднейшие Соратники и легендарная Небесная кузница.

Вот теперь-то, уважаемый читатель, ты узнал всё сполна. Мы, норды, воплощаем всё, что вы о нас воображали — и гораздо больше того.

Но да не будет эта книга вашим единственным проводником к правде. Садитесь в карету или на корабль и отправляйтесь на север. Узрите Скайрим собственными глазами. Увидьте его таким, каким мы, норды, видим его с той поры, как боги впервые вылепили мир.

НАРОДЫ

Дети Неба

Норды считают себя детьми неба. Они называют Скайрим Глоткой Мира, ибо именно там небо выдыхает на землю и формирует её. Они считают себя вечными чужеземцами и захватчиками, и даже когда они захватывают другие народы и правят ими, они не чувствуют родства с этими людьми.

Дыхание и голос на севере считаются жизненной сущностью. Когда они подождают сильного врага, они задирают его язык как трофеи. Эти языки вплетаются в верёвки, которые могут удерживать речь, подобно зачарованию. Сила нордов может быть выражена в крике, как киай акавирских мечников. Сильнейшие из их воинов называются "языки". Когда норды атакуют город, они не используют ни осадных машин, ни кавалерии; языки выстраиваются в клин перед воротами, и надирают в грудь побольше воздуха. Потом их вождь выкрикивает киай, ворота падают, и воины с топорами врываются в город. Криками можно затачивать мечи или наносить удары по врагам. Обычно такой крик бьёт врага в спину. Сильный норд своим боевым криком может вдохнуть в людей силы продолжать бой или речанием остановить сражающегося воина. Величайшие из нордов могут докричаться до определённых людей за сотни миль, а также передвигаться при помощи крика.

Самые могущественные из нордов вообще не могут разговаривать, не причиняя разрушений. Им приходится объясняться знаками или писать.

Чем дальше к северу вы заходитите в Скайрим, тем могущественнее становятся люди, и тем меньше они нуждаются в жилищах. Ветер необходим Скайриму и нордам; те, кто живут на дальних пустошах, всегда носят ветер с собой.

Норды, восстаньте!

Восстаньте, гордые норды! Сбросьте оковы имперского угнетения. Сбросьте иго Императора, недостойного им быть. Будьте верны своим сородичам, встаньте на защиту своей родины!

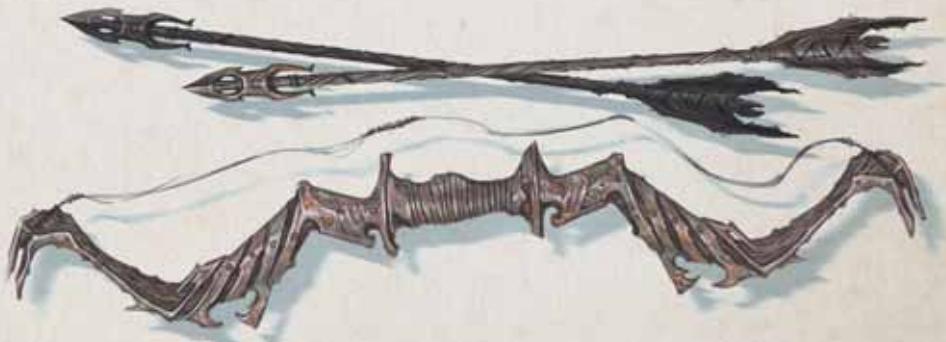
Империя запрещает нам молиться святому Талосу. Как же может человек отвергнуть бога? Могут ли истинные норды Скайрима изгнать из своих сердец бога, который родился среди нас? Могучий Тайдер Септим, Первый Император, покоритель всего Тамриэля, вознесся на небеса и сидит по правую руку Акатоша. Тайдер Септим, истинный сын Скайрима, рожденный на этой заснеженной, жестокой земле, воспитанный в традициях нашего народа, стал Талосом, богом силы и чести. Империя не имеет никакого права запрещать нам молиться ему.

Наш собственный верховный король Торуг предал нас, отдал нас на откуп Империи. Он променял нашего бога на унизительный мир. Он принял договор с Талмором, подписанный трусивым лжеимператором. Обязаны ли мы соблюдать этот пакт? Нет! Тысячу раз нет!

Не позволяйте себе забывать уроки истории. Альдмерский Доминион и его хозяева-талморцы развязали войну против человечества — точно так же, как в древние времена эльфы объявили войну Искрамору и нашему народу. Сияющий Саартал был сожжен дотла, обращен в руины и пыль из-за их вероломного нападения. Но Искрамор и его сыны содрали пятьсот Соратников и дали бой эльфам, и изгнали их из Скайрима. В Великой войне, где сражались наши отцы, эльфы вновь предали людей, напав на нас без повода и предупреждения. Доминиону и Талмору нельзя доверять!

Ульфрик Буревестник — истинный герой Скайрима, верный продолжатель дела Искрамора. Его имя будет звучать под сводами Сонгарда многие поколения. Ему одному хватило мужества избавить нас от трусивого Торуга, вызывавшего его на поединок. С помощью ту'ума, дара самого Талоса, Ульфрик убил короля-изменника. Теперь мы свободны от имперских оков и талморских владык, что висят вокруг имперского трона.

Империя бросила против нас свои легионы. Поставила под свои флаги наших собственных сородичей. Настроила брата идти против брата, отца — против сына. Они хотят, чтобы мы передали друг друга во славу и в интересах Империи. Но мы не позволим им расколоть нас. Не позволим захватить нашу землю! Отбросьте имперский закон, примите Талоса в свое сердце. Присоединитесь к Ульфрику буревестнику, ибо его дело — правое!

Песнь аскельдов

(иордская традиционная)

Перевод: 213 г. Третьей эры

Атенейские монахи Старого Антела

Пять десятков ночей от дома я далеко,
Пробудился в Хьялмарке, на скале высоко.

Моя плоть источилась и под землю ушла,
Но я видел, что было, моя душа жила.

Смотря сквозь завесу, откуда пришел,
Мои мертвые глаза видели огонь.

В долине те, кто мою жизнь забрал седе,
Пели гимны о славе, о боях и борьбе.

Просочился сквозь камень, то ли дух, то ли призрак,
Полетел над вершинами сосен воплощением ночи.

И раскинулся я над погребальным костром,
И услышал, как ветер доносит их хор.

"Пойте громко, пойте чисто, неба дети, сыны неба,
Пусть в Сонгарде нас услышат, пусть кричат в ответ".

"Наши славные герои пролили кровь над болотом,
Чтобы орки, и эльфы, и люди-предатели не увидали
свет".

"О дух Вулфхарт, ты проник в их сердца,
Ты одарил их славой, да будет вечна она!"

И тогда масло из урн окропило жадное пламя,
Тех немногих, что наш легион одолел, в пепел сжигая.

До рассвета молилась беззвучно толпа,
И затем собрала прах и отправилась в путь она.

Полетел я за нею, невидим и кроток,
За Детьми Неба следя, неслышим и робок.

Они шли вперед, по холмам, по полям,
И усталось гнала их, подобно раскаленным углем.

Сгустком ярости, неиссякаемой, не знающей пощады,
Они достигли нашего лагеря, новым жертвам они
были рады.

Мое мертвое сердце сжалось от боли,
Ибо знал я тех, что уже обречен поневоле.

И вновь норды запели в предчувствии схватки,
Я закричал, но не был услышан, задыхаясь как
в лихорадке.

"Услышь нас, наши предок, Король Пепла Исмир,
Почти нас, ибо мы вернем утраченную славу".

"Тех мертвых, что слышал, с кем говорил,
Несем мы с собой, твоя доблесть, да с нами!"

Они открыли урны с прахом, покрыли седя пеплом,
Стали едины с братьями своими, с их костями,
кровью, бородами.

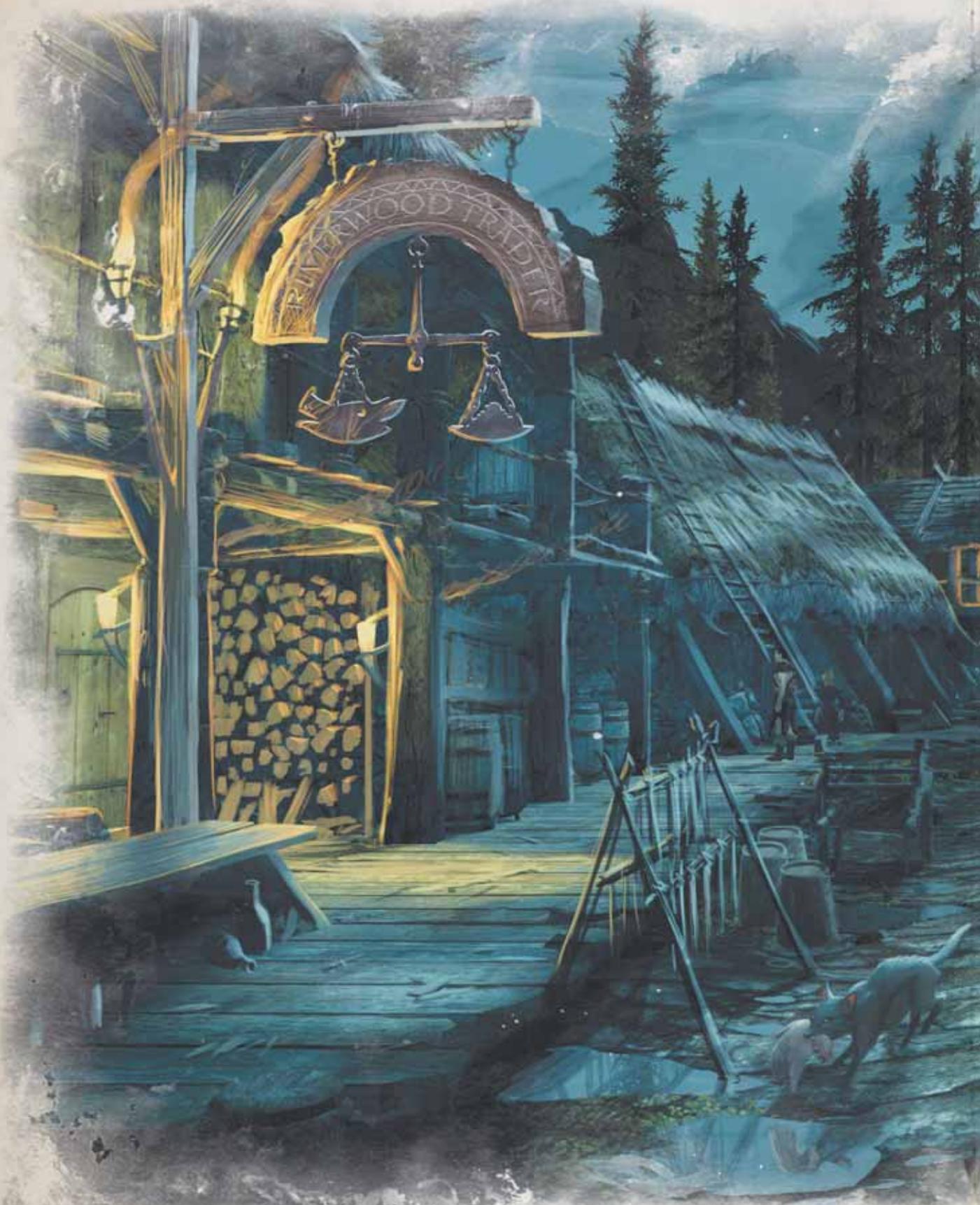
Эти пепельные воины, что зовутся аскельды,
Наметили жертв, вскинули луки, их руки были тверды.

И раздался мой отчаянный крик, полный ярости,
Но был я бесплотен, лишь крик пустой рьяности.

Но один старик обернулся, не мигал,
Смотрел прямо мне в душу, и что-то читал.

Он издал слова древних, все залило огнем,
Мое видение потухло, наступил долгожданный покой.

Маркартский Медведь: Преступления Ульфрика буревестника

Имперский ученый

Ульфрика буревестника многие считают героям за его роль в подавлении Восстания Изгоев. Принято говорить, что когда Империя оставила Скайрим и коренные жители Предела восстали (несомненно, из-за притеснений со стороны нордов), Ульфрик буревестник пришел с ополчением, чтобы отвоевать "свою" землю у Изгоев. После всех восхвалений и героических баек, с которыми скальды повествуют о его свершениях, создается впечатление, что Ульфрик был великаном среди людей и самому Тайдеру Септиму не уступал в хитроумии, умении управлять и предпринимать решительные действия.

Однако истина открывает нам куда большее. Да, в период 4Э 174-176 Изгои действительно управляли Пределом как отдельным от Скайрима королевством. Да, это произошло в то время, когда Империя подверглась нападению Альдмерского Доминиона и не могла прислать Легион для восстановления порядка. И да, Ульфрик буревестник действительно подавил восстание без помощи со стороны Империи. Все это вполне соответствует истине, однако о чем барды умалчивают в своих сказаниях, так это о том, что королевство Изгоев оставалось довольно спокойным на протяжении всех двух лет своего существования. Конечно, от них пострадали некоторые из бывших нордских землевладельцев (зачастую из числа тех, кто наиболее сурово обращался с рабочими, которые были коренными жителями Предела), но в целом Изгои правили в своей земле справедливо и предпринимали попытки получить признание со стороны Империи в качестве законного королевства. Можно представить, сколько неразрешенных государственных вопросов накопилось у Империи в период после окончания Великой войны. Прежде чем могло быть принято решение по мирному договору с Изгоями, ворота их столицы, Маркарта, осадило ополчение Ульфрика буревестника. Происходящее в ходе битвы можно назвать войной, однако то, что произошло после ее окончания, иначе как военным преступлением не назовешь.

Мечу предавали всех чиновников, работавших на Изгоев, даже тех, кто сдавался. Местных женщин подвергали пыткам, чтобы выведать имена Изгоев, бежавших из города или скрывавшихся среди холмов Предела. Казнили всех жителей города, как Изгоев, так и нордов, кто не сражался на стороне Ульфрика после взятия ворот. "Или вы с нами, или вы против Скайрима" — таков был приговор Ульфрика, которым тот отправлял на казнь лавочников, крестьян, стариков и подростков, кто был в состоянии поднять меч и не откликнулся на призыв сражаться на его стороне.

Так что, когда "благодарная" Империя признала победу Ульфрика и направила солдат для восстановления порядка в Пределе, было неудивительно, что тот не согласился пускать Легион, прежде чем ему не разрешат свободно поклоняться Талосу. Учитывая творившийся на улицах Маркарта беспредел и сообщения о растущем с каждым днем числе смертей, у Империи не оставалось иного выбора, кроме как разрешить Ульфрику и его людям их обряды.

Мы позволили им поклоняться Талосу, прямо нарушая заключенный с Альдмерским Доминионом Конкордат Белого Золота (в котором признается эльфийское вера

НАРОДЫ

в то, что Талос, будучи человеком, не может являться божеством). Империя поступила опрометчиво, ставя под угрозу соглашение, ради которого было принесено столько жертв в великую войну. Но скажите, был ли у нее выбор? Для Маркартского Медведя, Ульфрика буревестника, "нет" — это не ответ.

Дикие эльфы

Кир-джо Корвак

Почти в каждой провинции Тамриэля, в глухих уголках, обитают айлейды, называемые также дикими эльфами, что ведут происхождение, если и не прямое, то духовное, от первых обитателей этого мира. В то время как три эльфийские расы: альтмеры (или высокие эльфы), босмеры (или лесные эльфы) и данмеры (или темные эльфы) приобщились к новой культуре Тамриэля, айлейды и их родичи остались в стороне от нашего общества, предпочитая следовать путем предков вдали от любопытных глаз.

Дикие эльфы разговаривают на разновидности старосиродильского, избегая тамриэльского языка. Они отодвинулись от ценностей и культур Тамриэля даже дальше, чем их эльфийские родственники, живущие в самой маленьких и глухих деревушках. С точки зрения чужеземцев (или "пеллани" на их языке) они угрюмы и молчаливы, хотя, несомненно, ведут себя иначе среди соплеменников.

Действительно, одним из самых известных светил Гвилимского университета был высокообразованный айлейд, Тьюрхейн Фирр (1E2790-2E227), поведавший в своей книге о яркой и самобытной культуре диких эльфов. Фирр — один из немногих айлейдов, кто свободно рассказывал о своем народе и его религии. По его словам, "айлейдские племена по природе различны, особынностями характеров они зачастую совершенно не похожи на ближайших соседей". (Фирр, "Природа айлейдской поэзии", страница 8, Типография Гвилимского университета, 2E12).

Простые люди Тамриэля опасаются диких эльфов, как и представителей любой другой чужеземной культуры. Айлейды продолжают быть одной из величайших загадок континента Тамриэль. Они редко появляются на страницах истории в какой бы то ни было роли, и летописцам удается бросить на них взгляд лишь за мгновение до того, как они вновь растворятся в лесной чаще. Когда удается отсечь вымысел из сказаний о них, выясняется, что мы остались практически ни с чем. Загадочные пути айлейдов были скрыты тайной еще со временем, предшествовавшим Первой эре, и могут оставаться неведомыми еще тысячи лет.

Падение Снежного Принца

Описание битвы при Моэсринге записано Локеймом,
летописцем вождя Ингвялдра Снежный Глаз.

Откуда он пришел, никто не знает, но он ворвался в битву на великолепном бело-снежном скакуне. Эльф, так мы называли его, потому что он был эльфом, хотя он был не таким, как все его сородичи, которых мы видели до этого дня. Его копье и доспехи светились ярким и ужасающим светом неизвестной природы, и из-за этого света всадник казался скорее призраком, нежели воином.

Но что обеспокоило, и даже напугало нас тогда, так это крик, который родился в рядах эльфов. Это был не страх, не удивление, это была неприкрытая и всепоглощающая радость, что-то вроде того, что чувствует обреченный, которому был дарован второй шанс в этой жизни. Поскольку тогда эльфы были обречены и близки

к смерти, как никогда еще во время великих битв на Солстейне. Битва при Моэсринге должна была стать финальным противостоянием нордов и эльфов на нашем острове. Ведомые Истрамором, мы вытеснили эльфов из Скайрима и теперь собирались прогнать их и с Солстейна. Наши воины, вооруженные лучшими топорами и мечами, которые только могли выковать мастера нордов, прорубали широкие просеки в рядах врагов. Склоны Моэсрина стали красными от крови эльфов. Но почему тогда они так радуются? Разве может один всадник вселить такую надежду в армию, находящуюся в столь безвыходном положении?

Итак, для большинства из нас было ясно, что эльфы обрадованы, но их слова были не более чем лitanie из криков и песнопений эльфов. Среди нас, впрочем, были ученые и летописцы, которые поняли эти слова и содрогнулись от их значения.

“Пришел Снежный Принц! Принц, несущий рок!”

Затем наступила долгая тишина, охватившая ряды эльфов, остававшихся на месте. Через их позиции проезжал Снежный Принц. Как корабль, разрезающий ледяные воды Фьялдинга, он проезжал через ряды своих сородичей, расступавшихся перед ним. Величественный белый конь перешел на галоп, затем на рысь, и этот загадочный эльфийский наездник выдвинулся вперед медленным, почти прозрачным шагом.

Воины нордов повидали на своем веку много крови и битв, и их тяжело удивить чем-либо. Но немногие среди нас тогда могли представить благоговение и неопределенность, воцарившуюся на только что жарком поле боя, который моментально стал неподвижным и безмолвным. Вот такой эффект произвел на нас всех Снежный Принц. Когда ликующие возгласы эльфов затихли, наступила тишина, которая обычно бывает только во сне. И тогда мы все, и эльфы, и норды, стали едины в ужасном понимании — победа или поражение ничего не значили в этот день на склонах гор Моэсринг. Мы знали только одно, что смерть настигнет многих в этот день, как победителей, так и подажденных. Величественный Снежный Принц, эльф, непохожий на других, пришел в этот день, чтобы принести смерть нам всем. И он действительно принес эту смерть.

Неожиданно, налетела снежная буря, которая ослепила нас и сбивала с ног даже самых сильных. И Снежный Принц врезался в наши ряды. Вокруг этого эльфа вихрем кружились лед и снег, как будто вызванные им седе в помощь. Свист от его стремительного сверкающего копья пел панихиду всем, кто стоял на пути Снежного Принца, и многие из наших лучших воинов пали от этого копья в этот день. Ульфрик Наковальня, Стром Белый, Фрейда Волшебница, Хеймдалл Яростный. Все лежали мертвыми у подножья гор Моэсринг.

Впервые за этот день стало казаться, что перевес в битве перешел на другую сторону. Эльфы, воодушевленные Снежным Принцем, собрались в кулак, чтобы на нести последний решительный удар по нашим рядам. И тогда, в одно мгновение, битва при Моэсрине завершилась так, как никто не ожидал.

Финна, дочь Джофриор, двенадцатилетняя девочка, последовавшая на Солстейн за своей матерью, увидела, как Снежный Принц поразил единственного и самого дорогого ей человека. В ярости и слезах Финна подняла меч Джофриор и изо всех сил бросила его в убийцу своей матери. Когда сверкающее копье эльфа прекра-

тило свой смертоносный танец, на поле боя воцарились тишина, и все глаза обернулись к Снежному Принцу. Никто в этот день не был более удивлен, чем сам эльф, судя по выражению, которое застыло у него на лице. Снежный принц все еще сидел на своем величественном скакуне, а из его груди торчал меч Джоффриор, вошедший в нее по самую рукоятку. Затем он упал со своего коня, покинув поле битвы и мир живых. Снежный принц лежал мертвый, убитый реденком.

Когда их спаситель был повержен, боевой дух эльфов испарился. Многие бежали с поля боя, а те, кто остался, вскоре были зарублены нашими широкими нордическими топорами. Когда день подошел к концу, на поле боя остались только тела павших. И над этим тихим полем витало напоминание о мужестве и доблести, ибо превосходные доспехи и копье Снежного Принца все еще сияли. Вид этого великого и загадочного эльфа, даже поверженного, вселял в нас благоговейный ужас.

Это обычная практика — сжигать трупы наших павших врагов. Это традиция, порожденная необходимостью, ведь смерть несет заразу и вселяет страх. Наши вожди хотели очистить Солстейм от орд эльфов, как живых, так и мертвых. было решено, впрочем, что Снежного Принца не должна ждать такая участь. Этот великий воин, столь любимый своими сородичами, заслуживал большего. Даже после смерти, даже будучи врагом нашего народа.

И поэтому, мы подняли тело Снежного Принца, обернули его прекрасным шелком и положили в свежевыкопанный курган. Сияющие доспехи и копье были поставлены на пьедестал чести, а его могила была украшена драгоценностями, достойными короля. Все великие вожди согласились, что этот эльф должен быть похоронен с честью. Его тело будет лежать в кургане в сохранности так долго, как это решит земля, но ему не будет дарована защита из нашего сталгрима, который предназначен исключительно для умерших нордов.

Вот так заканчивается это повествование о битве при Моэсринге и падении величественного Снежного Принца эльфов. Пусть наши боги чтут его после смерти, и пусть мы никогда не встретим ему подобного в жизни.

Данмеры Скайрина

Данмеры — это наше название. Но у вас даже не хватает вежливости называть нас так. У вас, белокожих, желтушноволосых обезьян этой богами забытой мерзлой пустыни. Для вас, нордов, мы — "серые", "пепельнокожие", "темные эльфы" Морровинда, для вас наше присутствие в вашей стране как инфекция в открытой ране.

О да, мы читали великое произведение вашей культуры — "Норды Скайрина", — где вы превозносите многочисленные достоинства своего народа и провинции и приглашаете всех желающих ознакомиться с вашей родиной лично. Что ж, норды, вот мы и пришли, и встретили вы нас с куда меньшим радушием, чем обещали, — но именно так, как мы и ожидали.

И вот я, Аталь Сарис, данмер и иммигрант в Скайрине, решил в ответ на вашу любимую книгу написать свою собственную. И пусть все, кто возьмет ее в руки, знают, что норды — не единственная раса, поселившаяся в этом в этом холодном и негостеприимном краю. Ибо пришли мы, темные эльфы, и мало-помалу Скайрин станет нашим.

Но где же, спросите вы, мы решили поселиться? Да вот, не где-нибудь, а в древнем городе Виндхельме, бывшей столице Первой Империи. Да, норды, в тени самого вашего королевского дворца, где в свое время держал свой двор герой нордов Иссгамор, теперь припеваючи живем мы. О да. Ваши обожаемые Пятьсот Соратников изгнали наших предков из Скайрина — в прошлом. Полюбуйтесь же на настоящее.

Удивления достойно то, с каким успехом мы поселились в Виндхельме. Район, ранее известный как Квартал снега, отныне сменил имя. Теперь он известен как Квартал серых — таковы реалии данмерской оккупации. Теперь этот район полностью занят моими соотечественниками — местные нам проиграли.

Но на этом мирное вытеснение не заканчивается, о нет. Пересохло горло? В Квартале серых вам не найти нордских пиршественных залов. Однако в клубе "Новый Гнисис" подают отличные напитки. Ищете уважаемое семейство? В этих стенах вам не встретить Серых Грибов. Но, возможно, вы бы желали нанести визит в дом белана Хлаалу, потомка одного из самых знатных домов во всем Морровинде? Ах, точно. Вы же, норды, не ходите в Квартал серых, не так ли? Вы страшитесь наших улиц, как страшитесь и нашего народа.

Вот и вся правда, "дети Скайрина". Можете называть эту провинцию своим домом, но притязать на нее вам не более уместно, чем корове — на поле ее хозяина. Вы — лишь один из видов домашнего скота, что тупо седе пасется, пока более развитые существа готовят вас к дойне.

Предки и данмеры

Духи ходят среди них

О тошедшие в мир иной духи данмеров, а также, возможно, и других рас, продолжают существовать после смерти. Знания и могущество умерших предков служат процветанию данмерских Домов. Связь между живущими членами семьи и бессмертными предками основана частично на кровном родстве, частично на ритуалах и частично на доброй воле. Новый член семьи, вступивший в Дом после заключения брака, связывает себя с кланом узами ритуала и присяги, тем самым получая возможность общения с предками клана и иные блага от них. Впрочем, его связь с этими предками сладее, чем у его потомства, и он сохраняет некоторую связь со своими предками по крови.

Родовое святилище

В каждом доме имеется родовое святилище. В скромных домах это просто очаг или ниша, куда помещают почитаемые фамильные реликвии. В богатых домах для почитания предков выделяют помещение. Это святилище называют Дверью Ожидания, оно олицетворяет дверь в Обливион.

В этом месте члены семейства отдают дань уважения умершим, совершая жертвоприношения и молитвы, принося клятвы, давая обязательства и отчитываясь о делах семьи. В благодарность предки могут награждать семью знаниями и благословениями. Таким образом, предки являются покровителями и защитниками владения, и в особенности — прилегающего к Двери Ожидания пространства.

Призрачный предел

Высший долг каждой семьи — обеспечить достойное упокоение останкам своих предков в Городе мертвых, на-

пример, Некроме. Здесь духи помогают друг другу оградиться от хлада смертного мира. Однако знаком высокой добродетели и самопожертвования предка может служить его согласие на то, чтобы часть его останков была включена в призрачный предел, охраняющий клановое святилище и семейные владения. Обычно такое разрешение является частью завещания члена семьи, тогда по его распоряжению какой-нибудь сугроб пальца отделят от останков, совершают торжественную магическую церемонию и включают в призрачный предел клана. В исключительных случаях в состав призрачного предела включают целые скелеты или даже мумифицированные тела.

Эти останки становятся своего рода ориентиром и сигнальным огнем для духов предков, и в особенности для духа, которому принадлежали останки. Чем больше останков включено в призрачный предел, тем он сильнее. И чем более могущественным был смертный при жизни, тем большей силой будут обладать его останки.

Великий Призрачный Предел, созданный Трибуналом для противостояния Мору, включает в себя кости множества паладинов Храма и членов Домов Индорил и Редоран, которые посвятили себя в жизни и смерти служению Храму и Клану как своим нареченным семьям. В Призрачный Предел также включены кости, собранные в катакомбах Некрома и на многих полях битв Морровинда.

Смертный хлад

Духи не любят посещать мир смертных и делают это, только повинуясь долгу или обязательствам. По словам духов, мир иной гораздо приятней, им там более уютно, чем в нашем мире — холодном, жестоком, полном боли и страданий.

Обезумевшие духи

Духи, которых насильно удерживают в этом мире, могут превратиться в обезумевших духов, или призраков.

Некоторые духи оказываются привязанными к этому миру из-за ужасных обстоятельств их смерти или из-за сильной эмоциональной привязанности к некоторому лицу, месту или предмету. Их называют привидениями.

Некоторых духов ловят чародеи и связывают с зачарованными предметами. Если это совершается против воли духа, он обычно сходит с ума. Если же дух сам этого желает, он может как сохранить, так и не сохранить рассудок — все зависит от силы духа и мудрости зачарователя.

Некоторых духов насильно приставляют к охране родовых святилищ. Этот неприятный удел ждет тех, кто не проявил преданность семье при жизни. Благородные и послушные долгу духи нередко помогают ловить и привязывать блудных духов.

Такие духи часто сходят с ума, и стражи из них получаются свирепые. Помощью ритуалов их лишают возможности причинить вред смертным из их кланов, что, впрочем, не заставляет их вести себя почтительно. Они представляют серьезную угрозу для тех, кто решит вторгнуться на их территорию. Между тем,

если суметь достучаться до рассудка призрака, злобным духом можно манипулировать, сыграв на его враждебности к собственному клану.

Обливион

Существование Обливиона признается всеми народами Тамриэля, но о природе этого потустороннего мира нет единого представления. Принято считать, что это место, где обитают аэдра и даэдра, и что с помощью магии и ритуалов возможно общение и перемещение между нашим миром и Обливионом.

Даннеры не проводят четкой разделительной черты между этим миром и Обливионом, как это делают расы людей Тамриэля. Наш мир и потусторонний представляются им единым целым с множеством путей из одного в другой, а не двумя раздельно существующими и разными по сути мирами с четкой границей между ними. Возможно, именно этим философским мировоззрением обусловлена повышенная склонность эльфов к магии и ее использованию.

Даннерское почитание предков и магия духов с точки зрения чужеземцев

Альтмеры и босмеры также почитают своих предков, но выражается это лишь в обеспечении духам почетного и безмятежного перехода из этого мира в тот. Лесные и высокие эльфы, таким образом, считают, что удерживать духи мертвых в нашем мире — жестоко и противоестественно. Еще более диким и отвратительным они считают помещение останков предков на обозрение в призрачных пределах и ямах праха. Так, помещение костяшек пальцев в семейные святилища для босмеров (которые поедают своих мертвцев) является святотатством, а для альтмеров (которые хоронят своих мертвцев) — варварством.

Люди Тамриэля не понимают и боятся темных эльфов и их культуры. Они считают их бесчеловечными и злобными, кем-то вроде орков или аргониан, только более утонченных и образованных. Даннерское почитание предков и магия духов кажутся людям сродни некромантии — не исключено, что именно из-за подобных ассоциаций даннеры заслужили столь мрачную славу в Тамриэле. Это представление в целом неверно и порождено невежеством, ибо любая некромантия помимо общепринятых клановых ритуалов является отвратительнейшей мерзостью в глазах даннеров.

Темные эльфы ни за что не посмеют использовать колдовскую некромантию к останкам темного или любого другого эльфа. Однако люди и орки для даннеров — не более чем животные. В отношении таких останков, равно как и останков любых животных, птиц и насекомых, некромантия не возбраняется.

Империя официально признает даннерское поклонение предкам и магию духов как религию и охраняет право темных эльфов соблюдать свои обычаи, пока они не представляют угрозы для безопасности государства. Но сами имперские чиновники и торговцы в большинстве своем расценивают даннерское поклонение предкам и выставление на показ останков как варварство или даже некромантию.

"Некромантия" Телванни

Телванни являются знатоками в области некромантии, однако на останках темных эльфов они ее не практикуют. Здравомыслящие Телванни относятся к такой практике с отвращением и праведным гневом. Некромантию они практикуют на останках животных, а также людей, орков и аргониан, коих в Морровинде считают не более чем разновидностью животных.

Заметка издателя:

Эта книга была написана неизвестным ученым вскоре после подписания Перемирия и представляет собой руководство для посещающих Морровинд иностранцев. Многие из описанных здесь обычаяев уже отжили себя. Наиболее ощутимые изменения коснулись использования некромантии и Великого Призрачного Предела. Ныне данмеры считают отвратительной некромантию по отношению к останкам жителей Империи любых рас. Существование Великого Призрачного Предела, окружающего гору Дагот Ур, привело к ряду изменений в обычаях почитания предков. Большая часть останков предков сейчас идет на его укрепление, в Морровинде осталось крайне мало клановых призрачных пределов, да и Храм клеймит этот обычай Домов как эгоистичный. Забота о родовых гробницах и частных Дверях Ожидания также угасла, со времен Перемирия туда редко помещают останки. В последнее время части останков предков хранят в местных храмах, туда данмеры и приходят им поклониться.

Исповедь даннера — поедателя скумы

Нет ничего более отвратительного для даннера, чем вид другого даннера, попавшего в рабство этого производного лунного сахара, именуемого "скумы". И нет ничего менее аппетитного, чем жалостливые рассказы об унижениях и деградации, грозящих жертве этого омерзительного наркотика.

Тогда почему же я утомляю вас унылым перечислением моих скорбей и грехов?

Потому что лелею надежду на то, что окружающим станет известно, что с этим печальным положением можно справиться. И потому что другие люди, попавшие в зависимость от скумы, могут услышать мою историю, историю моего отчаяния и того, как однажды я снова стала самой собой и освободилась от мною же выкованных цепей.

Потому что всем каджитам известно, что нет лекарства от пристрастия к скумы, считается, что человек, ставший рядом скумы, остается навсегда. Все знают об этом, все считают это правдой. Но это неправда, и я — живое тому свидетельство.

Не существует чудесного лекарства. Нет никакого зелья. Нет магического заклинания, которое может освободить вас от наслаждения скумой в вашей крови.

Но есть понимание этого наслаждения, и жажды наслаждения, и стыда, который ощущает искатель наслаждений, будучи не в силах отказаться от того, что в недалеком будущем становится его единственной радостью, и благодаря этому знанию и пониманию можно прийти туда, где снова доступен выбор, а надежда и отчаяние разделимы.

Короче говоря, только понимание и приятие может дать в руки рада ключ, который откроет запоры и выпустит рада на свободу.

Дети Все-Создателя

Тарстан Солитьюдский

Если заглавие будит у вас определенные воспоминания, тогда, возможно, вы, как и я, имеете удовольствие быть знакомы с замечательным народом, скаалами Солстейма.

При первой же встрече с этими добрыми дикарями я был поражен их искренностью и гостеприимностью. Все и каждый радушно распахивали передо мной двери своих домов, не испытывая ни малейших сомнений и не выказывая никаких признаков подозрительности. Скаалы, кажется, мгновенно проникаются доверием к своим гостям.

Внешне скаалы явно напоминают нордов. Однако имеются значительные культурные различия, прежде всего, речь идет о религии. Скаалы никогда не разделяли верований Империи и признают лишь одно божество, которое называют Все-Создателем.

Для скаалов Все-Создатель — источник жизни и всего сущего. Когда некое существо умирает, его дух возвращается к Все-Создателю, который сотворяет из него что-то новое и возвращает в Мундус. Понятие смерти как конца жизни неизвестно скаалам. Скорее, смерть воспринимается как начало нового витка в бесконечном путешествии. Огромное уважение к жизни как таковой проявляется в верованиях скаалов, в концепции, которую селяне называют "единство с землей". Скаалы стараются жить в гармонии с окружающим миром, стараясь как можно меньше вмешиваться в естественный ход вещей. Когда скаалу нужны дрова для растопки, он собирает валежник или распиливает упавшие деревья. Скаалы охотятся лишь по необходимости, не ради трофеев или достижений. Они с большим почтением относятся ко всем формам жизни, поэтому прибегают к насилию лишь в крайних случаях.

Неудивительно, что этот простой, добронравный народ ведет весьма аскетическую жизнь. Скаалам слово "роскошь" практически незнакомо, хотя я был заинтригован, узнав, что одна селянка, Эдла, предлагая припасы путешественникам, проходящим через деревню, обменивает их на недорогие предметы роскоши. Такое направление предпринимательства — что-то новое для скаалов.

Хотя мне грустно заканчивать свой рассказ на печальной ноте, нельзя отрицать тяжкую правду: народ скаалов исчезает. Не исключено, что спустя одно-два столетия их уникальный образ жизни будет потерян для этого мира, став всего лишь крошечной ремаркой в великой книге истории.

В этом нет ничего странного, учитывая, как трудно жить в столь суровом краю. Для скаалов является нормой ежедневная битва за выживание в жестоком зимнем климате северного Солстейма, но недавно возникли и другие проблемы. Вварденфелльский пепел серьезно повлиял на растения и животных, от которых зависит выживание скаалов. Теперь всем, кто считает Солстейм домом, приходится бороться за существование.

Поэтому я смиренно молю всех изучающих историю, кому попадется этот скромный труд, отправиться на Солстейм и приникнуть к мудрости этого благо-

НАРОДЫ

родного народа с его древними обычаями. Народ скаалов может не задержаться в этом мире, но давайте позаботимся о том, чтобы их прекрасное наследие не пропало для потомков.

Печать смерти: рассказ Пирата

Хакнир Печать Смерти умирал.

Гарук Вой Ветра, корабельный квартирмейстер, никак не мог осознать это. Хакниру служил ещё его дед — а это было почти шесть десятков лет назад — и уже тогда тот был легендой среди пиратов севера. Его называли "Король призраков", ибо он был столь же неумолим и безжалостен, как море, по которому плавал. Для Гарука, который не раз видел, как Хакнир бросается в бой в сверкающем доспехе из стальгрина, подобный древним королям, срезая врагов, как траву, своими двумя саблями, он был практически богом.

Но никто не боялся Хакнира сильнее, чем его собственная команда. Они знали его приступы ярости, знали, как он наслаждался пытками и убийствами ради забавы. Были и более мрачные слухи: поговаривали, что он питался кровью и душами своих жертв, чтобы продлить свою жизнь. Кто-то считал его даэдра, пробравшемся в мир смертных. Другие говорили, что жизнью и могуществом, доспехом и оружием он обязан Дагону, принцу разрушения. И подписан договор был ужасной, неоживающей раной через всё его лицо — Печатью Смерти, на которое никто не мог взглянуть, не вздрогнуть.

Такие мысли вертелись в голове Гарука, когда тот занял своё место на палубе во главе команды. Он поприветствовал кивком рулевого Талина, своего главного соперника. К закату, подумал он, один из них будет капитаном. Второй — покойником.

Когда Хакнир вышел из своей каюты, команда затахла. У него был болезненный вид и надтреснутый голос. Но даже в таком виде он не потерял своего величия. Он взглянул на свою команду, на самых жестоких убийц, что когда-либо носила вода северных морей, и никто не смог встретиться с ним взглядом. Наконец, он вздохнул.

"Вы хотите знать, кто займёт моё место, и как будет разделена моя часть добычи".

Все хотели это знать, но всё равно в толпе раздались протестующие возгласы. Хакнир велел им замолчать.

"Все эти годы я выбирал среди вас того, кто будет достоин занять моё место, или же достаточно силён, чтобы отнять его у меня. Но никто из вас даже не приблизился к этому. Поэтому оно вам не достанется, — он поднял руку, — Именем Дагона, я проклинаю свой доспех и свои сабли, этот корабль и всё, что на нём есть. Пока не настанет день, когда один из вас победит меня в бою, никому из вас не достанется ни единой монеты, — он взглянул на команду, — Скажите спасибо, что я оставляю вам ваши жизни".

Гарук и Талин переглянулись. Произнеси кто другой такие слова, немедленно случился бунт. Сотни жадных до добычи пиратов против одного человека. Но это был Хакнир, и команда молчала.

Хакнир кинул карту к ногам Гарука: "Гарук, бери шлюпку и закопай мой доспех там, где я указал. Талин, мы отправимся к моей могиле, где ты оставил меня с мо-

НАРОДЫ

им золотом. Затем сожгите лодки и поступайте, как знаете. Я больше не капитан вам", — с этими словами он развернулся и снова направился в каюту.

На рассвете Гарук взял шлюпку и троих человек. Они высадились на берегу к северу от Солстхейма в месте, указанном Хакниром, разделили лагерь и начали копать.

Но жадность точила сердце Гарука. Снова и снова бросал он взгляд на окованый железом сундук, который они привезли с собой. Старика здесь не было — возможно, не было уже на этом свете. Приказ его был откровенно глупым.

Той ночью Гарук вскрыл сундук и достал шлем. Сталгрим подлескивал в лунном свете. Время настало. Новый Король Призраков должен был явиться миру. Он надел шлем на голову.

И закричал.

Люди говорят, этот крик до сих пор слышен лунной ночью на каменистом берегу к северу от Солстхейма.

Постскриптум: Эта — одна из последних историй цикла "Сага о Хакнире", описывающая жизнь и приключения легендарного пиратского короля Хакнира, известного как Печать Смерти. Насколько эти истории правдивы и правдивы ли они вообще — решать читателю.

— Артис Дрален, летописец дома Редоран

Король абесинских пиратов

Вырывай глаза, приятель, уши заливай свинцом,
Чтоб не видеть этот ужас, чтоб не слышать страшный стон,
Позабудь свою команду, расставайся-ка с ларцом.

Это Велек приближался, кровь кипела на воде.

Выбирай петлю по вкусу или по доске иди,
Поспешай-ка за борт быстро, подбросай свои мечи,
От тех тварей, что без сердца, милосердия не жди.
Ведь Король пиратов близко, кровь кипела на воде.
Будь ты галеон имперский или ловкий алик эльфов,
Раскрошат тебя на щепки, погрузившись ты на дно,
А пока побудь игрушкой, ведь пиратам все равно.
Не видать тебе рассвета, кровь кипела на воде.
Разорвет он вас на части, да закусит сердцем он,
Ему чуждо состраданье, его взор горит огнем,
впереди лишь море боли — плачьте-плачьте, слабаки.
Велек Сейн прошел по морю, кровь кипела на воде.

Пять далёких звёзд

Это сборник стихов мудрых женщин Уршилаку Эшлендеров. В нём содержатся стихи эшлендерских воинов, чемпионов, ашханов, посвящённые памяти мудрых женщин и передаваемые из поколения в поколение. "Пусть я превращусь в пыль" относится к давно умершему поэту и воину Зершиши Мус-Манулу.

Поднимись из тьмы, Красная Гора!
Раздвинь тёмные тучи и зелёные туманы!
Породи землетрясения, раздроби камни!
Покорми ветры огнём!
Прогони племена со своей земли!
Покорми опалённую землю нашиими душами!

Но никогда ты не будешь править мной.
Никогда я не буду дрожать перед твоей мощью.
Никогда не брошу я свой дом и свой очаг.
И мои слёзы удобрят почву,
На которой вырастут цветы.

Слова ветра

Это том поэзии, собранной от мудрых женщин Эшленда. "Дай мне стать пылью" записано в племени Ахеммуза в Грейзлендсе.

Дай мне стать пылью
В твоей холодной Глуши,
И пусть язык произнесёт
Последний гимн твоим ветрам.
Я молюсь о пастухе,
Что свистит своим играющим гуарам.
Я молюсь об охотнике,
Что нападает на белых ходоков.
Я молюсь о мудрой,

Что ищет под холмом,
И о жене, что желает ещё раз
Коснуться руки мёртвого сына.
Я не буду молиться о том,
что потеряла,
Когда сердце рванётся ввысь
От этой земли, как семя,
И расцветёт вновь под завтрашим
солнцем.

“безумцы” Предела

Трактат о культуре Изгоев

Арриан Арий, имперский ученый

С тех пор как Тайдер Септим одержал легендарную победу над “местными варварами” в битве при Старом Хролдане, имперские и нордские ученые отзывались о местном населении Предела как о дикарях, которые склонны к беспричинным приступам ярости, поклоняются еретическим богам и обожествляют животных и духов природы, которых лучше избегать всем цивилизованным людям. На самом же деле все подобные описания — не более чем “притчи победителей”, излагающие взгляд, намеренно зауженный ввиду постоянной борьбы, которую Империя ведет с древним и гордым народом, что жил в этом краю задолго до того, как Тайдер Септим впервые ступил на землю Тамиэля. В свете всего этого я надеюсь представить более полное, точное и справедливое описание людей, столь долго предыдавших в незавидном положении “врагов”, “смутьянов” и “этих”.

Начнем с Изгоев, так называемых “безумцев” Предела. В имперском легионе их относят к обычным разбойникам, указывая на постоянные набеги и нападения, каковые те устраивают на территории владения. Но ни в одной из военных сводок не задается вопрос “почему?”. Если бы они были просто шайкой бандитов, в их целях, несомненно, было бы захватить как можно больше золота ценой наименьшего количества погибших со своей стороны. Но во время нападений Изгоев происходит прямо противоположное. Значительные суммы денег остаются нетронутыми, а их бойцы без лишних сомнений отправляются на смерть, лишь бы не попасться в руки Имперских солдат.

Эти противоречия и привели меня в Маркарт, столицу Предела, в поисках ответов. Там я встретил одну старую женщину из числа коренных жителей, которая просила не упоминать ее имя в моих записях. Она поведала мне длинную историю своей семьи. О том, что, по ее мнению, их истоки уходят в Хай Рок, на родину бретонов (что

объяснило бы схожести в чертах лица и телосложении этих двух народов). О том, как пришли норды и забрали у них земли, богов и культуру. Когда же я спрашивал ее об Изгоях, старая женщина говорила, что это "настоящие" мужчины и женщины Предела: те, кто отказался сдаться нордам. Те, что по-прежнему исповедовали старинные традиции, которые все остальные ее соотечественники предали в обмен на мир.

Со временем в ходе своих изысканий, подтверждавших историю старой женщины, я смог заручиться доверием многих других коренных жителей. Вышло так, что один из них устроил для меня встречу, как мне казалось, со старейшиной их деревни. С ужасом я обнаружил, что меня привели в лагерь, где было полно черепов животных, отрубленных голов и еще бьющихся сердец, о которых я читал в военных сводках, когда еще был в Имперском городе. Там я встретил Кортрана, Изгоя, которого, по-видимому, по-задавило, что я решил записать его историю. Ниже я привожу ее целиком:

"Хотите знать, кто такие Изгои? Мы — люди, вынужденные грабить собственный край. Выжигать собственную землю. Мы — бич нордов. Топор, падающий в ночи. Последний крик перед тем, как боги заберут вашу душу. Мы — истинные сыновья и дочери Предела. Духи и ворожеи жили здесь испокон веков, и они на нашей стороне. Уходите. Уходите и скажите своей Империи, что мы возвратим седеющие королевство. И в тот день уже мы будем хоронить ваших убитых в земле, которая уже не будет вашей".

Тайна Талары

Мера Ллкит

Часть 1

Шел 405 год 3-й Эры. Проходило празднование тысячелетия со дня основания бретонского королевства Камлорн. И широкие аллеи, и узкие улочки были украшены фиолетово-золотыми знаменами, как однотонными, так и с гербами королевской семьи или вассалов короля. На больших и маленьких площадях играли музыканты, на каждом углу стояли редгарды — укротители змей, каджиты-акробаты, волшебники и не уступающие им в умении фокусники.

Парад Красоты привлек внимание большинства мужского населения Камлорна. Тысяча прекрасных девушек, одетых в яркие и соблазнительные костюмы, танцевали по главной улице города от Храма Сетьет до королевского дворца. Зрители толкались и почти сворачивали себе шеи, выбирав самых красивых девушек. Все знали, что они были проститутками, и после Парада и Праздника Цветов вечером с ними можно будет пообщаться в более интимной обстановке.

Джина привлекала внимание многих. Ее прекрасное тело едва прикрывали тонкие полоски шелка, а льняные локоны украшали лепестки цветов. Ей было уже под тридцать, может быть она и была не самой молодой проституткой, но уж точно — самой желанной. По ее поведению было видно, что она привыкла к похотливым взглядам, хотя вид роскошного города явно не успел ей надоест. По сравнению с нынешним кварталом Даггерфолла, где она жила, Камлорн во время празднований казался ей чем-то невообразимым. Но что еще удивительнее, насколько знакомым тут все ей казалось, хотя она ни разу здесь не была.

Дочь короля леди Джилия выехала верхом из ворот дворца и тут же прокляла свое невезение. Она совсем забыла о Параде Красоты. На улицах было не протолкнуться. Потребовалось бы подождать несколько часов, пока пройдет Парад, а она обещала навестить старую корнилищу Рамке в ее доме на юге города. Джилия задумалась на секунду, вспоминая план города, и придумала, как можно срезать дорогу, не выезжая на главную улицу.

Несколько минут она казалась себе очень сообразительной, пробираясь через узкие извилистые улочки, как вдруг она наткнулась на временные палатки и тенты, установленные для праздника, и ей пришлось искать новую дорогу. В следующую минуту она поняла, что заблудилась в городе, в котором провела пять лет своей жизни.

Вдруг она увидела главную улицу, по которой все еще шел Парад Красоты. Надеясь, что это конец всем ее злоключениям, и страстно желая больше не теряться, леди Джилия направилась прямо к фестивалю. Она не заметила укротителя змей на углу, и когда его подопечная зашипела и раздула капюшон, лошадь принцессы в страхе резко дернулась вперед.

Девушки на главной улице вскрикнули и отпрянули назад, но леди Джилии быстро удалось успокоить лошадь. Она очень смущалась, что стала причиной всего этого спектакля.

"Прошу прощения, девушки", — сказала она, по-военному отдав им честь.

"Все в порядке, мадам, — сказала блондинка в шелковом наряде. — Мы скоро уйдем с дороги и не будем вам мешать".

Девушки пошли дальше, а Джилия не могла отвести от них глаз. Когда она смотрела на ту проститутку, у нее возникло ощущение, что она смотрит в зеркало. Тот же возраст, рост, цвет волос, глаза, и фигура практически такая же. Девушка в толпе обернулась. Казалось, она думала о том же.

Джина подумала тоже самое. Старые ведьмы, которые иногда приходили в Даггерфорлл, рассказывали о доппельгангерах, духах, которые принимали вид своей жертвы, таким образом предсказывая ее смерть. Однако, встреча не испугала Джину: для нее это стало еще одной странно знакомой чертой чужого города. К тому времени, как Парад подошел к воротам дворца, она совсем забыла о том, что произошло.

Проститутки с шумом зашли во двор, и сам король вышел на балкон, чтобы приветствовать их. Рядом с ним стоял его телохранитель, скорее всего маг. Что касается самого короля, он был красивым человеком средних лет. Хотя в его внешности и не было ничего особыенного, Джина не могла отвести от него глаз. Может, она видела его во сне. Да, именно так: он пришел к ней во сне. Он возвышался над ней и затем наклонился, чтобы поцеловать ее. Но при этом не было похоти, просто нежный родственный поцелуй.

"Милые девушки, вы наполнили сегодня улицы великого Камлорна своей красотой", — начал король, и шепот и смех в толпе немедленно прекратились. Он гордо улыбнулся. Вдруг он увидел Джину, их взгляды встретились, и король замолчал. Казалось, они смотрели друг другу в глаза целую вечность, пока его величество не оправился и не продолжил речь.

Позже, когда девушки отправились к своим палаткам, чтобы переодеться на вечер, одна из старых проституток подошла к Джине: "Ты видела, как на тебя смотрел король? Если у тебя есть мозги, ты сможешь стать новой королевской фавориткой еще до конца праздника".

"Я видела много похотливых взглядов, а в его глазах этого не было, — засмеялась Джина. — Мне показалось, он принял меня за кого-то еще. Например, за ту женщину, что чуть не задавила нас. Наверное, она его родственница, и он решил, что она переоделась куртизанкой. Представляешь, какие будут потом ходить сплетни?"

Когда они подошли к палаткам, их встретил коренастый хорошо одетый юноша с лысиной на макушке, который, по-видимому, являлся важной персоной. Молодой человек представился лордом Стрейлом, послом самого императора, и их главным покровителем. Именно Стрейл нанял их от лица императора в качестве подарка королю и королевству Камлорн.

"Парад Красоты — это только начало. Сегодня вечером состоится Праздник Цветов, — сказал он. В отличие от короля он не должен был кричать, чтобы его услышали. Его голос и так был достаточно громким. — Каждая из вас должна выступить как можно лучше и оправдать все мои расходы. Теперь поторопитесь, вам нужно переодеться и быть у скалы Кавильстир до заката".

Послу не о чем было волноваться. Все женщины знали свое дело, умели хорошо одеваться, впрочем, они и без одежды чувствовали себя прекрасно. Слуга посла

Гнордут предложил девушкам свою помощь, но делать ему практически ничего не понадобилось. Их костюмы были сама простота: мягкие узкие полоски легкой ткани с отверстием посередине для головы. Даже пояс им был не нужен, их платья оставались открытыми сбоку, обнажая тело.

Поэтому задолго до того, как солнце село, проститутки, превратившиеся в танцовщиц, были уже у скалы Кавильстир. Там был огромный широкий выступ, выходящий на море. В честь праздника везде были установлены пока еще не зажженные факелы и стояли прикрытые корзины. Зрители уже начинали приходить. Девушки собирались в центре выступа и ждали, пока наступит время танца.

Джина смотрела, как растет толпа, и совсем не удивилась, увидев женщину с Парада. Последняя направлялась к ней по руку с низенькой седой старушкой. Старушка что-то говорила, указывая на острова в море. Видно было, что незнакомка нервничала и не знала, с чего начать разговор. Джина привыкла иметь дело с клиентами, которые чувствовали себя неловко, поэтому она заговорила первая.

"Приятно видеть вас снова, мадам. Я Джина из Даггерфолла".

"Я рада, что вы не обижаетесь на меня из-за лошади, — засмеялась девушка с облегчением. — Я леди Джилия Рейз, дочь короля".

"Мне всегда казалось, что дочерей короля называют принцессами", — улыбнулась Джина.

"В Камлорне так называют только наследниц трона. У меня есть младший брат от новой жены моего отца, которого он больше любит, чем меня, — ответила Джилия. Она почувствовала легкое головокружение. Безумием было разговаривать о семейных делах с простой проституткой. — Вы не против, если я задам вам один необычный вопрос, впрочем, он относится к нашему разговору. Вы когда-нибудь слышали о принцессе Таларе?"

Джина задумалась: "Имя знакомое. А почему я должна о ней слышать?"

"Не знаю. Мне просто показалось, что вы узнаете это имя, — вздохнула леди Джилия. — Вы когда-нибудь раньше были в Камлорне?"

"Если и была, то только в раннем детстве, — сказала Джина, и вдруг она почувствовала, что теперь настала ее очередь довериться незнакомке. Что-то в дружелюбной манере леди Джилии тронуло ее душу. — Честно говоря, я совсем не помню первые восемь или девять лет моей жизни. Может, я приезжала сюда с родителями, кем бы они ни были, когда я была еще маленькой. Даже скорее всего. Понимаете, я не помню, чтобы когда-нибудь приезжала сюда, но все, что я здесь видела — город, вы, сам король, все кажется таким... словно я уже была здесь, но давно".

Леди Джилия вскрикнула и сделала шаг назад. Она схватила за руку старушку, которая все еще смотрела на море и что-то шептала. Та удивленно посмотрела на Джилию, затем повернулась к Джине. В ее старых подслеповатых глазах что-то вспыхнуло, и она что-то сказала. Джина же вздрогнула. Если король показался ей персонажем из сна, то эту женщину она точно знала.

"Прошу прощения, — запинаясь произнесла леди Джилия. — Это моя кормилица Рамке".

"Это она!" — вскрикнула старушка, широко раскрыв глаза. Она попыталась броситься к Джине, вытянув руки вперед, но Джилия удержала ее. Джина внезапно почувствовала себя обнаженной и прижала руками платье к телу.

СКАЙРИМ: ЧЕЛОВЕК, МЕР И ЗВЕРЬ

"Нет, ты ошиблась, — прошептала леди Джилия Рамке, удерживая старушку. — Принцесса Талара умерла, ты это знаешь. Не нужно было приводить тебя сюда. Идем домой. — Она повернулась к Джине, ее глаза были полны слез. — Около двадцати лет назад была убита вся королевская семья Камлорна. Мой отец был герцогом Олойна, братом короля, и он унаследовал трон. Простите, что подбеспокоили вас. Доброй ночи".

Джина смотрела за леди Джилией и старой кормилицей, пока они не исчезли в толпе. У нее было мало времени, чтобы обдумать то, что она услышала. Солнце уже садилось, и начинался Праздник Цветов. Двенадцать юношей в набедренных повязках и масках появились из темноты и зажгли факелы. В эту же секунду Джина вместе с остальными подбежала к корзинам и вытащила оттуда виноград и цветы.

Сначала девушки танцевали друг с другом, бросая лепестки на ветер. Затем к ним присоединились зрители. Это был безумный, но прекрасный хаос. Джина была похожа на дикую лесную нимфу. Вдруг она почувствовала, как чьи-то руки схватили ее сзади и толкнули.

Она не сразу успела осознать, что падает. Но когда она это поняла, она уже приближалась ко дну ста-футового ущелья. Она вытянула руки и схватилась за камни. Ее пальцы сорвались, и она почувствовала боль, но все-таки смогла удержаться. Несколько секунд она пыталась отдохнуть. Затем она начала кричать.

Музыка слишком громко играла наверху: никто ее не слышал — она сама почти седя не слышала. Внизу был прибой. Она сломала бы седе все кости, если упала бы. Она закрыла глаза, и ей явилось видение. Внизу стоял человек, король великой мудрости, великого сострадания. Он смотрел на нее и улыбался. Маленькая озорная девчонка с золотыми волосами, ее лучшая подруга и кузина, сидела на скале рядом с ней.

"Секрет в том, что при падении нужно расслабить тело. И если повезет, тебе даже больно не будет", — сказала девочка. Джина кивнула, вспоминая первые восемь лет жизни. Пелена прошлого рассеялась.

Она расслабилась, перестала держаться за уступ и упала в воду плавно, словно лист.

Часть 2

Она ничего не чувствовала, тьма поглотила и ее тело и разум. Резкая боль пронзила ее ногу, внезапно она ощущила, что все ее тело погрузилось в холодную воду. Она открыла глаза и поняла, что тонет.

Ее левая нога совсем не двигалась, но, помогая седе правой и обеими руками, она смогла подняться на поверхность, освещенную сиянием луны. Течение затрудняло плавание, затягивая ее все дальше. Наконец, она вынырнула и вдохнула холодный ночной воздух. Она была довольно близко от каменистого берега столицы королевства Камлорн, но течение унесло ее далеко от того места, где она упала со скалы Кавилстир.

Не упала, поправилась она. Ее столкнули.

Она поплыла дальше по течению. Постепенно утес становился все меньшие и меньше, пока не сравнялся с поверхностью воды. Впереди виднелись очертания большого дома, и когда Джина подплыла еще ближе, она смогла разглядеть дым, идущий

из трубы, и мерцание огня внутри дома. Очень сильно болела нога, но даже это не так пугало Джину, хуже всего было ощущение ледяной морской воды, захватившее каждую клеточку ее тела. Желание поскорее оказаться в тепле придало Джине сил, и она заставила себя плыть дальше.

На берегу она попыталась встать, но не смогла. Ее слезы мешались с морской водой, когда она поползла по камням и песку. Простые белые одежды, ее костюм для Праздника Цветов, были изодраны, и тянули ее вниз, как свинец. Совершенно измученная, она упала и зарыдала.

"Пожалуйста! — крикнула она. — Если меня кто-нибудь слышит, помогите пожалуйста!"

Почти сразу же, дверь дома открылась и из него вышла женщина. Это был Рамке, старая дама, которую она встретила на Празднике Цветов. Та, которая изумленно вскрикнула: "Это она!" еще до того, как Джина она сама разобралась в своем прошлом. Но сейчас, когда старушка подошла к ней, то не показала, что узнает ее.

"О Сетьет, неужели ты ранена? — прошептала Рамке, помогая ей подняться. — Я видела этот наряд раньше. Ты сегодня была среди танцовщиц на Празднике Цветов, верно? Я была там с леди Джиллией Рейз, дочерью короля".

"Да, она познакомила нас, — простонала она. — Я ведь представилась, как Джина из Даггерфолла".

"Конечно, ты сразу показалась мне знакомой, — хихикнула старушка, и повела ее, прыгающую на одной ноге, к дому. — Память меня подводит. Тебе надо согреться, сейчас мы займемся твоей ногой".

Рамке взяла мокрые лохмотья Джину и укрыла ее одеялом, Джина села подближе к огню. Когда онемение от холодной воды прошло, боль пронзила ее тело. До этого, она не отваживалась взглянуть на свою ногу. А когда увидела, ее чуть не стошило от вида глубокой раны и надухшей белой, уже омертвевшей плоти. Густая артериальная кровь текла на пол.

"О боже, — сказала старушка, возвращаясь к очагу. — Представляю, как тебе сейчас больно. Тебе посчастливилось, что я еще помню некоторые исцеляющие заклинания".

Рамке села на пол и прижала руки к краям раны. Джина почувствовала резкую боль, а потом легкое пощипывание и покалывание. Когда она посмотрела вниз, Рамке медленно сводила свои морщинистые руки вместе. При их приближении рана залечивалась на глазах, плоть соединилась и ушибы исчезли.

"Святая Кинарет, — выдохнула Джина. — Вы спасли мне жизнь".

"Да, а еще у тебя не будет шрама на этой красивой ножке, — хихикнула Рамке. — Мне приходилось часто пользоваться этим заклинанием, когда леди Джиллия была маленькой. Ты знаешь, я ведь была ее няней".

"Я знаю, — улыбнулась Джина. — Но это было давно, а вы еще помните заклинание".

"Когда чему-то обучаешься, даже в школе магии исцеления, приходится много запоминать. Зато, когда доживаешь до моего возраста, уже нет нужды вспоминать. Есть вещи, которые ты просто знаешь. К тому же, мне приходилось произносить это заклинание тысячу раз. Малышки леди Джиллия и принцесса Талара всегда где-то царапались. Неудивительно, они же по всему дворцу лазали".

Джина вздохнула. "Вы, должно быть, очень любите леди Джиллию".

"Конечно, — просила Рамке. — Но теперь она выросла, все изменилось. Знаешь, я этого не заметила раньше, ведь ты была такой вымокшей, но ты очень похожа на нее. Я не говорила об этом еще тогда, когда мы на Празднике встретились?"

"Говорили, — ответила Джина. — Хотя, по-моему, вы сказали, что я похожа на принцессу Талару".

"Как было бы замечательно, если бы ты оказалась вернувшейся принцессой, — сказала старушка. — Знаешь, когда прежнюю королевскую семью убили, и все говорили, что принцесса тоже умерла, хотя ее тела так и не нашли, я думаю, что больше всего от этого пострадала леди Джиллия. Ее сердце было разбито, казалось, даже разум ее помутился".

"О чём вы? — спросила Джина. — Что случилось?"

"Не знаю, стоит ли это рассказывать незнакомке, но это довольно хорошо известно в Камлорне, у меня есть странное ощущение, что я знаю тебя, — сомневалась Рамке, но наконец решилась. — Понимаешь, Джиллия видела, как все произошло. Я нашла ее потом, она пряталась в залитом кровью тронном зале, и была похожа на сломанную куклу. Она не говорила, ничего не ела. Я испробовала все исцеляющие заклинания, какие знала, но это было мне не по силам, не то, что царапинка на коленке. Ее отец, тогда бывший герцогом Олойна, отправил ее в санаторий в деревне, чтобы она поправилась".

"бедная малышка", — заплакала Джина.

"Прошло много лет, прежде чем она поправилась от случившейся трагедии, — кивнула Рамке. — По правде говоря, в ней еще жива память о случившемся. Иначе, почему ее отец, когда взошел на трон, не сделал ее своей наследницей? Он думал, что она еще несколько не в себе, и хотя я это отрицаю, он все же прав. Она ничего не помнила, совсем ничего".

"Вы думаете, — осторожно спросила Джина. — Что она бы поправилась, если бы узнала, что ее кузина принцесса Талара жива и здорова?"

Рамке подумала: "возможно. А может быть, и нет. Иногда лучше расстаться с надеждой".

Джина встала, ее нога оказалась такой же здоровой, как и выглядела. Ее наряд высок, а Рамке дала ей плащ, настаивая, что ей будет холодно от ночного воздуха. Уходя, Джина поцеловала старушку в щеку и поблагодарила, не только за исцеление и плащ, но и за все добрые дела, которые Рамке совершала в своей жизни.

Ближняя дорога к дому шла на север, потом сворачивала на юг. Налево был путь обратно в Камлорн, к чьим тайнам у нее одной была разгадка. На юге был Даггер-фолл, ее дом уже больше двадцати лет. Она могла с легкостью вернуться туда, на улицу к своей "профессии". Немного подумав, она сделала выбор.

Она немного прошла, когда черная повозка с имперским гербом, запряженная тройкой лошадей, в сопровождении восьмерых всадников, пронеслась мимо. Прежде, чем обогнать деревянный перевал впереди, повозка внезапно остановилась. Она узнала одного из солдат, Гиорбута, слугу лорда Стрейла. Дверца открылась, и сам лорд Стрейл, посол императора, тот, кто нанял ее и остальных женщин развлекать двор, вышел из повозки.

"Ты! — насупился он. — Ты одна из проституток, верно? Это ты исчезла на Празднике Цветов? Джина, я прав?"

"Все это верно, — кисло улыбнулась она. — Но я выяснила, что мое имя — не Джина".

"Мне до этого дела нет, — сказал лорд Стрейл. — Почему ты оказалась на южной дороге? Я ведь заплатил тебе за участие в развлечениях".

"Если я вернусь в Камлорн, многим станет совсем не до развлечений".

"Объясни", — приказал лорд Стрейл.

Она так и сделала. А он слушал.

Часть 3

Гнордут уже уходил из своего любимого трактира в Камлорне, "Сломанной ветви", когда услышал, как кто-то позвал его. Его имя нельзя было перепутать ни с чьим другим. Он обернулся и увидел лорда Эрила, королевского боевого мага. Тот как разшел по темной аллее.

"Милорд", — сказал Гнордут с милой улыбкой.

"Я удивлен, что увидел тебя сегодня вечером, Гнордут, — произнес лорд Эрил с ухмылкой. — Я не видел тебя и твоего хозяина уже с самого празднования тысячелетия. Я полагаю, вы были очень заняты. И мне интересно, чем же вы были заняты".

"Зашита императорских интересов в Камлорне — очень трудоемкое занятие, милорд. Но я не думаю, что вам будет интересно вникать в подробности жизни посла".

"Но мне интересно, — сказал маг. — Особенно после того, как посол стал вести себя загадочно и недипломатично. Кажется, после Праздника Цветов он привел одну из уличных девок к себе домой. Ее зовут Джина, не так ли?"

Гнордут пожал плечами: "Он влюбился, милорд. А если вы знаете, когда человек влюбляется, он совершает довольно странные поступки".

"Она же самая обычайная девушка, — засмеялся лорд Эрил. — Но ты заметил, как сильно она похожа на принцессу Талару?"

"Я живу в Камлорне только 15 лет, милорд. Я ни разу не видел ее высочество".

"Я бы понял, если бы он начал писать стихи, он же проводит все дни на кухне во дворце, разговаривая со старыми служами. Что-то это не очень похоже на горячую страсть, даже исходя из моего скромного опыта, — лорд Эрил закатил глаза. — И что это за дело, которым он сейчас занимается в-о, как же называется эта деревня?"

"Умдингтон? — сказал Гнордут сразу же пожалел об этом. Лорд Эрил был слишком хорошим актером, чтобы показать это, но Гнордут был уверен, что боевой маг даже не знал, что лорд Стрейл уехал из столицы. Необходимо было срочно уйти, чтобы рассказать все послу, но и игру эту нужно было довести до конца. — Он уезжает туда только завтра. Я думаю, это пустая формальность. Просто необходимо поставить императорскую печать на каком-то документе".

"И все? Ему будет очень скучно, я полагаю. Что ж, увидимся с ним, когда он вернется, — лорд Эрил слегка поклонился. — Спасибо за информацию. Всего доброго".

Как только королевский боевой маг завернулся за угол, Гнордут вскочил на своего коня. Возможно, он выпил лишнего, но ему было необходимо добраться до Умдингтона прежде, чем люди лорда Эрила сделают это. Он поскакал на восток от столицы, надеясь, что найдет дорогу по указателям.

Лорд Стрейл сидел в таверне, в которой пахло плесенью и протухшим пивом, и удивлялся, почему агент императора леди Бризиенна всегда выбирала такие людные места для самых тайных из встреч. В Умдингтоне как раз было время сбора урожая, поэтому все работники просаживали свой заработок в тавернах. Он подобрал подходящую одежду: грубые штаны и простая крестьянская куртка, но все равно ему казалось, что он бросается в глаза. По сравнению с двумя его спутницами, так оно и было. Женщина справа от него привыкла скитаться по трущобам Даггерфорла в облике обычной проститутки. Леди Бризиенна, слева от него, еще лучше вписывалась в окружающую обстановку.

"Как мне тебя называть?" — спросила леди Бризиенна.

"Я привыкла к имени Джина, хотя, может все и поменяется еще, — ответила другая. — Хотя может быть и нет. Джина-проститутка — это будет написано даже на моем гробу".

"Я прослежу за тем, чтобы на тебя больше не было покушений, как тогда на Празднике Цветов, — нахмурился лорд Стрейл. — Но без помощи императора я не смогу защи-

щать тебя вечно. Единственным выходом будет поймать всех тех, кто хочет причинить тебе зло, и только потом ты сможешь вернуть себе прежнее положение".

"Вы мне верите?" — Джина повернулась к леди Бризиенне.

"Я уже много лет главный агент императора в Хай Роке, и мне доводилось слышать много странных историй. Если бы твой друг посол не навел кое-какие справки, я бы немедленно прогнала бы тебя и посчитала сумасшедшей, — Бризиенна засмеялась, после чего улыбнулась и Джина. — Но теперь я тебе верю. Может быть, это я сумасшедшая".

"Ты поможешь нам?" — спросил лорд Стрейл.

"Вмешиваться в дела провинциальных королевств всегда очень сложно, — леди Бризиенна задумчиво посмотрела в свою кружку. — Если нет прямой угрозы Империи, мы предпочитаем не вмешиваться. В твоем случае мы имеем дело с убийством, которое произошло двадцать лет назад. Сейчас начинают вылезать его последствия. А если его императорское величество начнет разбираться с каждым кровавым случаем престолонаследия в тысяче своих подданных королевств, у него не останется времени на заботу о Тамриэле".

"Я понимаю, — пробормотала Джина. — Когда я вспомнила, кем я была, и что со мной случилось, я решила ничего не предпринимать. Я уже собиралась уезжать из Камлорна назад в Даггерфорлл, когда снова увидела лорда Стрейла. Он решил помочь мне разобраться со всем, это была его инициатива, не моя. Лорд Стрейл привез меня назад, я просто хотела встретить свою кузину и сказать ей, кто я на самом деле, но он запретил мне".

"Это было слишком опасно, — сказал Стрейл. — Мы еще не знаем, насколько запутанной может оказаться эта история. Может, никогда и не узнаем".

"Прошу прощения, я всегда даю длинные ответы на короткие вопросы. Когда лорд Стрейл попросил меня о помощи, мне следовало просто ответить "да", — леди Бризиенна усмехнулась, увидев изменившиеся лица лорда Стрейла и Джины. — Конечно, я помогу вам. Но, чтобы все получилось, вам необходимо выполнить две вещи, чтобы император был доволен. Во-первых, вы должны узнать, кто стоит за этим заговором, и быть полностью уверенными, что это именно тот человек. Вы должны заставить его сознаться в содеянном".

"И во-вторых, — сказал лорд Стрейл, кивая. — Мы должны доказать, что это действительно стоит внимания его императорского величества".

Лорд Стрейл, леди Бризиенна и женщина, называющая себя Джина, еще нескользко часов обсуждали свои планы. Когда все было согласовано, леди Бризиенна ушла, ей нужно было найти своего компаньона Просеккуса. Стрейл и Джина отправились на запад, в Камлорн. Через некоторое время после того, как они выехали в лес, они услышали приближающийся конский топот. Лорд Стрейл обнажил меч и приказал Джине пришпорить лошадь и ехать позади него.

Внезапно на них напали со всех сторон. Это была засада. Восемь человек, все вооруженные топорами, поджидали их.

Лорд Стрейл быстро стащил Джину с лошади и заслонил ее своим телом. Он сделал короткое незаметное движение руками. Вокруг них возник огненный круг, который быстро разошелся в стороны, ударив по нападавшим. Они закричали от боли и упали на колени. Лорд Стрейл вскочил на ближайшую лошадь и помчался во весь опор на запад.

"Я думала, ты простой посол, а не маг!" — рассмеялась Джина.

"Я все еще верю, что время дипломатии придет", — ответил лорд Стрейл.

По дороге им встретился всадник, они знали, что он приближается, еще до того, как попали в засаду. Это был Гнордут: "Милорд, это королевский боевой маг! Он узнал, что вы оба находитесь в Умдингтоне".

"И довольно легко, должен сказать", — голос лорда Эрила раздался из чащи. Гнордут, Джина и лорд Стрейл осмотрелись вокруг, но ничего не увидели. Голос мага раздавался со всех сторон и ниоткуда.

"Прошу прощения, милорд, — нахмурился Гнордут. — Я попытался вас предупредить как можно скорее".

"В следующей жизни, может быть, ты научишься не рассказывать о своих планах пьяницам!" — засмеялся лорд Эрил. Он увидел их и произнес заклинание.

Гнордут первым увидел огненный шар, вырвавшийся из его рук. Позднее лорд Эрил все удивлялся, что этот глупец собирался предпринять. Возможно, он кинулся вперед, чтобы отстранить лорда Стрейла. Возможно, он пытался убраться из зоны действия заклинания, и просто подбежал влево, когда надо было бежать вправо. А может быть, хотя и маловероятно, он хотел пожертвовать собой, чтобы спасти своего хозяина. Как бы там ни было, результат был один.

Он оказался на пути.

Произошел взрыв энергии, который гулко отозвался в ночи и согнал птиц с деревьев примерно на милю вокруг. На том месте, где был Гнордут и его лошадь, теперь было черное пятно. Они как будто испарились. Джина и лорд Стрейл были отброшены назад. Их лошадь, когда к ней вернулись прежние рефлексы, унеслась галопом подальше от этого места. Сквозь мерцающую дымку на месте взрыва лорд Стрейл посмотрел прямо в глаза боевого мага.

"Черт", — сказал лорд Эрил и подбежал. Посол вскочил на ноги и последовал за ним.

"Даже для тебя это слишком сильное заклинание, — сказал лорд Стрейл на бегу. — Неужели ты не знаешь, что перед использованием дистанционных заклинаний необходимо убедиться в отсутствии помех на пути к цели?"

"Я никогда бы не подумал, что этот идиот..." — лорд Эрил получил удар в спину и упал на землю, прежде чем закончить предложение.

"Не важно, что ты подумал, — спокойно сказал лорд Стрейл, переворачивая мага на спину и прижимая его руки к земле. — Я не боевой маг, но я знал, что не стоит расходовать весь свой магический запас на твою маленькую засаду. Может быть, все дело в мировоззрении, но как агент правительства, я немного консервативен".

"Что ты собираешься делать?" — прохныкал лорд Эрил.

"Гнордут был хорошим человеком, одним из лучших, поэтому тебе будет очень больно, — посол сделал небольшое движение, и его руки начали ярко светиться. — В этом ты можешь быть уверен. А как долго тебе будет больно, зависит от того, что ты мне скажешь. Я хочу услышать кое-что о бывшем герцоге Олайне".

"Что ты хочешь знать?" — закричал лорд Эрил.

"Начнем... со всего сразу", — ответил лорд Стрейл, его лицо выражало глубочайшее терпение.

Часть 4

Джина никогда раньше не видела имперского агента леди бризиенну, но та сдержала свое обещание. Просеккус, клинок ночи на имперской службе, тайно появился в доме лорда Стрейла. Она оказалась способной ученицей и за несколько дней научилась тому, что ей было нужно.

"Это простое заклинание, не из тех, которые превращают яростного даэдрата в послушного щенка, — сказал Просеккус. — Если ты делаешь или говоришь что-то, что в нормальных условиях разозлило или обидело бы человека, заклинание ослабит этот эффект. Оно изменит на какой-то срок его отношение к тебе, как и все заклинания школы иллюзии, но чувство уважения или приязни далее должны стимулироваться чем-то отнюдь не магического характера".

"Я понимаю", — улыбнулась Джина, поблагодарив своего наставника за те два заклинания школы иллюзии, которым он ее научил. Пришло время воспользоваться своими новыми знаниями.

Гильдия проституток Камлорна располагалась в огромном дворце в богатом северном квартале города. Принц Силон мог бы найти туда дорогу с закрытыми глазами или даже будучи пьяным, что и происходило достаточно часто. Сегодня, однако, он был всего лишь навеселе и решил больше не пить. Сегодня у него было настроение для получения удовольствия. Его удовольствия.

"Где моя любимая Григия?" — спросил он у хозяйки Гильдии, едва войдя в помещение.

"Она все еще лечится после вашего последнего визита на прошлой неделе, — хозяйка безмятежно улыбнулась. — Почти все женщины сейчас с клиентами, но для вас я подготовила нечто особенное. Новая девушка. Вам наверняка понравится".

Принца привели в роскошные покои, обитые бархатом и шелком. Когда он вошел, Джина вышла из-за ширмы и быстро произнесла заклинание, открыв сознание для веры в чудо, как и учил ее Просеккус. Сначала она не могла понять, сработало заклинание или нет. Принц смотрел на нее с жестокой улыбкой, а потом, как будто бы солнце пробилось сквозь тучи, жестокость исчезла. Она с уверенностью могла сказать, что теперь он принадлежит ей. Он спросил, как ее зовут.

"Сейчас у меня нет имени, — поддразнила она его. — Я никогда раньше не занималась любовью с настоящим принцем. Я никогда не была во дворце. Ваш дворец... очень большой?"

"Пока что не мой, — он пожал плечами. — Но когда-нибудь я стану королем".

"Наверное, это будет чудесно, жить в таком месте, — ворковала Джина. — Тысячи лет истории. Должно быть, все очень старое и прекрасное. Картины и книги, статуи и гобелены. Ваша семья хранит старые сокровища?"

"Да, вместе с кучей всякого скучного хлама в архивных залах в подвалах. Скажи, я могу увидеть тебя обнаженной?"

"Сначала немного поговорим, хотя, если хочешь, можешь раздеться в любой момент, — сказала Джина. — Я слышала, что у вас есть архивный зал, но он спрятан от посторонних".

"За семейным склепом есть фальшивая стена", — сказал принц, схватив ее за запястье и притягивая к себе, чтобы поцеловать. Что-то в его глазах изменилось.

"Ваше высочество, мне больно", — закричала Джина.

"Достаточно разговоров, ты, ведьма", — прорычал он. Пытаясь справиться с приступом острого страха, Джина отрешилась, охладила разум, и, когда его злой рот прикоснулся к ее губам, она произнесла второе заклинание, которому научил ее наставник-иллюзионист.

Принц почувствовал, как его плоть превращается в камень. Он застыл на месте, глядя, как Джина приводит в порядок одежду и выходит из комнаты. Паралич продлится всего несколько минут, но больше ей и не требовалось.

Хозяйка Гильдии со своими девушкиами уже ушла, как и посоветовали ей Джина и лорд Стрейл. Они скажут ей, когда можно будет вернуться, не опасаясь мести. Она даже не взяла денег за свою роль в этой истории. Она сказала, что ей вполне хватает осознания того, что ее девушки больше не будут страдать от прихотей извращенного и жестокого принца.

Какой ужасный мальчишка, — подумала Джина, опуская капюшон плаща и бегом добираясь по улицам к дому лорда Стрейла. — Хорошо, что он никогда не станет королем.

На следующее утро король и королева Камлорна проводили ежедневную аудиенцию, на которой присутствовали знать и дипломаты. Тронный зал был почти пуст. Ужасно тосклиwyй способ начать день. В перерывах между принятием прошений король с королевой царственно зевали.

"Что же случилось со всеми интересными людьми? — пробормотала королева. — Где наш драгоценный мальчик?"

"Я слышал, он сейчас громит северный квартал в поисках какой-то шлюхи, которая оградила его, — захихикал король. — Хороший мальчик".

"А что с королевским боевым магом?"

"Я послал его разобраться с одним весьма деликатным делом, — король нахмурил брови. — Но это было почти неделю назад, и я пока не получил от него ни слова. Меня это беспокоит".

"Действительно, есть о чем волноваться, лорд Эрил не должен отсутствовать так долго, — королева тоже нахмурилась. — Что если какой-нибудь материнский волшебник придет сюда и будет угрожать нам? Муж, не смейся надо мной, именно поэтому все королевские дома Хай Рока держат своих магов рядом с собой. Чтобы защитить двор от злого колдовства, вроде того, от которого недавно пострадал наш император".

"Он пострадал по вине собственного боевого мага", — хмыкнул король.

"Лорд Эрил никогда не предал бы тебя, и ты прекрасно это знаешь. Он состоит у тебя на службе еще с тех самых пор, когда ты был герцогом Олойна. Как ты вообще можешь сравнивать его с Джагаром Тарном, — королева всплеснула руками. — Это то самое недоверие, которое разрушает королевства по всему Тамиэлю. Да, лорд Стрейл говорил мне..."

"Еще один пропавший", — задумчиво пробормотал король.

"Кто, посол? — королева покачала головой. — Нет, он здесь. Он хотел посетить склеп и отдать дань уважения твоим благородным предкам, так что я отправила его туда. Ума не приложу, что там можно делать столько времени. Наверное он еще более надежный, чем я думала".

Она был очень удивлена, когда король поднялся с явно встревоженным видом: "Почему ты мне ничего не сказала?"

Прежде чем она успела ответить, предмет их разговора прошествовал сквозь открытую дверь в тронный зал. Он вел под руку прекрасную женщину с распущенными волосами в роскошном алом платье, расшитом золотом, которое могла позволить себе не всякая благородная дама. Королева проследила за испуганным взглядом своего мужа и была поражена.

"Я слышала, что он связался с одной из шлюшек с Праздника Цветов, не леди, — прошептала она. — Вот только почему она так похожа на твою dochь, леди Джиллию..."

"Так и есть, — просипел король. — Или на ее кузину, принцессу Талару".

Знать в зале тоже начала шептаться. Хотя мало кто из них был при дворе двадцать лет назад, когда принцесса исчезла, и ее сочли убитой, как и всю остальную королевскую семью, все-таки некоторые престарелые государственные мужи еще помнили этот момент. Имя "Талара" пронеслось по залу, как заклинание.

"Лорд Стрейл, может быть, вы представите нам леди?" — спросила королева с вежливой улыбкой.

"Конечно, ваше величество, но, боюсь, сначала я должен обсудить с вами более важные проблемы, — с поклоном ответил лорд Стрейл. — Могу я попросить у вас приватной аудиенции?"

Король смотрел на имперского посла, пытаясь понять что-нибудь по выражению его лица. Взмахом руки он распустил собравшихся, и двери за ними захлопнулись. В зале для аудиенций остались только король, королева, дюжина королевских стражников, посол и единственная женщина.

Посол вытащил из кармана старый пожелтевший пергамент. "Ваше величество, когда вы взошли на трон после того, как ваш брат и вся его семья были убиты, все, что могло показаться важным, то есть документы и завещания, разумеется, были переданы клеркам и министрам. А вся его личная переписка, не имеющая особого значения, была отослана в архив и стандартно запротоколирована. Это письмо было в числе тех документов".

"И к чему все это, сэр? — грозно спросил король. — О чём это письмо?"

"Там нет ничего о вас, ваше величество. Честно говоря, во время восхождения вашего величества на престол, ни один из читавших это письмо не смог понять его значения. Это было письмо императору, которое ваш брат писал как раз тогда, когда его убили, оно касается вора, который когда-то был магом-жрецом в Храме Седьмьет здесь, в Камлорне. Его звали Джагар Тарн".

"Джагар Тарн? — королева нервно рассмеялась. — Вот ведь, а мы только что о нем говорили".

"Тарн похитил множество книг с могущественными забытыми заклинаниями и сведениями о таких артефактах, как, например, Псох Хаоса, о том, где они спрятаны, и как их использовать. До западного Хай Рока новости доходят очень медленно, и пока ваш брат король услышал, что нового боевого мага императора зовут Джагар Тарн, прошло уже много лет. Король писал письмо, чтобы предупредить императора о вероломстве имперского боевого мага, но это письмо так и не было дописано, — Лорд Стрейл поднял письмо. — Оно датировано днем убийства в 385 году. Оставалось еще четыре года до того дня, когда Джагар Тарн предал своего хозяина и начался десятилетний период Имперского Симулакра".

"Это все крайне увлекательно, — рявкнул король. — Но какое отношение это имеет ко мне?"

"убийство короля теперь становится делом имперской важности. К тому же, у меня есть признание вашего королевского боевого мага, лорда Эрила".

Король подbledел: "Ты несчастный червь, никто не может угрожать мне. Ни ты, ни твоя шлюха, ни это письмо. И никто из вас больше не увидит света дня. Стража!"

Королевские стражи однажды клинки и подались вперед. И в тот момент, когда они сделали это, неожиданная вспышка света озарила комнату и она заполнилась имперскими клинками ночи под предводительством Просеккуса. Они находились здесь уже несколько часов, растворившись в тенях и прислушиваясь к разговорам.

"Именем его императорского величества, Уриэля Септима VII, я вас арестовываю", — сказал Стрейл.

Двери открыли, короля и королеву вывели из зала. Джина сказала Просеккусу, где вероятнее всего можно найти их сына, принца Силона. Придворные и знать, которые находились в комнате для аудиенций, смотрели на странную торжественную процессию — короля и королеву вели в их собственную королевскую тюрьму. Никто не сказал ни слова.

Когда наконец раздался чей-то голос, он заставил всех вздрогнуть. В зале появилась леди Джиллия: "Что происходит? Кто осмеливается оспаривать власть короля и королевы?"

Лорд Стрейл повернулся к Просеккусу: "Мы поговорим с леди Джиллией наедине. Вы знаете, что делать дальше".

Просеккус кивнул, и двери в тронный зал опять закрылись. Придворные прижались к деревянным перегородкам, пытаясь услышать хоть что-нибудь. Хотя они и не могли сказать этого вслух, но объяснения им требовалось не меньше, чем ее светлости.

Часть 5

По какому праву вы арестовываете моего отца? — вскричала леди Джиллия. — Что он совершил?"

"Я арестовал короля Камлорна, бывшего герцога Олайнского, по праву имперского командующего и посланника, — сказал лорд Стрейл. — По праву закона императора Тамиэля, стоящего превыше провинциальной монаршьей власти".

Джина выступила вперед и попыталась положить руку на плечо Джиллии, но та очень холодно ее отвергла. Она тихо села у подножия трона в опустевшем приемном зале.

"Эта юная леди пришла ко мне, когда ее память совершенно восстановилась, но поведанная ею история представляется невероятной. Я просто не мог в нее поверить, — сказал лорд Стрейл. — Однако она была так убеждена, что мне пришлось провести расследование. Итак, я переговорил со всеми, кто был здесь, во дворце, двадцать лет назад, чтобы узнать, есть ли в ней хоть доля правды. Конечно, после убийства короля и королевы и исчезновения принцессы, было проведено полное дознание, но на этот раз я собирался задать другие вопросы. Вопросы об отношениях между двумя маленькими кузинами, леди Джиллией Рейз и принцессой".

СКАЙРИМ: ЧЕЛОВЕК, МЕР И ЗВЕРЬ

"Я уже сказала всем и каждому и повторю вновь: я ничего не помню об этом времени моей жизни", — заявила Джиллия, сдерживая слезы.

"Знаю, что не помните. Я никогда и не сомневался, что вы стали свидетельницей ужасного убийства и что провалы в памяти и у вас, и у нее, — лорд Стрейл указал на Джину, — вполне естественны. Судя по тому, что я слышал от слуг и прочих обитателей дворца, маленькие девочки были неразлучны. У них не было иных товарищ по играм, и, поскольку место принцессы было подле ее родителей, маленькая леди Джиллия тоже была там. Когда убийца вошел, чтобы истребить королевскую семью, король и королева находились в своей опочивальне, а девочки играли в тронном зале".

"Когда память вернулась ко мне, это было похоже на вскрытие запечатанного ящика, — торжественно сказала Джина. — Все простило настолько четко и подробно, словно это случилось вчера, а не двадцать лет назад. Я залезла на трон, изображая императрицу, а ты спряталась за кафедру, словно была в темнице, куда я тебя бросила. И тут из королевской спальни в зал ворвался человек, которого я никогда прежде не видела, с окровавленным клинком. Он бросился ко мне, и я побежала. Сначала я побежала к кафедре, но увидела твое лицо, застывшее от ужаса, и побоялась привести его к тебе. Поэтому я выскошила в окно".

"Прежде мы лазили по стенам замка, просто ради забавы, и это было первым моим воспоминанием: как я стою на уступе. Мы с тобой на стене замка, а король зовет меня, рассказывая, как спуститься. Но в тот день я не удержалась, поскольку вся тряслась. Я просто упала в реку.

Не знаю уж, поразил ли меня ужас увиденного или же повлияли еще и удар при падении и ледяная вода, но все словно выветрилось из моего сознания. Когда я, наконец, выбралась из реки, за много миль, я и понятия не имела о том, кто я. Так и жила все эти годы, — Джина улыбнулась. — До сих пор".

"Так ты принцесса Талара?" — воскликнула Джиллия.

"Позвольте мне объяснить прежде, чем она ответит, ибо простой ответ вызовет лишь недоверие, как он вызвал у меня, — попросил лорд Стрейл. — Убийца был пойман, прежде чем смог сбежать из дворца — на самом деле, он, верно, знал, что его поймают. Он немедленно сознался в убийстве королевской семьи. А принцессу, как он сказал, он выбросил в окно, обрекая на верную смерть. Слуга внизу действительно слышал крик и видел, как что-то быстро пролетело мимо окна, поэтому убийце поверили".

"Лишь через несколько часов маленькую леди Джиллию обнаружила ее няня Рамке. Девочка пряталась за кафедрой, вся в пыли, не способная вымолвить ни слова. Рамке проявила большую заботу о вас, — Стрейл кивнул Джиллии. — Она настояла, чтобы вас немедленно увезли в вашу комнату и послала весть герцогу Олайнскому, что королевская семья мертва и что его дочь видела убийцу, но уцелела".

"Я начинаю припоминать кое-что из этого, — с удивлением заметила Джиллия. — Я помню, как лежала на кровати, а Рамке меня утешала. У меня в голове была такая путаница, что я ничего не понимала. Я помню лишь, что хотела, чтобы продолжалась игра — уж не знаю, почему. А потом я помню, как меня одели и забрали в ту лечебницу".

"Скоро память вернется к тебе, — Джина улыбнулась. — Я обещаю. Я тоже так же начинала вспоминать, по крупицам. Я ухватила лишь одну деталь, как меня захлестнул целый поток".

"Вот-вот, — Джиллия зарыдала. — Но я не помню ничего, кроме смятения. Хотя нет, я помню, что папа даже не взглянул на меня, когда меня забирали. А еще я помню, что меня это нисколько не волновало — и ни что другое".

"Все тогда были в смятении, что уж говорить про маленьких девочек. Особенно, маленьких девочек, прошедших через то, что прошли вы, — сочувственно заметил лорд Стрейл. — Насколько я понял, как только герцог получил весть от Рамке, он покинул свой дворец в Олойне, распорядился отправить вас в частный пансион и держать там, пока вы не оправитесь от пережитого, и приказал своему телохранителю пытать убийцу, чтобы вытянуть из него информацию. Когда я узнал, что никто, кроме герцога и его телохранителя не видел убийцу после того, как тот дал изначальные показания, и что никто, кроме герцога и его стражей не присутствовал при попытке бегства убийцы, во время которой тот был убит, я счел эти факты весьма значительными.

Я поговорил с лордом Эрилом, который, как я знаю, был в числе присутствовавших при этом. Мне пришлось блефовать, притворившись, будто у меня больше доказательств, чем было в действительности. И я получил реакцию, которой ожидал, хотя это был и опасный гамбит. В конце концов он признался в том, в чем я и так уже был уверен.

Убийца, — лорд Стрейл замолчал на секунду, неохотно встретившись глазами с Джиллией, — был нанят герцогом Олойнским уничтожить королевскую семью, включая принцессу-наследницу, с тем, чтобы корона перешла к нему и его детям".

Джиллия посмотрела на него округлившимися от ужаса глазами: "Мой отец..."

"Убийце сказали, что как только его делом займется Герцог, ему заплатят и устроят побег из тюрьмы. Но в негодяе не вовремя взыграла алчность, и он запросил больше золота. Герцог решил, что дешевле будет заставить его замолчать на всегда, чтобы никто не смог поведать, что же произошло тогда на самом деле, — лорд Стрейл пожал плечами. — Невелика потеря, коли уж встал на путь убийств. Через несколько лет вы вернулись из обители. Вы, конечно, пережили потрясение, но почти вернулись в норму. А тем временем бывший герцог Олойнский занял место своего брата на троне короля Камлорна. Игра шла по-крупному, о такой мелочи, как дети, он не задумывался".

"Нет, — тихо сказала Джиллия. — Должно быть, он был очень занят. Он вновь женился и завел другого ребенка. Он ни разу не навестил меня в лечебнице, только Рамке".

"Если бы навестил и увидел тебя, — заметила Джина, — эта история могла бы повернуться по-другому".

"Что ты имеешь в виду?" — спросила Джиллия.

"А, мы подошли к самому удивительному, — сказал лорд Стрейл. — Долго стоял вопрос, является ли Джина принцессой Таларой. Когда к ней вернулась память, и она поведала мне свои воспоминания, я сложил несколько кусков воедино. Подумайте над этими фактами.

Вы, барышни, удивительно похожи друг на друга даже через двадцать лет, при том, что жизнь у вас была совершенно различна. В детстве же, когда вы постоянно общались и играли в одни игры, вы были почти неразличимы.

Во времена убийства злодей, мало что знал о вас, увидел девочку на троне, которую и счел своей добычей".

"Женщина, нашедшая леди Джиллию — это ее кормилица, существо с добрым сердцем, но некрепким умом, фанатично преданная своему делу — женщина такого типа никогда не признает, что именно ее любимая маленькая девочка исчезла. Кормилица была единственной, кто знал и принцессу Талару, и леди Джиллию, и кто посещал вас в приюте.

И наконец, — сказал лорд Стрейл, — учтите, что, когда вы вернулись из приюта, прошло пять лет, и вы уже превратились из ребенка в юную леди. Вы казались знакомой, но не совсем такой, какой помнила вас семья, что вполне естественно".

"Я не понимаю!" — вскричала бедная девушка, широко распахнув глаза — ибо на самом деле она поняла. Воспоминания нахлынули на нее разом, увлекая в водоворот.

"Позволь, я объясню, — сказала кузина, обнимая ее. — Теперь я знаю, кто я. Мое настоящее имя Джиллия Рейз. Тот человек, которого арестовали, это мой отец, убивший короля — твоего отца. А принцесса Талара — это Tbl".

Палла

Войен Миерстиид

Палла. Пал Ла. Я помню, когда мне впервые довелось услышать это имя, это случилось совсем недавно. Тогда был дал Сказок при свечах, проходящий в великолепном имении к западу от Мир Коррупа, и мы с приятелями, будучи начинаяющими членами в Гильдии магов, неожиданно получили приглашение на этот праздник. По правде говоря, нам не стоило особо удивляться. В Мир Коррупе было очень немного благородных семейств — золотой век этого региона, век его процветания, кончился давным-давно, во 2-й эре — следовательно, единственным способом поддержать престиж сего великолепного праздника было приглашение на него волшебниц и волшебников. В нас не было ничего экзотического, обычные ученики в маленьком, ничем не примечательном отделении Гильдии, но, как я уже сказал, выбирать особо не приходилось.

Почти год единственным моим домом были убогая обнищавшая Гильдия магов Мир Корруп. Единственными людьми, которых я видел, были такие же новички, как и я сам, нам приходилось терпеть друг друга, и учителя, чья горечь, вызванная пребыванием в этой захолустной Гильдии, выливалась в непрекращающее раздражение.

Меня сразу же привлекла школа иллюзии. Магистр, который обучал нас, увидел во мне способного ученика, которому были интересны не только сами заклинания, но и их философское обоснование. В идее искажения невидимых энергий света, звука и разума было что-то, что нашло отклик в моей душе. Вульгарные школы разрушения и изменения, благочестивые школы восстановления и колдовства, приземленные школы алхимии и зачарования, хаотическая школа мистицизма — все это не для меня. Самым большим удовольствием для меня было взять какой-нибудь обычный предмет и с помощью магии заставить его казаться чем-то совершенно другим.

Чтобы привнести эту философию в мою монотонную жизнь, и тем самым разнообразить ее, мне понадобилось бы куда больше воображения, чем было у меня в распоряжении. После утренних занятий нам давали задания, которые мы выполняли до вечерних занятий. Мне надо было убирать кабинет одного недавно умершего обитателя Гильдии, и разбирать его нескончаемые запасы книг, заклинаний и чар.

Это было одинокое и скучное задание. Магистр Тендикус, очевидно, был заядлым коллекционером абсолютно ненужного хлама, но я получал выговор каждый раз, когда выкидывал что-то, что казалось мне лишним каким бы то ни было ценности. Постепенно я научился доставлять каждый из найденных предметов в соответствующее ведомство: лечебные зелья — магистрам восстановления, книги по физическим феноменам — магистрам изменения, растения и камни — алхимикам, магические камни и предметы — магистрам зачарования. Однажды после того, как я доставил очередную порцию предметов магистрам чар, и собирался уходить, как обычно, не получив никакой благодарности, меня окликнул магистр Илзер.

— Мальчик, — сказал тучный старик, вручая мне один из принесенных мной предметов. — Уничтожь это.

Это был маленький черный диск, покрытый рунами, по периметру проходило кольцо красно-оранжевых камней, похожих на кости.

— Прошу прощения, магистр, — заикаясь, сказал я. — Мне показалось, что вас это может заинтересовать.

— Отнеси его к великому пламени и уничтожь, — рявкнул он, повернувшись ко мне спиной. — Запомни, ты никогда не приносил это сюда.

Разумеется, это очень заинтересовало меня, я знал только одну вещь, которая могла заставить его так повести себя. Некромантия. Я вернулся в комнату магистра Тендикусса и начал копаться в его записях в поисках какой-нибудь информации об этом диске. К сожалению, большинство записей были зашифрованы, и я так ничего и не смог понять. Я был так заворожен этой загадкой, что чуть не опоздал на вечернюю лекцию по чарам, которую читал как раз магистр Илзер.

На протяжении следующих нескольких недель я распределял свое время между разбором оставшегося хлама и изучением диска. Я обнаружил, что понял все правильно: этот диск был настоящим некромантским артефактом. Хотя мне так и не удалось разобрать большинство записей магистра, я все же выяснил, что по его сведениям, этот артефакт мог поднять из могилы павшего.

К сожалению, наступил тот момент, когда все вещи в комнате были разобраны, и мне дали другое задание — помогать на конюшне в зверинце Гильдии. Хотя там, я, по крайней мере, работал с другими новичками, и у меня появилась возможность видеть простых и знатных людей, они все приезжали в Гильдию по различным делам. Именно там я работал, когда нас пригласили на бал Сказок при свечах.

И, на тот случай, если бы нас не прельстил ожидаемый блеск предстоящего вечера, нам рассказали о хозяйке, которая оказалась молодой, богатой и незамужней сиротой из Хаммерфелла. Она переехала в наш заброшенный, заросший лесами уголок Имперской провинции всего месяц назад, чтобы привести в порядок старый фамильный особняк и прилегающие к нему земли. Новички в Гильдии сплетничали, как старухи, обсуждая таинственное прошлое молодой дамы, ее родителей и то, что мог-

ло с ними случиться, строили версии того, почему она уехала отсюда, а может быть, ее увезли. Бе звали бетаники, и это все, что мы знали.

Когда мы пришли на бал, на нас были мантии инициации, которыми мы очень гордились. В огромном зале, отделанном мрамором, слуга назвал имя каждого из нас так, как будто бы мы были членами королевской семьи, мы с важным видом прошли в залы и смеялись с остальными гостями. Разумеется, никто не обращал на нас абсолютно никакого внимания. По сути дела, мы были теми, кто должен был придать происходящему определенную солидность. Декорациями, проще говоря.

Разные важные люди просачивались сквозь нас с идеальной вежливостью. Там была старая леди Шаудирра, которая обсуждала дипломатические назначения в Балморе с герцогом Римфарлина. Орочий военачальник развлекал хихикающую принцессу рассказами о насилии и грабежах. Три магистра Гильдии волновались о проклятии Даггерфолла в обществе трех болезненно тощих старых дев. Здесь анализировались интриги имперского и прочих королевских дворов, что-то вежливо высмеивалось, вызывало недовольство, снаковалось, забывалось, оценивалось, прощалось, давались советы, низвергались чьи-то кумиры. Никто не смотрел в нашу сторону, даже когда мы стояли совсем рядом. Как будто бы мои навыки в области иллюзий сделали нас всех невидимыми.

Я взял бокал и прошел с ним на террасу. Лун, казалось, стало в два раза больше, они одинаково ярко светили в небе и в огромном пруду, который протянулся в саду. Белые мраморные статуи стояли около пруда, на них падал отраженный свет, и они горели в ночи как факелы. Это зрелище было таким необычным, почти потусторонним, что я долго, заворожено смотрел на него, и странные тени фигур редгардов обретали свою жизнь в камне. Наша хозяйка недавно переехала сюда, так что некоторые скульптуры все еще были накрыты белыми полотнищами, которые трепетали на ветру. Я не знаю, как долго я стоял там, прежде, чем понял, что я не один.

Она была такой маленькой и темной, причем не только кожа, но и одежда, что я чуть не принял ее за тень. Когда она повернулась ко мне, я увидел, что она очень красива и молода, ей было не больше семнадцати лет.

— Вы наша хозяйка? — спросил я наконец.

— Да, — она улыбнулась и покраснела. — Но, надо признать, к моему стыду, у меня это получается очень плохо. Мне, наверное, следовало бы быть внутри вместе с моими новыми соседями, но мне кажется, мы с ними слишком разные.

— Мне дали понять с предельной ясностью, что им было очень хотелось, чтобы у нас с ними не было вообще ничего общего, — я рассмеялся. — Когда я буду не просто инициатом в Гильдии магов, может быть, они и станут воспринимать меня, как равного.

— Я пока что не понимаю концепции равенства в Сиродиле, — она нахмурилась. — Как мне кажется, вы с ними на одном уровне, но это мое воспитание. Мои родители были великими воинами, и я надеюсь стать такой же, как они.

Она перевела взгляд на статуи.

— Эти скульптуры изображают ваших родителей?

— Это мой отец Париом, — сказала она, указывая на скульптуру, которая изображала массивного мужчину, бесстыдно обнаженного, он держал за горло другого воина и, кажется, собирался отрубить ему голову. Это было очень реалистичное изображение. Лицо Париома было простым, даже немного уродливым, низкий лоб, на

голове копна спутанных волос, на щеках щетина. Была даже маленькая дырка между зубами, которую не сделал бы ни один скульптор, если бы не содирался придать своему творению максимальное сходство с оригиналом, то есть, со всеми плюсами и минусами.

— А это ваша мать? — спросил я, показав на стоящую рядом статую гордой, кренастой женщины в мантилье и шарфе, которая держала на руках ребенка.

— О нет, она рассмеялась. — Это старая нянюшка моего дяди. Статуя мамы еще закрыта.

Не знаю, что вынудило меня настоять на том, чтобы открыть статую, на которую она показала. Может быть, судьба, а, может, просто эгоистичное желание продолжить разговор. Я боялся, что, если не дать ей повода, она решит, что должна вернуться к гостям, и я снова останусь в одиночестве. Сначала она колебалась. Она еще не решила, не пострадают ли статуи от влажного, временами холодного климата Сиродила. Может быть, все скульптуры надо накрыть. Скорее всего, она тоже пытается поддержать разговор, и думала, как и я, что если мы будем стоять на одном месте, нам очень скоро придется возвращаться на базу.

Через несколько минут мы все-таки сняли полотнище со статуи матери Бетаники. Именно тогда моя жизнь изменилась полностью и бесповоротно.

Это был дикий дух самой природы, кричащий в схватке с бесформенной чудовищной фигурой из черного мрамора. Ее прекрасные длинные пальцы царапали морду существа. Когти монстра вцепились ей в правую грудь, как будто бы лаская, но результатом этой ласки была смертельная рана. Их ноги переплелись в борьбе, которая напоминала какой-то странный танец. Я чувствовал себя уничтоженным. Эта гибкая, но грозная женщина была прекрасна вне всех стандартов и канонов. Кто бы ни сделал эту статую, он смог показать не только лицо и тело этой богини, но также ее силу и волю. Скульптура была одновременно трагической и ликующей. Я сразу же неотвратимо влюбился в эту женщину.

Я даже не заметил, как к нам подошел Гелин, один из моих сокурсников, который решил уйти с праздника. Судя по всему, я прошептал слово "великолепна", потому что услышал, как Бетаники ответила откуда-то издалека (так мне показалось):

— Да, она великолепна. Поэтому я и опасаюсь, оставлять ее на растерзание стихиям.

Потом я услышал голос Гелина, его я услышал четко, он был похож на воду, бьющуюся о камни:

— Да хранит меня Мара. Это, должно быть, Палла.

— Так вы слышали о моей матери? — спросила Бетаники, поворачиваясь к нему.

— Я родом из Вэйреста, это практически на границе с Хаммерфеллом. Не думаю, что в наших краях есть хоть один человек, который не слышал бы о вашей матери и о великом героизме, который она проявила, освобождая нашу землю от этой ужасной твари. Она погибла в сражении, так ведь?

— Да, — грустно сказала девушка. — Но она забрала чудовище с собой.

И несколько мгновений мы все молчали. Я не помню других событий этой ночи. Кажется, я получил приглашение на обед на следующий день, но мой разум и мое сердце были полностью и навсегда отданы этой статуе. Я вернулся в Гильдию, но и во сне меня лихорадило, я не так и не смог отдохнуть. Казалось, что все вокруг меня растворяется в белом свете, все, кроме одной прекрасной и пугающей женщины — Паллы.

||

Палла. Пал Ла. Это имя выжжено в моем сердце. Я шепчу это имя, даже когда пытаюсь сконцентрироваться на том, что говорит магистр. Мои губы произнесут "Пал", и выдохнут "Ла", как будто я целую ее дух, находящийся передо мной. Это было полнейшим безумием, и я понимал, что это безумие. Я знал, что я влюбился. Я знал, что она была знатной редгардкой, бесстрашной воительницей, прекраснее света звезд. Я знал, что ее дочь, бетаники, купила осодняк рядом с Гильдией, я знал, что я ей нравился, может быть, даже она влюбилась в меня. Я знал, что Палла сражалась с ужасным монстром и убила его. Я знал, что Палла была мертва.

Как я сказал, я знал, что это безумие, но также я знал, что я не безумен. Еще я знал, что я должен вернуться в дом бетаники и увидеть статую моей Паллы, запечатленной в момент смертельной битвы с этим монстром.

И я возвращался, снова и снова. Если бы бетаники была другой, у меня не было бы столько возможностей. В своей невинности она не видела моей одержимости и была рада каждому моему приходу. Мы часами разговаривали, смеялись, и время от времени подходили к скульптуре ее матери, перед которой я стоял, не в силах вымолвить хоть что-нибудь.

— Это замечательная традиция — запечатлять своих предков в их самые главные жизненные моменты, — сказал я, чувствуя на себе ее пытливый взгляд. — И как хороша работа.

— Вы мне не поверите, — рассмеялась девушка. — Но был целый скандал, когда мой пррапрадедушка положил начало этой традиции. Редгарды очень чтят свои семьи, но мы воины, а не художники. Он нанял странствующего скульптора, чтобы изготовить первые статуи, и они всем нравились, пока не открылось, что скульптор был эльфом. Альтмером с острова Саммерсет.

— Какой конфуз!

— Точно, — серьезно подтвердила бетаники. — Невозможно было даже представить себе, что грязный эльф вылепил фигуры благороднейших редгардов. Это было что-то совершенно ужасное. Но моему пррапрадедушке статуи очень понравились, и его философия использовать лучшее для лучшего дожила и до нас. Я бы ни за что не привлекла худшего скульптора для изготовления фигур своих родителей просто потому, что лучшим является эльф.

— Они все потрясающи, — сказал я.

— Но вам больше всего нравится скульптура моей матери, — улыбнулась она. — Я вижу, что вы смотрите на нее даже, когда кажется, что вы смотрите на другие. Она мне тоже больше всего нравится.

— Вы мне не расскажете о ней? — попросил я, пытаясь сказать это так, чтобы голос не выдал моего волнения.

— О, она была сказала, что она была обычной, но это было не так, — сказала девушка, срывая цветок с клумбы. — Мой отец погиб, когда я была очень маленькой, поэтому на маму навалилось слишком много забот. Но она без труда с ними справлялась. У нас было много деловых предприятий, и она с блеском преуспевала во всех. Гораздо лучше, чем я сейчас. Ей нужно было только улыбнуться, и все

уже ее слушались, а те, кто не слушался, дорого за это платили. Она была очаровательна и остроумна, но также обладала невероятной силой, когда дело доходило до драки. Она участвовала в сотнях сражений, но я никогда не чувствовала себя обделенной материнской заботой. Я считала, что смерть не сможет победить ее. Это глупо, я знаю, но когда она ушла на бой с этим ужасным существом из лаборатории безумного мага, я и подумать не могла, что она не вернется. Она была доброй с друзьями, и беспощадной с врагами. Что еще можно сказать о настоящей женщине?

бедняжка бетаники прослезилась от воспоминаний. Каким же злодеем я был, заставив рассказать мне все это, только чтобы утолить свои извращенные желания! Меня переполняли слезы и страсть. Палла не только выглядела богиней. Со слов своей дочери, она ею и являлась.

В ту ночь, готовясь ко сну, я обнаружил черный диск, который мне удалось стянуть из кабинета магистра Тендикуса несколько недель назад. Я уже почти забыл о нем. Магистр считал, что этот артефакт может воскресить человека. Практически инстинктивно я положил этот диск себе на сердце и прошептал: "Палла".

Порыв ледяного ветра ворвался ко мне в комнату. Я замер от страха и выронил диск. Через мгновение я пришел в себя и понял: артефакт мог выполнить мое желание.

До самого утра я пытался вернуть мою госпожу из объятий Обливиона, но безуспешно. Я не был некромантом. Я думал, кого бы из магистров попросить помочь мне, но вспомнил, как магистр Ильтер умолял уничтожить диск. Если я приду к ним с этой просьбой, меня исключат из Гильдии, а диск уничтожат сами. А это единственный шанс оживить мою возлюбленную.

Весь следующий день на занятиях я пребывал в обычном для себя полузабытьи. Магистр Ильтер читал лекцию по своей специальности, школе Зачарования. Он был довольно занудным лектором, но вдруг я почувствовал, что он говорит что-то очень важное для меня лично.

— Считается, что моя наука занимается изобретениями. Что мы закладываем заклинания и проклятия в различные предметы. Создаем магические кольца или мечи. Но это только часть правды. Настоящий волшебник не только может придумать что-то новое, но и извлечь мощную энергию из артефакта. Например, новичок сможет извлечь из магического кольца лишь немного тепла, а адепт при помощи этого же кольца сможет сжечь целую рощу, — старик рассмеялся. — Я, правда, не стремлюсь к этому. Этим занимается школа Разрушения.

На той неделе всех недавно посвященных просили выбрать специализацию. Все удивились, когда я отказался от своей любимой школы Иллюзий. Мне показалось смешным, что раньше я увлекался этой наукой. Я полностью сосредоточился на школе Зачарования, ведь только с помощью нее я мог высвободить энергию диска.

Я мало спал в последующие месяцы. Несколько часов в неделю я проводил с бетаники и моей статуей, чтобы получить дополнительную мотивацию. Все остальное время я был с магистром Ильтером или его ассистентами, пытаясь впитывать все, что они могли мне дать. Они научили меня находить скрытые силы внутри магических предметов.

— Обыкновенное заклинание, каким бы сложным и зреющим оно не выглядело, все равно мимолетно. Оно есть сейчас, но его не будет после, — вздыхал магистр Ильтер. — Но если его прочитать в нужном месте и должным образом, оно будет обладать почти живой энергией, оно будет расти и развиваться. Неопытный маг увидит лишь самую верхушку той силы, что скрыта в заклинании. Вы должны чувствовать себя шахтером, который роет все глубже и глубже, чтобы добраться до самого центра золотой жилы.

Каждую ночь, когда лаборатория закрывалась, я практиковался в том, что мне удалось узнать. Я чувствовал, что силы мои растут, а вместе с ними увеличивается и сила диска. Шепча "Палла", я погружался в артефакт, ощущая на себе каждую выгравированную на нем руну. Иногда я был так близко к ней, я почти чувствовал, как ее руки касаются меня. Но что-то темное и страшное, ощущение смерти, скорее всего, всегда вмешивалось и прерывало мое погружение. А вместе с этим ощущением приходил непереносимый запах разложившейся плоти, на который со временем стали жаловаться мои соседи.

— Должно быть, какой-то зверек застрял под половицами и умер, — говорил я.

Магистр Ильтер хвалил меня и позволял пользоваться лабораторией после занятий. Я узнавал все больше и больше, казалось, что я уже очень близок к Палле. Но однажды ночью все закончилось. Я находился в забытьи, шепча имя моей возлюбленной и прижимая диск к своей груди, когда вспышка молнии за окном отвлекла меня от концентрации. Страшный ливень начался в Мир Коррупе. Я пошел закрыть ставни, а когда вернулся, то увидел, что диск был разбит.

Я стал выть, а затем истерично смеяться. Это было слишком большое потрясение для моего хрупкого разума. Следующие несколько дней я провел в постели с лихорадкой. Если бы не лекари из Гильдии магов, я бы, скорее всего, умер. А так я был великолепным больным, на котором обучали молодых студентов.

Когда я, наконец, снова смог ходить, я пошел навестить бетаники. Она была очаровательна как всегда. Ни разу не заострила внимание на том, как ужасно я выгляжу после болезни. Но все-таки я дал ей повод поволноваться, когда наотрез отказался прогуляться с ней вдоль бассейна.

— Но вы же так любили смотреть на статуи, — воскликнула она.

Я чувствовал, что мне следовало открыться ей. Это был мой долг.

— Дорогая леди, я люблю не статуи. Я люблю вашу мать. Только о ней мог я думать все эти месяцы, с тех пор как впервые увидел эту божественную скульптуру. Я не знаю, что вы теперь обо мне подумаете, но у меня была навязчивая идея вернуть ее к жизни.

Бетаники уставилась на меня с широко открытыми глазами. Наконец она произнесла:

— Я думаю, вам следует уйти. Я не знаю, как бы этот ужасный поступок...

— Поверьте мне, я очень хотел этого. У меня не получилось. Я не знаю почему. Не могло быть так, что моя любовь была недостаточно сильна, потому что вряд ли кто-нибудь когда-нибудь так любил. Может быть, моего опыта не хватило, но это не от недостатка занятий! — я чувствовал, что поднимаю голос, и знал, что начинаю кричать, но сдержаться уже не мог. — Может быть, причина в том, что ваша мать никогда не видела меня, но я знаю, что во время заклинания принимается во внимание

ние лишь чувства читающего. Я не знаю, что случилось! Может быть, этот ужасный монстр, который убил ее, наложил на нее какое-то ужасное проклятие! У меня не получилось! И я не знаю почему!

С неожиданной для нее скоростью и силой, бетаники оттолкнула меня. Она крикнула: "Убирайтесь!" Я направился к двери.

Прежде, чем она захлопнула двери, я попытался извиниться:

— Простите меня, бетаники, но поймите, что я хотел вернуть вам мать. Я знаю, что это безумие, и только в одном я могу быть уверенным — в том, что я люблю Паллу.

Дверь уже почти закрылась, но девушка внезапно распахнула ее:

— Кого вы любите?

— Паллу! — крикнул я.

— Мою мать, — злобно прошептала она, — звали Зсарлис. Палла была тем монстром.

Я не знаю, как долго еще я смотрел в закрытую дверь, а потом медленно подбрел к Гильдии магов. Я пытался вспомнить ту далекую ночь, когда впервые увидел статую и впервые услышал имя своей возлюбленной. Его произнес Гелин, недавно посвященный. Он стоял за моей спиной. Может быть, он узнал монстра, а не женщину?

Я повернулся на пустынную улицу, которая вела за пределы Мир Коррупа, когда передо мной поднялась огромная тень. Она ждала меня здесь.

— Палла, — простонал я. — Палла.

— Поцелуй меня! — завыла она.

И вот сейчас я стою перед ней. Любовь красна, как кровь.

Фалмеры: Исследование

Урса Утракс

Я изучала, путешествовала, исследовала, наблюдала и наконец нашла подтверждение своей гипотезы: что мерзкие фалмеры, населяющие самые тёмные недра Скайрима, и в самом деле являются легендарными снежными эльфами.

Никто точно не знает, с чего началась история снежных эльфов, однако древний труд "Падение Снежного принца", представляющий собой описание Моэсгрингской битвы в изложении Локхайма, летописца вождя Ингвальдра Белоглазого, даёт нам достаточно яркое описание её конца.

Как следует из этого рассказа очевидца, великий вождь фалмеров, известный лишь под именем Снежного принца, доблестно погиб в битве и был с почестями похоронен сразившими его нордами. Остальных снежных эльфов разогнали либо подбивали, и больше о них никто не слышал. Так, по крайней мере, многие считали.

Но там, где кончается история снежных эльфов древности, начинается история нынешних фалмеров. Ибо после того, как воинство снежных эльфов потерпело поражение в тот роковой день, оно не просто разбрелось — оно ушло вниз. Под землю, в глубокие недра. Ибо фалмеры искали убежища в самом неожиданном месте — в Чёрном Пределе, глубоко под поверхностью Скайрима, в легендарном царстве самих двемеров.

Да, Чёрный Предел существует. Я побывала там — и, в отличие от большинства очевидцев его ужасного величия, вернулась. И теперь я знаю о фалмерах правду.

Подбёдённые нордами фалмеры получили защиту у гномов, но за неё они заплатили ужасную цену. Двемеры не доверяли пришельцам и заставили их съесть ядовитые грибы, в своё время произраставшие под землёй. В результате снежные эльфы лишились зрения.

Вскоре величественные снежные эльфы утратили всё своё могущество. Они стали прислужниками гномов... а затем и их рабами. Однако коварство двемеров было столь всеобъемлющим, столь совершенным, что они сделали те грибы неотъемлемой частью фалмерского рациона. Это служило гарантией слабости не только тогдашних фалмерских невольников, но также и их потомства. Таким образом снежные эльфы оставались слепыми на все времена.

Но, как и в каждой истории о родах и их хозяевах, фалмеры в конце концов восстали. Спустя поколения после того, как они впервые пришли к гномам в поисках укрытия, фалмеры восстали против своих притеснителей. Они свергли с седя гнёт гномов и укрылись ещё ниже, в самых глубоких, самых затаённых недрах Чёрного Предела.

Жестокое противостояние двух сторон длилось десятилетиями. Глубоко под землёй Скайрима бушевала всеобъемлющая и кровопролитная война Скалы, в то время как на поверхности норды даже не подозревали о ней. Война, чьи битвы и герои останутся нам навеки неведомы. Но пришёл день, когда война прекратилась. В этот день фалмеры вышли на битву со своими двемерскими противниками, но однажды, что вся раса... исчезла.

Теперь фалмеры, избавленные от ига своих двемерских господ, могли свободно расселиться по Чёрному Пределу. Но продолжавшаяся годами война с гномами сде-

лали их кровожадными и жестокими. Обуреваемые жаждой завоеваний и убийств, они стали устраивать разбойничьи вылазки наружу.

С тех пор поползли легенды. О невысоких, слепых, гоблиноподобных существах, которые появляются из разломов земли тёмной ночью и удивляют скот, нападают на одиноких путешественников и крадут спящих младенцев из колыбелей.

В последние годы, однако, этих существ стали замечать всё чаще и чаще. Их набеги стали более организованными, атаки — более жестокими. И, в общем-то, уже напрашивается предположение, что фалмеры готовы измениться ещё раз. Может ли это быть правдой? Действительно ли ушедшие в века снежные эльфы готовы вновь явить седя во всей своей давно позабытой славе? Готовы ли они и впрямь подняться на поверхность и вступить в войну с "жителями света"?

Если так и случится, если фалмеры действительно планируют завоевать Скайрим — то, боюсь, нас ждёт ужас, перед которым не выстоят ни люди, ни даже боги.

Гномы: Утраченная раса Тамиэля,

Том I. Архитектура и инженерия

Колсельно, маркартский ученый

Для начала, позволю себе исправить распространенное задлужение. Правильное название древней утраченной расы Тамиэля — "дземеры". Это слово приблизительно переводится на доступный язык как "народ глубин", и на смену ему в употребление давно вошло более распространенное наименование — "гномы". Я бы хотел обозначить, что в этих книгах я использую слово "гномы" вместо более точного термина из заботы о своих читателях, которые вряд ли располагают тем объемом научных знаний, которые я приобрел за 200 лет своих исследований.

Теперь, когда мы разобрались с этой деталью, начнем наше изучение гномов с рассмотрения неоспоримых артефактов, которые они оставили после себя: их архитектурных и культурных произведений. В отличие от более противоречивых знаний о гномах, устройство гномых городов и памятников не подлежит сомнению, так как имеется масса образцов, взятых из руин, которые остались после этого народа. В свое время Маркарт, мой родной город, представлял из себя такого же рода руины, и я из непосредственного опыта могу заявить, что все создания рук гномов придерживаются ряда общих принципов, по которым можно отличить настоящие артефакты от подделок и определить систему и методы, на которых основывались их умельцы.

Во-первых, можно с уверенностью утверждать, что гномы мастера отдавали предпочтение камню, по крайней мере когда дело касалось зданий. Это и неудивительно. За несколькими исключениями, подавляющее большинство гномых построек расположено под землей или в недрах гор. Теоретически вероятно, что раса гномы впервые освоили работу с камнем довольно рано, а возникшие позднее металлоконструкции монтировались на ранние каменные постройки по мере того, как гномы осваивали более сложное оборудование. Так или иначе, все известные гномы руины основаны на камне и структура каменной кладки гномов угловата, остроконечна и, по сути, является довольно математической.

Простой подсчет показывает, что существуют сотни, если не тысячи, зданий гномов, состоящих из идеально прямых углов, в то время как примеров, когда в каменной кладке допускались окружности и изгибы, гораздо меньше. Это заставляет нас предположить, что гномы предпочитали надежные, хорошо просчитанные конструкции, основанные на линиях с точными углами, более рискованным и неточным расчетам с использованием дуг и кривых. Несмотря на свою сравнительную простоту, эта традиция камнеобработки создала постройки, которые по сей день сохраняют ту же конструктивную устойчивость, что и тысячу лет назад, и на фоне которых произведения самых талантливых каменищиков нашего времени кажутся лишь детским лепетом.

Металлообработка, как нам известно, являлась основным методом для изготовления большинства гномых изделий. Конечно, мы не можем исключать вероятности, что в изделиях гномов использовались и менее прочные материалы, такие как глина, бумага или стекло, однако, учитывая, что гномы склонны предпочитать долговечное хрупкому, мы можем с уверенностью считать, что как минимум металл от-

давалось значительное предпочтение. Сам же металл, из которого изготовлены все известные нам творения гномов, не встречается ни в одной другой культуре.

Ни одна другая раса не смогла воспроизвести процесс изготовления гномьего металла. И хотя его нетрудно спутать с бронзой — чем широко пользуются изготовители подделок, создавая из бронзы фальшивые имитации двемерских изделий, — это, безусловно, иной, самобытный тип металла. Я лично наблюдал, как металлурги пытались воспроизвести исключительные свойства гномьего металла, сочетая различные типы металла с обычными и редкими рудами, но пока что единственный действенный способ — расплавить имеющийся гномий металлом и затем уже что-то с ним делать.

Том II. Оружие, доспехи и механизмы

В ходе нашего предыдущего обсуждения гномов (или "демеров", говоря более точным, научным языком) мы рассмотрели особенности гномьей архитектуры и металлических изделий. Продолжая нашу дискуссию об утраченной расе Тамриэля, мы рассмотрим, как гномы снаряжались на войну и боролись с нежеланными гостями. В отличие от многих других поныне существующих народов гномы конструировали все более и более сложные машины для различных военных целей, в то время как оружие и доспехи, изготовленные исключительно для гномьих воинов, не подвергались многим усовершенствованиям относительно их оригинального дизайна.

Начнем с анализа типовых доспехов и оружия. Всакий, кому довелось держать в руке гномий топор или носить гномий шлем, знает, какой прочностью и долговечностью отличаются изделия гномьих мастеров. Оружие практически не выходит за пределы своего основного предназначения. Гномы мечи с невероятной эффективностью пробивают легкие доспехи, что в первую очередь обусловлено исключительной остротой закаленного гномьего металла и куда в меньшей степени простой, заточенной с двух сторон формой меча.

Сравните и противопоставьте друг другу прямой и остроконечный гномий кинжал и изогнутый эльфийский клинок, и вам нетрудно будет прийти к заключению, что оружейники гномов почти целиком полагались прежде всего на изготовление качественных материалов, а затем просто позволяли им принять форму, исходя из того, каким именно образом оружие должно было убивать.

Поскольку этот народ строил преимущественно под землей, неудивительно, что гномы доспехи созданы с расчетом на невероятно сильные удары. Опять же, тот факт, что их трудно пробить стрелами или небольшими клинками, свидетельствует скорее о превосходстве гномьей металлургии, чем о превосходстве оружейного мастерства гномов, однако было бы ошибочным сделать из этого заключение, что кузнецы гномов не очень серьезно относились к производству своего оружия и до-

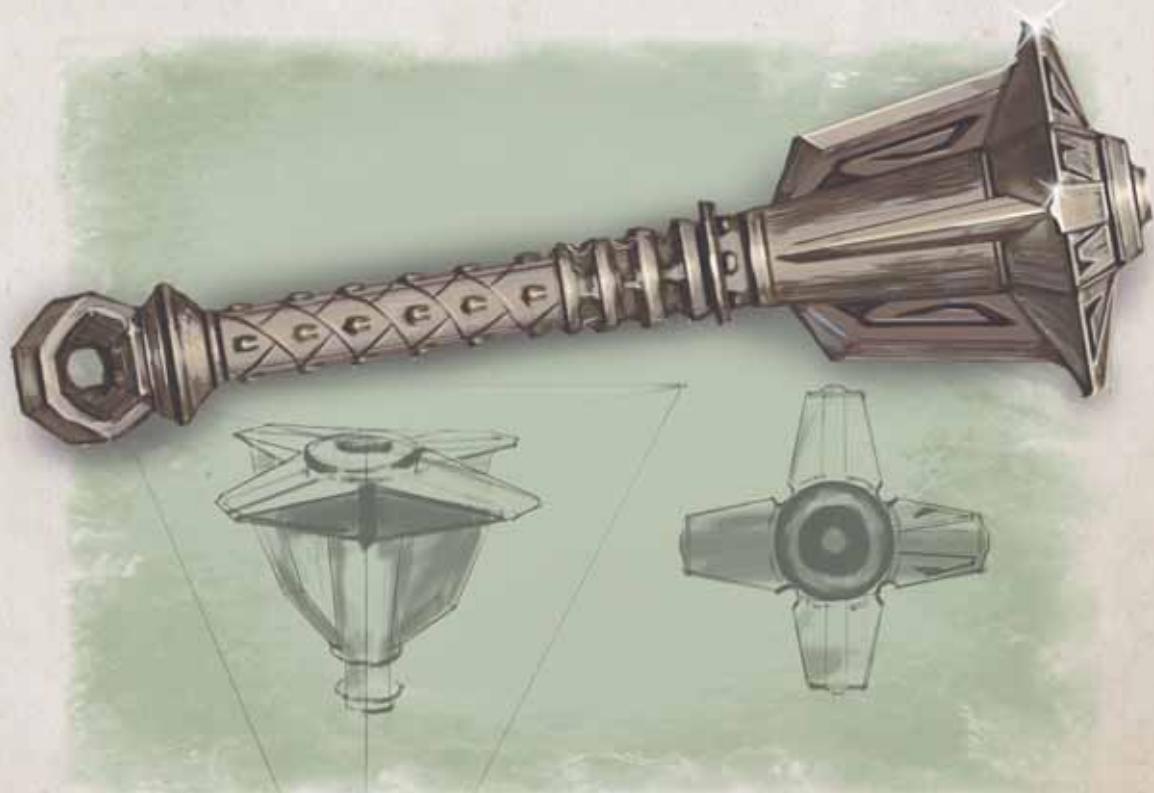

спехов. Каждый из изученных мною предметов военного снаряжения отличается высоким уровнем детализации и индивидуализации, столь же характерным для наиболее преданных своему делу кузнецов наших дней.

Возможно, каждый кузнец придерживался той или иной давней традиции, которая проявлялась, скажем, в особенной форме наконечников отдельных стрел или балансов рукоятки булавы. Впрочем, ввиду явной нехватки каких-либо артефактов культуры, помимо собственно оружия и доспехов, это можно считать лишь догадкой.

Последнее, но, пожалуй, наиболее важное, что мы обсудим в этом томе, касается существования гномьих машин. Гномы в широком масштабе изобретали и производили тысячи механических устройств различной сложности. Самое простое из них — стандартная "паукообразная" модель, предназначенная для охраны от проникновения посторонних лиц. Пока что нам не вполне понятно, как гномам удалось оживить эти донельзя разумные механизмы, но я лично наблюдал, как один из них в течение нескольких часов незаметно преследовал профессионального вора, пока наконец внезапно не напал на него, когда тот разбирался с замком от какого-то помещения или хранилища сокровищ — признаюсь, с того момента, как эта штука стала хлестать вора молниями, подробности мне не известны.

Военные машины гномов сильно отличаются в размерах: от "сферического" воина высотой с человека, который патрулирует руины и выглядит при этом безвредным шаром, пока не превращается в вооруженного до зубов механического солдата в доспехах, до вселяющего ужас "центуриона" высотой от двух до нескольких сотен человеческих ростов — в зависимости от того, чьим рассказам верить.

Мародар Сул и упрощение представлений о двемерах в общественной культуре

История и культура двемеров

Хасфрат Антадолис

Хота "Древние легенды двемеров" Мародара Сула и были решительно развенчаны ученым сообществом уже в правление Катарии I, они остаются классической литературой в глазах среднего класса Империи и до сих пор питают воображение поколений школьников, создавая у них представление о двемерском образе жизни. Что же в этом объемистом (хотя и парадоксально бессмысленном) сочинении оказалось настолько привлекательным для публики, что позволило ему преодолеть и насмешки литераторов, и едкую критику научного сообщества?

Прежде чем исследовать этот вопрос, необходимо привести краткий обзор происхождения и последующей истории "Легенд". Впервые опубликованные примерно в 28670 году, в Междуречье — период между падением Первой Сиродильской Империи и восшествием на трон Тайдера Септима, они были поданы как серьезная научная работа, основанная на архивных данных Университета Гвилима, и в хаосе той эпохи были так и восприняты (явный признак плачевного состояния науки в те годы). О создателе "Легенд" известно немного, но похоже, что за именем Мародара Сула скрывался Гор Фелим, плодовитый автор романов "ужас за грош" той эпохи, часто писавший под разными псевдонимами. Хотя, к счастью, большая часть текстов Фелима сгинула в глубинах истории, то немногое, что осталось, напоминает "Древние легенды" и по языку, и по стилю (см. Ломис, "Сравнение текстов "Предполагаемого коварства" Гора Фелима и "Древних легенд двемеров" Мародара Сула"). Фелим всю жизнь прожил в Сиродиле и писал легкие развлекательные романы для светского общества древней имперской столицы. Зачем он решил обратиться к двемерской истории неизвестно, но совершенно ясно, что его "исследование" ограничилось переделкой сказок крестьян Ниденейской долины на двемерский лад.

Книга оказалась популярна в Сиродиле, и Фелим продолжил серию. Из-под его пера вышло семь томов. "Древние легенды двемеров" прочно заняли место самой популярной книги в Сиродиле (выдержав 17 переизданий к тому моменту), когда политические силы, приведшие к власти Тайдера Септима, начали распространять литературу "центра" по всему континенту. Двемеры Мародара Сула хорошо сочетались с волной популяризации представлений о высшем положении расы людей, не изжитыми окончательно и до сих пор.

Двемеры в этих рассказах предстают существами сказочными и фантастическими, но, в общем и целом, они выглядят "в точности, как мы". Они кажутся слегка эксцентричными, но в них нет ничего опасного или пугающего. Сравните это с двемерами ранних легенд редгардов: таинственные, могучие существа, способные изменять сами законы природы по своей воле; исчезнувшие, но, возможно, не вымер-

шие. Или с двемерами, описанными в древнейших сагах нордов: опасными воинами, увлекающимися порочными религиозными практиками, которые использовали свои нечестивые механизмы, чтобы изгнать нордов из Морровинда. Двемеры Мародара Сула гораздо лучше отвечали требованиям того времени — люди объявлялись венцом творения, а все остальные расы рассматривались как непросвещенные варвары или несовершенные создания, нуждающиеся в руководстве. "Древние легенды" целиком соответствуют этому подходу, и это объясняет их немалую популярность. Двемеры Мародара Сула оказались гораздо более дружественными и знакомыми, чем настоящие двемеры, чью таинственную сущность мы только начинаем познавать. Публика предпочитает легкую, упрощенную версию этой исчезнувшей расы. Впрочем, основываясь на своем многолетнем изучении двемеров, я даже симпатизирую такому подходу. Как покажут мои последующие очерки, с точки зрения современного человека двемерское общество было во многих отношениях на редкость непривлекательным.

Происхождение двемерских законов

Данная книга представляет собой исторический анализ развития двемерских законов и обычаев в рамках культурного наследия высоких эльфов.

Вкратце говоря, насколько мне удалось отследить ход развития обычаев досмерских племён, он в сущности повторяет эволюцию альтмерских законов. Ответственность за рабов и животных с течением времени, по большей части, свелась к выдаче виновного пострадавшему, а впоследствии, как и на островах Самиерсет, это приняло форму компенсации.

Какова же значимость данного утверждения при изучении наших современных законов? Что касается влияния альтмерских законов на наши собственные, осоединено в той части, которая оговаривает отношения между хозяином и служой, мы можем найти доказательства тому в каждом судебном решении, вынесенном за последние пятьсот лет. Как неоднократно отмечалось, мы до сих пор пользуемся логикой альтмерских магистратов, утратившей в наши дни всяческий смысл. И сейчас я быстро продемонстрирую влияние альтмерской традиции на современный двемерский суд.

В своде законов Карндарской заставы (1180 д.э.) сказано: "Если тот, кем владеет другой, убьёт того, кто владеет сам собой, владелец должен отдать родичам убитого три хороших инструмента и тело того, кем владел." Существуют и другие, похожие примеры. Тот же самый принцип применялся даже к делам, касающимся смерти в результате действий центуриона. "Если кто-то будет убит анимункулом или анимункулами в общественном рабочем месте, члены семьи погибшего могут разобрать анимункула или анимункулов и забрать в своё пользование его или их части в течение тридцати дней с момента убийства".

Поучительно также провести параллели с работами Дхарка по изучению зверо-подобных дикарей Тенмарских лесов. "Если аргонианин убивает болотную кошку, на её семью падает позор. Смыть его можно, лишь убив аргонианина или ему подобное существо. Более того, если болотная кошка погибнет, упав с дерева, её родственники должны отомстить за неё, повалив дерево и лишив его ветвей, и разбросав их по всему лесу".

Висячие Сады Востена Коридейла

Эта книга написана на двемерском языке и переведена на альдмерис. Можно разобрать лишь несколько фрагментов на альдмерис, но, возможно, ученому этого будет достаточно, чтобы перевести другие двемерские книги.

...направил Альтмера-Эстриала в центр города, где находились уничтоженные четырехугольные сады...

...спросил основания и цепи и сосуды названных мест...

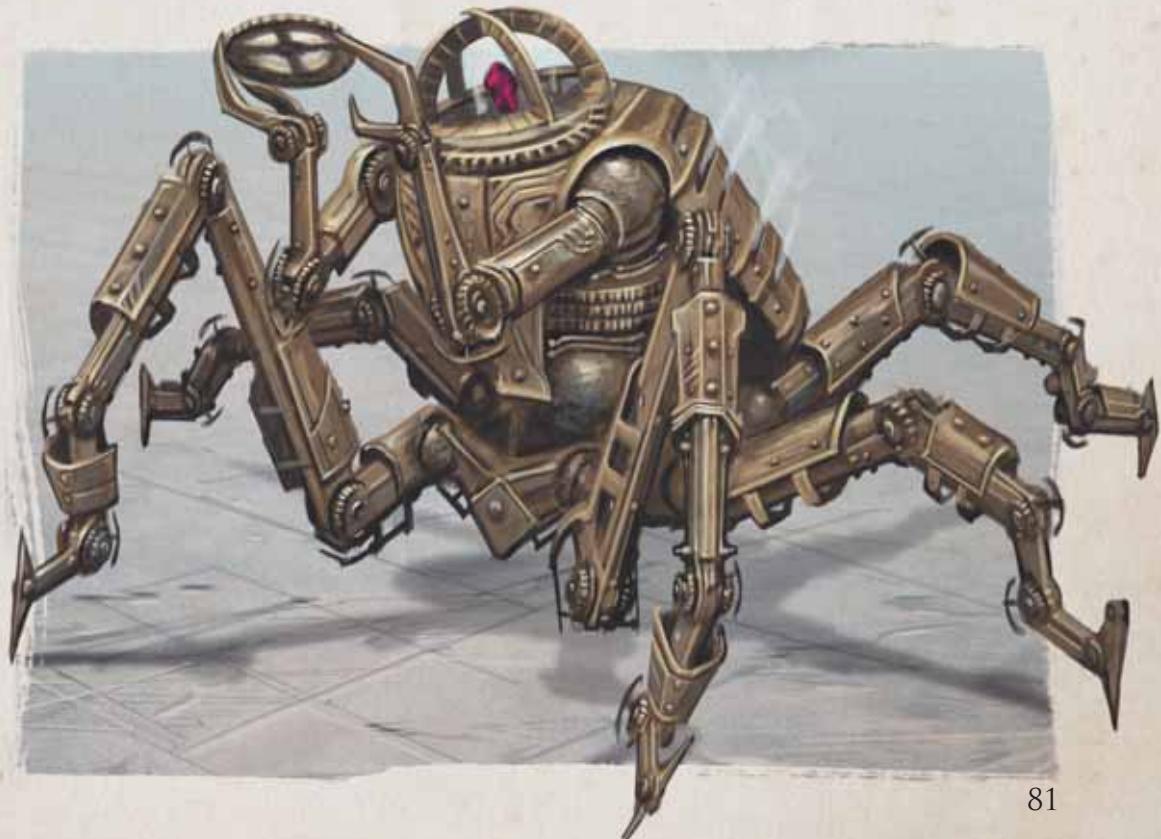
...почему они не использовали твердый звук, чтобы обучить подег Костей Земли, и не подпитывали их замороженным пламенем...

...слово, о котором я еще напишу однажды, это "искусство", о нем говорят наши младшие братья и сестры, когда их великое безразличие...

...но ни слова, ни опыт не помогут избавиться от ужасных методов отрицания правил наших предков.

Перевод заканчивается комментарием на двемерском, написанным другой рукой, который можно перевести так:

Оставь шарорезатели, Ндтхлд. В твоем альдмерис есть нужные слова, но они не могут быть верно поняты.

Бестиарий Гердайна: Автоматоны гномов

9 день месяца Огня очага

Гномы вымерли много веков тому назад — возможно, и к лучшему. Какое это должно было бы быть отвратительное зрелище — мужчины и женщины, все с бородами, но ростом с десятилетнего ребенка... С другой стороны, мы лишились возможности увидеть своими глазами всесокрушающий гнев богов, который обрушился на гномов и поглотил целую цивилизацию в одно мгновение, и ужаснуться его сверхъестественной мощи.

Останки гномьей цивилизации похоронены глубоко в недрах гор, привлекая ученых и воров со всего света, что словно падальщики слетаются в опустевшие подземные города, чтобы содрать с костей прошлого последние крохи древних знаний и извлечь на поверхность забытые сокровища. Но многие искатели приключений встречают в этих проклятых залах лишь смерть, ибо гномы руины не отдают свои сокровища без боя.

Давным-давно, еще ребенком, я слышал рассказы о том, как сведущи были гномы в том, что касалось механизмов. У моего народа есть предание, что еще до нашего появления в этом мире гномы подчинили себе силы земли и стали столь искусными механиками, что с помощью огня и молота вдыхали жизнь в сталь и бронзу, создавая механических слуг. Эти искусственные создания теперь несут свою службу в темных залах и коридорах, наполненных непрерывным скрежетом шестеренок и шипением пара, готовые уничтожить тех, кто решил осквернить гномские святыни, словно мрачные стражи последних крупиц культуры, оставшихся от ныне мертвой расы.

Вспоминаю, как я спустился во влажную тьму Мзулфта. Медленное шипение пара, скрип старых шестеренок и грохот работающих механизмов эхом отдавались по мертвому городу — звуки эти были способны посеять панику в сердце подавляющего большинства людей. Я слышал, как во тьме что-то движется, скользит по полу совсем рядом, но остается невидимым взору, и понимал, переступая через тела несчастных расхитителей могил и ученых, что во тьме этих залов обитают вовсе не крысы.

Небольшие механические пауки быстро окружают меня, оживаются механизмы, встроенные в стены, разворачиваются большие сферы, являя передо мной металлических созданий с арбалетами вместо рук. Я не могу не изумиться великолепию машин, созданных с одной лишь целью — удивлять. Сила моя в моем мече и щите, и я не боюсь этих искусственных созданий, ибо мне ведомо — в этих глубинах можно встретить гораздо более опасных существ. И действительно, пол начинает подрагивать от движений какого-то массивного существа, ступающего так твердо, словно оно передвигается на огромных поршнях — и вот оно выходит на свет. Топор в одной руке, молот — в другой, ростом с пятерых мужчин, весь из тусклой бронзы, с лицом,енным по образу и подобию своих хозяев. Паровой центурион. Да, легенды не врут — передо мной страж, охраняющий величайшие сокровища гномов.

Мы сразились, и теперь я знаю, что гномы действительно исчезли бесследно — ибо грохот, с которым центурион нападал на меня, поднял бы мертвых из могил. Он размахивал молотом и мечом с нечеловеческой силой и без передышек, одержимый лишь одной целью — удивлять. Я уклонялся от его ударов, и они лишь бесплодно кру-

шили стены, я нападал, пользуясь теми редкими моментами, когда он открывался для атаки — и так яростно мы сотрясали своды подземелья не один час. Я не мог принять мысли, что какой-то механизм возвьмет надо мной верх.

Обычный человек уже давно бы был мертв, когда я наконец встал у искореженного тела мертвого автомата, из которого, словно последний выдох, вырвался клуб пары. Я мог бы забрать артефакты гномов и ценные металлы, но оставил их нетронутыми. Мне не хотелось отвадить от себя удачу, ограбив мертвых — а вдруг именно такую ошибку совершили бесчисленное количество искателей приключений, бесславно завершивших свой путь?..

Я продолжу свои странствия по миру, и, возможно, когда-нибудь Гердейн встретит седе достойного противника — из известных мне нет никого, кто способен заставить меня трепетать.

Развалины Кемел-Зе

Написано Ролардом Нордссеном

Рукоплескания, которыми наградили меня члены Имперского общества, все еще звучали в ушах, и я решил немедленно вернуться в Морровинд. Не без сожаления я рас прощался со злочинами местами Имперского города, но я знал, что чудеса, которые я добыл в Ралед-Макай, лишь только малая часть того, что скрывают двемерские руины в Морровинде. Там скрыты невероятные сокровища, чувствовал я, только и ждущие, чтобы их нашли. Я был готов отправиться в путь. Передо мной также был поучительный пример бедного Баннермана, который все еще предывал в своей одиночной экспедиции по Чернотопью, начатой двадцать лет назад. Я поклялся, что такое никогда не случится со мной.

С письмом императрицы в руках, на этот раз я содирался получить полное содействие Имперских властей. Более никакого беспокойства по поводу нападений северных местных жителей. Но куда бы мне теперь направиться? Самый очевидный ответ — развалины у Кемел-Зе. В отличие от Ралед-Макай, добраться до развалин не будет проблемой. Известный также как "Город-на-Утесе", Кемел-Зе лежит на материковой стороне Вварденфелльского разлома, спускаясь с прибрежного утеса. Путешественники часто прибывают туда на лодке с восточного берега Вварденфелла, и туда также можно без лишних трудностей добраться по суше из ближайшей деревни.

Подготовка к экспедиции, проводившаяся в Сейда Нин, была закончена, и с обычными предосторожностями, необходимыми в этих полуцилизованных землях, мы направились в деревню Марог, стоящую возле развалин. Там мы надеялись нанять землекопов. Мой переводчик, Туэн Панай, необычно веселый для темного эльфа парень, которого я нанял в Сейда Нин по рекомендации начальника местного гарнизона, уверил меня, что местные жители хорошо знакомы с Кемел-Зе, поколениями разграбляя здешние развалины. Между прочим, Десять Пенни (как мы вскоре стали его называть, к его удовольствию) показал седя бесценным специалистом, и я рекомендую его безо всяких оговорок любому своему коллеге, который планирует аналогичную экспедицию в дикие земли Морровинда.

В Мароге начались наши первые неприятности. Гетман деревни, сдержанный, элегантный старик, казалось, был готов сотрудничать, но местный священник (представитель их абсурдной местной религии, поклоняющейся чему-то под названием Трибунал, который, по их мнению, живет во дворцах в Морровинде) был категорически против наших раскопок в развалинах. Он уже почти перетащил сельчан на свою сторону своими разговорами о "религиозных табу", но я помахал письмом императрицы у него под носом, помянув своего друга, начальника гарнизона в Сейда Нин, и он тут же умолк. Без сомнения, это была обычная торговая тактика, принятая среди них, чтобы увеличить плату за услуги. В любом случае, как только священник убрался, что-то бормоча себе под нос и явно насылая проклятия на головы иноземных чертей, у нас скоро была целая шеренга деревенщины, готовой записаться в экспедицию.

Пока мой ассистент занимался делами земными — контрактами, запасами и т.п., мастер Арум и я отправились к руинам. По суше их можно достичь лишь по

узким извилистым тропам, которые спускаются с вершины утеса, и любой неверный шаг грозит отправить тебя в морскую пену, покрывающую острые скалы далеко внизу. Некогда выход из города на поверхность был в северо-восточной части, которая обрушилась в море задолго до того, как извержение Красной горы создало этот громадный кратер. Успешно пройдя предательскую тропу, мы оказались в огромной камере, открытой сверху с одного конца, исчезающей во тьме в другом. Шагнув вперед, наши сапоги захрустели по кучам ломаного металла, столь же привычных в двемерских развалинах, как глиняные черепки — во всех остальных древних руинах. Это явно было место, куда грабители сносили свои находки из нижних уровней, снимая ценные наружные корпуса двемерских механизмов, и оставляя все потроха здесь — что куда проще, чем доставить нетронутые механизмы обратно на вершину утеса. Я засмеялся про себя, думая о множестве воинов, бездумно идущих, увешавшихся деталями двемерских механизмов. Ибо это и есть чаще всего "двемерский доспех" — бронированные скорлупки от древних механических людей. Я вздохнул, подумав, как невообразимо ценен был бы нетронутый механизм. Здесь было полно двемерских устройств, судя по мусору, покрывающему пол в этой огромной камере — или, напомнил я себе, когда-то было. Грабители трудились над этим местом веками. Даже один корпус стоил небольшого состояния, будучи продан как доспех. Большинство двемерских доспехов сделаны из неправильно подобранных деталей от разных устройств, отсюда и их слава громоздких и неудобных. Но хорошо подобранный набор из нетронутого механизма ценится выше, чем на вес золота, потому что все детали точно подходят друг к другу, и надевший его практически не чувствует его веса. Конечно, у меня не было намерения ломать свои находки на доспехи, какими бы ценными они ни были. Я бы привез их в Общество для научного изучения. Я вообразил ошеломленные крики моих коллег, когда бы я предъявил их на своей следующей лекции, и снова улыбнулся.

Я подобрал отвергнутый грабителем механизм из кучки под ногами. Он все еще ярко блестел, как будто недавно сделанный — двемерские сплавы хорошо противостоят разрушению временем. Мне стало интересно, какие секреты еще прячутся в лабиринте комнат, что лежали передо мной, невзирая на все усилия грабителей, и ждут, когда они снова зададут на солнце, которого они не видели эоны лет. Оставалось только найти их! Нетерпеливым жестом скомандовав мастеру Аруму следовать за мной, я направился в полуницу.

Мы с мастером Арумом и Десятью Пенни провели несколько дней, исследуя руины, пока мои помощники разделили лагерь на вершине утеса и принесли припасы и снаряжение из деревни. Я искал удобное место, чтобы начать раскопки — заваленный проход или коридор, нетронутый грабителями могил, который мог бы привести к совершенно нетронутым помещениям.

Мы быстро нашли два таких завала, но вскоре обнаружили, что многие извилистые проходы минуют их, позволяя добраться до комнат за ними. Несмотря на это, даже эта внешняя зона, в основном лишенная артефактов благодаря поколениям грабителей, представляла огромный интерес для профессионального археолога. За массивной бронзовой дверью, сорванной с петель каким-то древним землетрясением, мы нашли большую камеру, покрытую изящной настенной резь-

бой, которая впечатлила даже пресыщенного Десять Пенни, который заявлял, что исследовал все двемерские руины в Морровинде. Они, казалось, изображали некий древний обряд, с длинной шеренгой классических бородатых старииков-дварлов, шествующих по боковым стенам, все, казалось, кланялись огромной фигуре бога вырезанного на передней стене камеры, изваянного шагающим из кратера в горе, в окружении облака пара или дыма. Как утверждает мастер Арум, нет никаких описаний двемерских религиозных обрядов, так что это была воистину удивительная находка. Я отправил команду отбить резные панели от стены, но они не смогли даже сделать трещину в камне. Повторный осмотр показал, что камера покрыта изнутри каким-то веществом со свойствами металла, котороеказалось камнем на глаз и на ощупь, и было неподвластно ни одному из наших инструментов. Я подумал было попросить мастера Арума применить магию разряда на этих стенах, но решил, что риск уничтожить резьбу был слишком велик. Как не хотел бы я доставить их в Имперский город, мне пришлось остановиться на снятии копии с резьбы. Если бы мои коллеги выказали большой интерес, я уверен, нашел бы специалист, например, мастер-алхимик, который нашел бы способ безопасно снять панели.

Я нашел еще одну любопытную комнату на вершине длинной винтовой лестницы, едва проходимой из-за упавших сверху камней. На вершине лестницы находилась комната с полукруглым потолком, в центре которой стоял разрушенный механизм. На куполе еще кое-где были видны нарисованные созвездия. Мы с мастером Арумом согласились, что это, должно быть, была какая-то обсерватория, и механизм, таким образом, был остатками двемерского телескопа. Вынести его из развалин по узкой лестнице можно было, лишь полностью разобрав его (что, без сомнения, и уберегло его от внимания грабителей), так что я решил оставить его на месте. Существование этой обсерватории предполагало, однако, что когда-то эта комната возвышалась над поверхностью. По ближайшем рассмотрении помещения оказалось, что это действительно здание, а не вырезанная в скале камера. Другие выходы из комнаты были полностью завалены, и тщательные измерения расстояния от вершины утеса до входной комнаты показывали, что мы все еще более чем в 250 футах под уровнем теперешней земной поверхности. Печальное напоминание об уже забытой ярости Красной горы.

Это открытие привело к тому, что мы направили свое внимание вниз. Раз уж мы примерно знали, где лежал уровень земли в древности, мы могли исключить заваленные проходы, ведущие наверх. Один широкий проход, обрамленный впечатляющими резными колоннами, особенно привлек мой интерес. Он оканчивался большим завалом, но мы могли видеть, где грабители начали и, не доделав, забросили свой туннель. С моей командой землекопов и помощью магии мастера Арума, я полагал, что мы можем преуспеть там, где не справились наши предшественники. Поэтому я отправил свою команду темных эльфов на расчистку прохода, чувствуя облегчение от того, что в конце концов приступил к настоящим раскопкам в Кемел-Зе. Я надеялся, что вскоре мои сапоги потревожат пыль, лежавшую нетронутой с начала времен.

С этими волнующими перспективами, я едва не загонял своих землекопов. Десять Пенни докладывал, что они начали ворчать о долгих днях работы, а некото-

рые — поговаривать о том, чтобы уйти. Зная по опыту, что ничто так не воодушевляет этих темных эльфов лучше, чем порка, я распорядился выпороть вожаков, оставив остальных на работах, пока они не закончат расчистку завала. Спасибо Стендарру, что я догадался нанять нескольких легионеров в Сейда-Нин! Рабочие сначала упрянились, но после обещания дополнительной платы по окончании туннеля они с охотой принялись за дело. Хотя эти меры могут показаться суровыми моим читателям, окруженным удобствами цивилизации, позвольте уверить вас, что нет иного пути заставить этот народ заняться делом.

Завал оказался гораздо глубже, чем я поначалу думал, и на полную расчистку потребовалось почти две недели. Землекопы были так же возбуждены, как и я, когда их кирки наконец пробились в пустоту по другую сторону завала, и мы пустили по кругу местную выпивку (ужасного качества, честно говоря), чтобы показать, что все прошлые грехи забыты. Я с трудом сдерживал свое нетерпение, пока они расши-

ряли дыру, освобождая проход к лежащей за ней комнате. Приведет ли проход к совершенно новым уровням древнего города, полным артефактов, оставленных исчезнувшими двемерами? Или это будет всего лишь тупик, никуда не ведущий доковой проход? Я протиснулся сквозь дыру и скорчился в темноте по ту сторону, чувствуя дрожь нетерпения. Судя по эху от камней, стучавших под ногами, я был в большой комнате. Возможно, очень большой. Я осторожно выпрямился и снял колпак с лампы. Когда свет заполнил камеру, я ошеломленно осмотрелся. Здесь были чудеса, превосходящие самые ду́йные мои фантазии!

Пока свет лампы заполнял комнату по ту сторону завала, я ошеломленно смотрел вокруг. Все вокруг отсвечивало теплым мерцанием двемерского сплава. Я нашел нетронутую секцию древнего города! Мое сердце бешено колотилось от возбуждения, я осмотрелся. Комната была большой, свет лампы не доходил до потолка, дальний конец комнаты терялся в сумраке, сквозь который пробивалось лишь соблазнительное мерцание, намекающее на сокровища, которые еще предстояло открыть. Вдоль каждой стены стоял ряд механических людей, нетронутых, за исключением одной странности: их головы были сняты, и покоились на полу у их ног. Это могло означать лишь одно: я открыл гробницу великого двемерского аристократа, возможно даже короля! Захоронения такого типа открывались и раньше, наиболее известные — во времена экспедиции Рансома в Хаммерфелл, но ни одной совершенно нетронутой так и не было найдено. До сих пор.

Но если это действительно королевское захоронение, где могила? Я робко шагнул вперед, ряды безголовых тел молча стояли, как и эоны лет назад, их глаза, лишенные тел, казалось, следили за мной, пока я проходил мимо них. Я слышал дикие истории о Проклятии Двардов, но всегда смеялся над ними как над суеверием. Но сейчас, дыша одним воздухом с таинственными строителями города, который лежал непотревоженным с самого катаклизма, который уничтожил их самих, я чувствовал страх. Я чувствовал некую силу, нечто злое, что было возмущено моим присутствием. Я остановился и прислушался. Все было тихо.

Кроме... кажется, я услышал отдаленное шипение, размеренное как дыхание. После приступа паники я вновь овладел собой. Я был безоружен, я не подумал об опасности, спеша исследовать то, что лежало за заваленным проходом. Пот капал с моего лица, пока я вглядывался в сумрак в поисках любого движения. Как я неожиданно заметил, в комнате было тепло, теплее чем в остальном лабиринте. Мое возбуждение вернулось. Неужели я нашел сектор города со все еще действующей отопительной сетью? Вдоль стен шли трубы, как и в других секциях города. Я подошел и потрогал одну из них. Она была горячая, почти нестерпимо горячая! Теперь я видел, что в местах, где древние трубы проржавели, вырывались тонкие струйки пара — звук, который я слышал. Я засмеялся над своими страхами.

Теперь я быстро продвигался к дальнему концу комнаты, бодро салютуя рядам механических солдат, которые несколько мгновений назад казались такими угрожающими. Я торжествующе улыбнулся, когда свет отшвырнул вековую тьму, открыв огромную статую двемерского короля, стоявшую на высоком постаменте, его металлическая рука сжимала жезл власти. Это было воистину ценным призом! Я медленно обошел постамент, восхищаясь мастерством древних двемеров. Золотой король предстал двадцатифутовой фигурой под висящим без под-

держки куполом гробницы, его длинная вздигнутая борода гордо выдавалась вперед, а мерцающие металлические глаза, казалось, следили за мной. Но моя боязнь прошла, и я благодушно глядел на старого двемерского короля. Мой король, как я уже начал думать о нем. Я шагнул на постамент, чтобы получше рассмотреть доспехи статуи. Неожиданно глаза статуи открылись, и она занесла бронированный кулак для удара!

Я метнулся в сторону, когда золотая рука рванулась вниз, высекая искры из ступеней, где я стоял моментом раньше. С шипением пара и жужжанием шестеренок, гигантская фигура тяжело шагнула наружу из-под навеса и рванулась ко мне с ужасающей скоростью, ее глаза следили за мной, когда я полз назад. Я нырнул за колонну, когда кулак снова со свистом понесся вниз. В суматохе я потерял свой фонарь, и теперь пополз в темноту за границей круга света, надеясь проскользнуть между безголовыми механизмами и таким образом сбежать обратно в безопасность нашего прохода. Куда делось чудовище? Вы бы подумали, что двадцатифутовую золотую штукку трудно не заметить, но его нигде не было видно. Опрыгивающая лампа освещала лишь малую часть комнаты. Он мог прятаться где угодно в этом сумраке. Я пополз быстрее. Без предупреждения, темные ряды двемерских солдат разлетелись в стороны, когда чудовищный страж возник из темноты прямо передо мной. Он отрезал мне путь к спасению! Пока я полз обратно, удар за ударом со свистом летели вниз, а неумолимая машина преследовала меня, загоняя в дальний угол комнаты. В конце концов мне некуда было бежать. Я был прижат спиной к стене. Я взглянул на своего врага, решив умереть стоя. Огромные кулаки поднялись для последнего удара.

Комната осветилась неожиданным светом. Фиолетовые разряды затрещали на металлическом панцире двемерского монстра, и он остановился, полуудернувшись, чтобы встретить новую угрозу. Мастер Арум пришел! Я едва не закричал от радости, но гигантская фигура повернулась ко мне, нетронутая разрядом молнии, пущенной мастером Арумом, полная решимости уничтожить первого непрошшенного гостя. Я выкрикнул: "Пар! Пар!", когда гигант поднял кулак, чтобы вбить меня в пол. Раздалось шипение и пронесся порыв жгучего холода, и я посмотрел вверх. Монстр был покрыт скользкой льда, замороженный в тот самый момент, когда он готовился разобраться со мной. Мастер Арум все понял. Я с облегчением прислонился к стене.

Над головой у меня треснул лед. Огромный золотой король стоял передо мной, ледяная скорлупа разваливалась на куски. Неужели не было возможности остановить двемерское чудовище? Но свет в его глазах потух, и руки бессильно повисли. Магический мороз сработал, остыдив энергию пары.

Когда Мастер Арум и землекопы столпились вокруг меня, поздравляя с чудесным спасением, разные мысли поплыли в моей голове. Я представил свое возвращение в Имперский город, и я знал, что это будет моим величайшим триумфом. Как мне превзойти эту находку? Наверное, пора двигаться дальше. Добыть легендарный Глаз Аргонии... это был бы успех! Я улыбнулся про себя, упиваясь мигом славы, но уже планируя свое следующее приключение.

Выкуп за Зарека

Древние легенды двемеров — часть 1

Маробар Сул

Джалемил стояла в саду и читала письмо, которое ей только что принес слуга. Букет роз выпал из ее рук. На мгновение ей показалось, что все птицы вдруг перестали петь, и темные тучи закрыли небо.

“У нас твой сын, — было написано в письме. — Скоро ты узнаешь, какой выкуп надо заплатить”.

Зарек никогда не выезжал за пределы Акгана. Наверное, разбойники, орки или проклятые данмеры, увидели его богатую повозку и захватили его в заложники. Джалемил облокотилась о колонну. При мысли, что ее мальчик мог пострадать, ей стало дурно. Он был студентом, он не стал бы сопротивляться вооруженным людям. Они его били? Сердце матери не могло этого вынести.

“Только не говори, что они уже прислали письмо о выкупе”, — сказал чей-то голос, и знакомое лицо выглянуло из-за изгороди. Это был Зарек. Джалемил бросилась обнимать сына, не в силах сдержать слезы.

“Что случилось? — спросила она. — Я думала, тебя похитили”.

“Похитили, — ответил Зарек. Три огромных норда атаковали повозку у Фримворна. братья, как я понял, Матаис, Улин и Коорг. Ты бы видела этих громил, мама. Ни один из них не прошел бы в нашу дверь”.

“Что случилось? — повторила Джалемил. — Тебя спасли?”

“Я хотел подождать, пока спасут. Но я знал, что они пошлют письмо с требованием выкупа, и я знал, как бы ты стала волноваться. Поэтому я вспомнил, чему учил меня наставник в Акгуне: нужно всегда оставаться спокойным и найти слабость противника, — ухмыльнулся Зарек. — Но на это ушло немало времени, потому что эти парни были просто монстрами. Но потом, послушав, как они хвалят друг перед другом, я понял, что тщеславие и было их слабостью”.

“Что же ты сделал?”

“Они держали меня в лесу неподалеку от Каела. Там протекала широкая река. Один из них, Коорг, сказал, что, чтобы переплыть эту реку туда и обратно, понадобится почти час. Они все согласились, и тут заговорил я”.

“Я переплычу эту реку туда и обратно за полчаса”, — сказал я.

“Невозможно, — сказал Коорг. — Я плаваю намного быстрее, чем такой щенок, как ты”.

“Итак, мы решили, что мы должны спрыгнуть с утеса, доплыть до острова посередине и вернуться. Пока мы шли к утесу, Коорг прочитал мне целую лекцию о пользе плавания. Как важна синхронность в движении рук и ног, чтобы развить максимальную скорость. Как важно делать вдох после трех или четырех гребков — не слишком часто, чтобы не потерять в скорости, но и не слишком редко, чтобы не за-

дохнуться. Я кивал и соглашался. Мы нырнули. Я вернулся через час с лишним. Коорга я больше не видел. Он разбил голову о подводные скалы внизу утеса. Я их видел и взял немного вправо, когда прыгал".

"Но ты вернулся? — спросила Джалемил удивленно. — Почему же ты не сбежал тогда?"

"Это было слишком рискованно, — ответил Зарек. — Они могли снова меня поймать. Я сказал им, что не знаю, куда делся Коорг. Они решили, что он забыл о соревновании и отправился ловить рыбу. Они знали, что я не имею отношения к его исчезновению, так как меня отлично было видно с утеса. Два оставшихся брата стали выбирать место для лагеря".

"Один из братьев, Матаис, начал говорить о качестве почвы и небольшом спуске вниз по заливу. Он сказал, что это идеальное место для бега наперегонки. Я отметил, что не знаю, о чем он говорит. Он с огромным рвением принял меня объяснять, как нужно правильно бегать. Он корчил смешные лица, показывая, что вдыхать нужно через нос, а выдыхать — через рот; как нужно ставить ногу на колено, выдерживая правильный угол старта; говорил о важности прочного упора ноги. "Самое важное, — объяснил он, — чтобы выиграть, бежать нужно энергично, но не слишком резво". Он сказал, что можно всю гонку пробежать вторым, если в конце будут силы обогнать противника".

"Я выразил желание научиться этому виду спорта, и мы решили устроить гонку по берегу, пока не стемнело. Улин велел нам собрать хворост на обратном пути. Я следовал его советам касательно постановки ног и дыхания, но я с самого старта бежал изо всех сил. Несмотря на то, что ноги у него были длиннее, он отставал от меня на несколько шагов к первому повороту".

"Не спуская глаз с моей спины, Матаис не заметил яму, которую я перепрыгнул. Он споткнулся и перелетел за край обрыва, не успев даже крикнуть. Я собрал хворост и вернулся к лагерю".

"На этот раз ты действительно сглупил, — нахмурилась Джалемил. — Ты мог бы спокойно сбежать".

"Это тебе так кажется, — сказал Зарек. — Но ты не знаешь, где мы были — вокруг лишь несколько высоких деревьев и очень низкие кусты. Улин заметил бы мое отсутствие и быстро бы меня нашел. Тогда мне пришлось бы объяснять, куда делся Матаис. Однако, внимательно оглядевшись, я увидел несколько деревьев неподалеку, так я придумал последний план.

"Вернувшись в лагерь, я сказал Улину, что Матаис тащит огромное дерево, поэтому я пришел раньше. Улин высмеял силу брата, сказав, что за то же время, он смог бы выкорчевать живое дерево и бросить его в костер. Я выразил свое сомнение".

"Я тебе покажу", — сказал он, с легкостью вырывая десятифутовое дерево.

"Да это просто молодой побег, — возразил я. — А мы говорили о деревьях". Он проследил за моим взглядом. На краю поляны стояло древнее дерево. Улин схватил его и начал трясти изо всех сил, чтобы ослабить корни. Вместо этого ему на голову упал улей.

"И вот тогда-то я и сбежал, мама, — сказал Зарек, не без гордости. — Матаис и Коорг покоились на дне ущелья, а Улина скрыл рой диких пчел".

Джалемил снова обняла сына.

СКАЙРИМ: ЧЕЛОВЕК, МЕР И ЗВЕРЬ

Комментарий издателя:

Мне не хотелось опубликовывать работы Мародара Сула, но когда Университет журналистики Гвилима попросил меня отредактировать это издание, я решил использовать этот шанс, чтобы покончить с ошибками и непониманием раз и навсегда.

Ученым точно не известно, когда Мародар Сул писал свои работы, но они сходятся на том, что записаны они были драматургом Гором Фелимом, известным своими популярными комедиями и романами в период междуцарствия между падением Первой сиродильской империи и восшествием на престол Тайдера Сентима. Считается, что Гор Фелим мог слышать несколько оригинальных двемерских сказок и затем, желая подзаработать, адаптировать их для театральной сцены.

Гор Фелим придумал "Мародара Сула" как человека, переводившего с двемерского языка, чтобы придать работам значимость, а также, чтобы они выглядели достовернее в глазах непосвященной публики. Заметьте, что, несмотря на то, что работы "Мародара Сула" стали поводом для ожесточенных дискуссий, нет никого, кто встречал бы его лично, а также нет записей о нем в Гильдии магов, Школе Джулианоса или другом научном учреждении.

В любом случае, двемеры в рассказах "Мародара Сула" мало похожи на злобную расу, которую боятся даже данмеры, норды и редгарды и которая оставила после себя руины, до конца не понятые даже сейчас.

Семечко

Древние легенды двемеров — часть II

Крошечная деревушка Лорик была тихим и мирным селением двемеров, приютившимся среди однообразных серо-коричневых дюн и камней Деджасита. Во всем Лорике не нашлось бы и травинки, хотя кое-где в деревне можно было увидеть почерневшие останки давно погибших деревьев. Приехавшая с последним караваном Камдиду в тоске смотрела на свой новый дом. Она привыкла к лесам севера, где жила семья ее отца. Здесь же совсем не было тени и очень мало воды. Только огромное, открытое небо над головой. Это была мертвая земля.

Семья ее матери радушно приняла Камдиду и ее младшего брата Невита. К сиротам относились очень хорошо, но девочка чувствовала себя одиноко в чужой деревне. Так продолжалось до тех пор, пока она не познакомилась со старой аргонианской женщиной, работавшей на водяной фабрике. В ее лице Камдиду нашла настоящего друга. Женщину звали Сигерт, и она рассказала девочке, что ее род жил здесь за много веков до появления двемеров, и что тогда в этом месте рос огромный и прекрасный лес.

"А почему погибли деревья?" — спросила Камдиду.

"Когда на этой земле жили только аргониане, мы никогда не рубили деревья, потому что не нуждаемся в деревянном топливе и материале для строительства, как вы. Когда появились двемеры, мы позволяли им использовать растения для своих нужд, только следили, чтобы они никогда не трогали хисты, потому что они были священны для нас и для этой земли. Многие годы мы жили мирно. Не было ни ссор, ни споров".

"И что произошло?"

"Кто-то из ваших ученых открыл, что если очистить сок определенных деревьев, залить его в форму и высушить, можно получить эластичные и упругие доспехи, которые они назвали канифолевыми, — ответила Сигерт. — У большинства здешних деревьев сока почти не было, но хисты другое дело. Они-то просто блестели от сока, и в душах двемерских торговцев проснулась жадность. Они наняли дровосека по имени Джунин, чтобы он срубил священные деревья ради выгоды".

Старая аргонианка поглядела на пыльную землю и вздохнула: "Конечно же, мы, аргониане, пытались спорить. Это был наш дом, а если хист умирают, они никогда не вырастают вновь. Торговцы передумали, но Джунин решил взяться за дело на свой страх и риск. Он хотел сломить наш дух. В один ужасный, кровавый день он доказал, что его искусство владения топором применимо не только к деревьям, но и к людям. Он разрубал на части всех аргониан, которые попадались ему на пути, даже детей. Двемеры Лорика закрыли окна и двери, заткнули уши, чтобы не слышать предсмертных криков".

"Ужасно", — выдохнула Камдиду.

"Это трудно объяснить, — продолжала Сигерт, — но смерть наших людей была для нас и в половину не так ужасна, как гибель деревьев. Ты должна понять, что для моего народа хист это то, откуда мы пришли и куда отправимся. Уничтожение наших тел ничего не значит для нас, а вот, уничтожив наши деревья, вы губите нас навеки. Когда Джунин поднял свой топор на хисты, он убил эту землю. Пропала вода, погибли животные, и вся та жизнь, которую поддерживали деревья, превратилась в пыль".

"Но вы все еще здесь? — спросила Камдида. — Почему вы не уезжаете?"

"А мы оказались в ловушке. Я одна из последних в моем гибнущем народе. Немногие из нас оказались достаточно сильны, чтобы покинуть рощи наших предков, и сейчас, возможно, только запах воздуха Лорика поддерживает в нас жизнь. Пройдет совсем немного времени, и мы исчезнем окончательно".

Камдида почувствовала, что ее глаза наполняются слезами. "Тогда я останусь одна в этом ужасном месте, где нет ни деревьев, ни друзей".

"У нас, аргониан, есть выражение, — сказала Сигерт с грустной улыбкой и взяла Камдиду за руку. — Мы говорим, что нет лучшей почвы для семени, чем наше сердце".

Камдида посмотрела на свою ладонь, и увидела, что Сигерт дала ей крошечный черный шарик. Это было семечко. "Оно выглядит мертвым".

"Оно может вырасти только в одном месте во всем Лорике, — сказала старая аргонианка. — У старого дома в холмах за деревней. Я не могу пойти туда сама, потому что владелец дома убьет меня, если увидит, а я, как и весь мой народ, теперь слишком слаба, чтобы защищаться. Но ты можешь добраться туда и посадить зернышко".

"И что тогда будет? — спросила Камдида. — Хисты вернутся?"

"Нет. Но вернется некая часть их власти".

В ту ночь Камдида тайком вышла из дома и пошла в холмы. Она знала дом, о котором говорила Сигерт. Ее тетя и дядя говорили ей, чтобы она даже близко к нему не подходила. Как только она приблизилась к дому, на пороге появился старый, но крепко сбитый человек с топором на плече.

"Что ты тут делаешь, девочка? — сердито спросил он. — В темноте я чуть не принял тебя за человекоящера".

"Я заблудилась, — поспешила ответила она. — Я пытаюсь добраться до дома, в Лорик".

"Тогда ступай своей дорогой".

"А не могли бы вы одолжить мне свечу? — жалобно попросила она. — Я давно хожу кругами и боюсь, что без света опять вернусь сюда же".

Старик заворчал и ушел в дом. А Камдида быстро выкопала ямку в сухой пыли и закопала зернышко как можно глубже. Тут хозяин дома вернулся с зажженной свечой.

"Да смотри, больше не появляйся здесь, — прорычал он. — А не то я тебя пополам разрублю".

Он вернулся в дом, к своему очагу. А на следующее утро, проснувшись и отворив дверь, он обнаружил, что из дома невозможно выйти из-за огромного дерева. Он схватил свой топор и начал рубить дерево, но у него ничего не вышло. Он попробовал рубить сбоку, но раны, которые он наносил дереву, тут же закрывались. Тогда он попробовал рубить ветки справа и слева, чтобы сделать клин, но дерево стояло нерушимо.

Спустя много времени после этого кто-то обнаружил истощенное тело старого Джунина, лежащее перед открытой дверью его дома, в руках он все еще сжимал разбитый, тупой топор. Никто не знал, что он пытался разрубить, но ходили слухи о том, что на топоре был засохший сок хиста.

Вскоре после этого из сухой пыльной земли деревни показались маленькие пустынные цветы. Заново посаженные деревья и растения росли теперь хоть и не пышно, но вполне терпимо. Хисты не вернулись, но Камдида и другие люди в Лорике часто заметили, что в определенное время, в сумерках, на улицы и холмы ложатся широкие, длинные тени погибших деревьев.

О важности места

Древние легенды двемеров — часть III

Мародар Сул

Вождь Отробара собрал своих мудрецов и сказал: "Каждое утро я нахожу десять овец из моего стада зарезанными. В чем причина?"

Фангдит военачальник сказал: "Может быть, чудовище спускается с гор и поглощает твое стадо".

Горик Целитель сказал: "Может быть, новая болезнь тому виной".

Берна Жрец сказал: "Надо принести жертву богине, чтобы она спасла нас".

Мудрецы принесли жертвы, и, пока они ждали ответов от богини, Фангдит отправился к Наставнику Джольтерегу и сказал: "Ты научил меня, как сделать дубину Золии и как обращаться с нею в бою, но теперь я хочу знать, когда разумнее всего будет применить мое искусство. Подождать ли мне, пока ответит богиня, или пока подействует лекарство, или идти охотиться на чудовище, которое живет в горах?"

"Не важно когда, — ответил Джольтерег. — Важно только где".

И тогда Фангдит взял свою дубину и пошел через темный лес к подножию Великой горы. Там нашел он двух чудовищ. Одно, все в крови стада вождя Отробара, вступило в бой с ним, его подруга бежала. Фангдит не забыл о том, чему учил его наставник, о том, что важно только "где". Он ударил чудовище в каждую из пяти важнейших точек: в голову, пах, горло, спину, и грудь. Пять взмахов и пять ударов, и чудовище было убито. Оно было слишком тяжелым, чтобы его можно было взять с собой, но Фангдит все равно ликовал, возвращаясь к Отробару.

"Я говорю, что убил чудовище, пожиравшее твое стадо", — вскричал он.

"Как ты докажешь, что убил какое-то чудовище?" — спросил вождь.

"Я говорю, что спас стадо своим лекарством", — сказал Горик Целитель.

"Я говорю, что богиня спасла стадо, смилиостивившись после принесенных мною жертв", — сказал Беран Жрец.

Два дня подряд стадо оставалось нетронутым, но на утро третьего дня еще десяток овец нашли зарезанными. Горик Целитель начал искать новое лекарство. Берна Жрец приготовил новые жертвы. А Фангдит снова взял свою дубину и пошел через темный лес к подножью Великой горы. Там нашел он другое чудовище, все в крови стада вождя Отробара. И начали они бой, и снова Фангдит не забывал о том, чему учил его наставник, о том, что важно только "где".

Пять раз он ударил чудовище в голову, и оно обратилось в бегство. Преследуя чудовище, он ударил его пять раз в пах, но оно бежало. Через лес бежали они, и Фангдит ударил чудовище пять раз в горло, но оно бежало. Добравшись до поля Отробара, Фангдит ударил чудовище пять раз в спину, и оно бежало. И тогда вождь и его мудрецы в крепости услышали, как ревет чудовище. И там они увидели того, кто крал стадо вождя. Фангдит же ударил чудовище пять раз в грудь, и оно было убито.

И устроили тогда великое празднество в честь Фангдита, и больше не страдало стадо Отробара. Джольтерег же обнял своего ученика и сказал: "Наконец-то ты понял важность того, где наносить удар".

СКАЙРИМ: ЧЕЛОВЕК, МЕР И ЗВЕРЬ

Комментарий издателя:

Это еще одна сказка, происходящая из эшлендских племен Вварденфелла, и она относится к самым древним из сказок. "Маробар Сул" просто заменил имена персонажей, чтобы они звучали более "демерскими" и включил сказку в свою коллекцию. Великая гора в сказке на самом деле, безусловно, "Красная гора", хотя она и описана, как заросшая лесом. Звездопад и другие стихийные бедствия уничтожили растительность Красной горы и привели ее в то состояние, которое знакомо нам сегодня.

Песня алхимиков

Древние легенды двемеров — часть V

Алхимики лишился король Маранеон,
Когда огромный взрыв услышал он.

Король народу объявили,
Что новый нужен ему был
Учёный. Тот, что мог бы знать,
Как делать зелья, доказать,
Что может он наукой управлять.

Глупцов король решил не нанимать.
И после долгих споров и дебатов
Избрал король двух кандидатов,
Цантипуса Минтурка и Умфратика Фару,
Очень способную пару.
Чтобы понять, кто больше знает,
Их испытать король решает.

Пришли они в комнату с травами и драгоценными камнями,
Пробирками, горшками и толстых книг томами.

“Хочу невидимым я стать”, —
Улыбнулся король и ушёл отдохнуть.

Поняли тут Минтурк и Фара,
Что наступила работать пора.
Очищали масла, мололи травы,
Кипятили растворы, добавляли приправы,
Каждый из них своё тесто месил,
Но за другим незаметно следил.
И вот прошло почти сорок минут,
Закончили дело Фара и Минтурк.
Каждый уверен, что победитель он.

Тут вернулся Маранеон.
“Пора узнать, кто из вас победитель.
То, что вы сделали, вы должны выпить”.
Минтурк исчез, как только ложку поднял,
А Фара остался там, где стоял.

“Думаешь, твоя смесь из желтой травы, синего камня и серебра! —
Улыбнулся король. — Ты не заметил потолок из стекла.

Через витраж проходит свет.
И компоненты поменяли цвет”.
“А что если, — спросил невидимка, боясь помешать, —
Красные камни, синюю траву и золото смешать?”
“Ох [бог двемеров]”, — злобно дал Фара ответ, —
Так можно лишь улучшить интеллект”.

Комментарий издателя:

Судя по стилю, эти стихи, несомненно, принадлежат Гору Фелиму. Заметьте, что используется простая ритмическая схема АА/ВВ/СС, монотонная, со специально придуманным неуклюжим ритмом, а также повторяющиеся шутки с абсурдными именами. Умфратик Фара и Цантус Минтурк. Кроме того, финальная шутка о том, что глупый алхимик случайно сделал снадобье, сделавшее его умнее, направлена на антиинтеллектуализм публики периода Междуречия, хотя двемерам она явно бы не понравилась. Заметьте, что "Мародар Сул" не называет имени бога двемеров. Религия двемеров, если её вообще можно так назвать, один из самых запутанных аспектов их культуры.

Каймервамидиум

Древние легенды двемеров — часть VI

Мародар Сул

После многих сражений стало ясно, кто подедит в войне. Каймеры владели магией и боевыми искусствами, но против бронированных батальонов двемеров, доспехи для которых изготовил Джнагго, у них не было шансов. Чтобы сохранить хоть какой-то мир, Стовин Предводитель согласился на переговоры с Каренитхилом Барифом Зверем. В обмен на спорные земли Стовин подарил Барифу могущественного голема, который должен был защищать территорию каймеров от набегов северных варваров.

Барифу очень понравился подарок, и он привёз его в лагерь, где все воины собирались посмотреть на него. Он был весь золотой, напоминая двемерского конника. Чтобы проверить силу голема, они поместили его в центр арены и стали запускать в него магические стрелы. Голем был настолько проворен, что лишь несколько ударов попали в него. При этом он ни сходил с одного места, лишь отклоняя корпус в разные стороны. Тогда была запущена очередь огненных шаров, от которой голем также уклонился, согнув колени и немного присев. Если в него всё же попадали, он старался, чтобы удары приходились на грудь и талию — это были самые защищённые части его тела.

Войска были довольны таким сильным и ловким существом. Если он будет стоять на страже, варвары Скайрима никогда больше не будут разорять их деревни. Голема назвали Каймервамидиум, надежда каймеров.

Бариф привёз голема в свои палаты. Там его стали проверять дальше: его силу, его скорость, его гибкость. В его конструкции не было недостатков.

"Представьте, что почуютствуют голые варвары, когда встретят его в чистом поле", — рассмеялся один из воинов.

"Жаль только, что он создан по подобию двемера, а не по-нашему, — размышлял Каренитхил Бариф. — Варвары будут бояться наших врагов, а не нас".

"Не следовало нам соглашаться на те условия, на которые мы согласились, — сказал ещё один, гораздо более агрессивно настроенный воин. — Уже нельзя разве напасть на Стовина?"

"Напасть никогда не поздно, — сказал Бариф. — Но как же их воины в тяжёлых доспехах?"

"Кажется, — сказал главный шпион Барифа. — Их солдаты всегда спят на рас-свете. Если мы нападём за час до восхода солнца, мы сможем захватить их без со-противления, они не успеют прорвать глаза, не то, что надеть доспехи".

"Если мы схватим их оружейника Джнагго, мы тоже узнаем секреты кузнецкого дела, — сказал Бариф. — Да будет так. Мы нападём завтра, за час до рассвета".

Всё было решено. Ночью армия каймеров выступила и на рассвете накинулась на лагерь двемеров. Каймеры поставили в первую линию атаки Каймервадиума, но он как будто сломался, стал атаковать войска каймеров. Кроме того, двемеры были все одеты в доспехи, явно уже давно не спали и были готовы к битве. Внезапное нападение не удалось, в результате сражения большинство военачальников каймеров, в том числе и Каренитхил Бариф Зверь, были захвачены в плен.

Гордость не позволяла им спросить, что случилось, но Стогин сказал, что в лагере у каймеров у них был один свой человек, который передал им послание об атаке.

"Кто же этот человек?" — возмутился Бариф.

И тогда Каймервамидиум снял голову. Внутри голема находился Джнагго, оружейник.

"Двемер восьми лет может создать голема, — сказал он, — но лишь величайший воин и оружейник может стать им".

Комментарий издателя:

Это лишь одна история из данного собрания, которую можно отнести к двемерам. Текст сильно отличается от старой версии на альдмерис, но суть сохранена. "Каймервамидиум" может быть двемерским "Нчмартурнидамцем". Это слово несколько раз встречается в чертежах двемерских доспехов и в Анимункули, но что оно значит — неизвестно. Однако очевидно, что это не "Надежда каймеров".

Приданое

Древние легенды двемеров — часть X

Мародар Сул

Иналейг был самым богатым землевладельцем в Гунале и за долгие годы скопил бо-
гатое приданое, которое собирался отдать будущему жениху своей дочери, Же-
нефры. Когда она достигла возраста, подходящего для замужества, он запер свое зо-
лото для сохранности в надежном месте и объявил о своем намерении выдать ее замуж.
Она была привлекательной девушки, образованной и хорошо сложенной, но задум-
чивой и не склонной к веселью. Этот недостаток не беспокоил ее будущих женихов, они
предпочитали обращать внимание на хорошие ее стороны, которые действительно бы-
ли достойны внимания. Каждый знал, что ему достанется значительное богатство,
в том случае если он станет мужем Женефры и зятем Иналейга. Этого оказалось доста-
точно, чтобы несколько сотен кандидатов собрались в Гунале на сватовство.

“Человек, который хочет стать мужем моей дочери, — сказал Иналейг содрав-
шимся, — не должен быть привлечен лишь алчностью. Он должен доказать, что бо-
гат, и я должен удостовериться в этом богатстве”.

Это обявление заставило отказаться от цели довольно много поклонников, которые
знали, что не могут произвести впечатление на землевладельца своим скромным состо-
янием. Несколько дюжин соискателей остались — из тех, что приехали в роскошных ка-
ретах, разраженные в одеяния из килларка, расшитые серебром, да еще со свитами из
слуг-чужеземцев. И из тех, кто подходил под условие Иналейга, никто не был более бли-
стательен, нежели Велин Нэриллик. Этот юноша, о котором никто раньше не слышал,
приехал в карете, сделанной из полированного эбонита, а впряжены в нее были драко-
ны, одежды же его были все из редких стран, и слуги в его свите были таковы, что никто
во всем Гунале не мог даже и припомнить подобных. Четырехглазые лакеи, что могли
смотреть на все стороны одновременно, служанки, сверкающие так, что казалось, будто
они в оправе из драгоценных камней. Но и этого было недостаточно для Иналейга.

“Человек, который женится на моей дочери, должен доказать, что он умен, ведь
я не хочу иметь невежду в зятьях и партнерах”, — объявил он.

Так отсеялись еще и многие из богачей, те, кто мог, жива в роскоши, не очень бес-
покоить себя размышлениями. Но все же некоторые остались, те, кто смог в последо-
вавшие несколько дней продемонстрировать свою мудрость и образованность, ци-
тируя великих мудрецов прошлого и рассказывая о собственных размышлениях
в области метафизики и алхимии. Велин Нэриллик пришел также и попросил Ина-
лейга отобедать с ним в поместье, которое жених снял на время сватовства в приго-
роде Гунала. И там землевладелец увидел множество писцов, который работали над
переводом трактатов альдмеров, а также насладился общением с молодым челове-
ком, который обладал дерзким умом. Но все же, хоть он и был впечатлен успехами
Велина Нэриллика, Иналейг предложил еще одно состязание.

“Я очень люблю свою дорогую дочь, — сказал Иналейг. — Надеюсь, что тот, кто на
ней женится, также сможет сделать ее счастливой. Пусть кто-нибудь вызовет улыб-
ку на ее лице, и тогда он получит и ее, и приданое”.

И вот, вновь пытались женихи получить желанное — они в течение нескольких дней развлекали невесту, пели ей песни, изъяснялись в любви, описывали ее красоту самыми поэтичными словами. Но Женефра взирала на них с ненавистью и тоской. Иналейг, который стоял рядом с ней, уже начинал отчаиваться. Женихи его дочери один за другим терпели неудачу. Наконец, Велин Нэриллик вошел в зал.

“Я вызову улыбку на лице вашей дочери, — сказал он. — Осмелюсь сказать, она будет смеяться, как никогда не смеялась, но только если вы пообещаете нас поженить. Если часа после помолвки окажется недостаточно, вы ее отмените”.

Иналейг повернулся к дочери. Она не улыбалась, но ее глаза сверкали нездоровым любопытством, глядя на молодого человека. Поскольку ни один другой жених не привлек даже такого внимания, он согласился.

“Но приданого вы не получите, пока не поженитесь, — заметил Иналейг. — Помолвка это еще не все”.

“Но все же, можно ли мне взглянуть на приданое?” — спросил Велин.

Зная, как далеко разнеслась весть о приданом, понимая, что этот молодой человек очень близок к тому, чтобы получить его, Иналейг согласился. Ему определенно нравился Велин. Следуя его указаниям, Велин и мрачная Женефра, а также кастелян двинулись по коридорам крепости Гунала. Первое хранилище следовало открывать, прикоснувшись к нескольким рунам в строгом порядке: если бы открывавший ошибся, сотни отравленных стрел тут же вонзились бы в тело грабителя. Иналейг был очень горд и следующим уровнем защиты — замком, снаженным острыми лезвиями, с восемнадцатью зубцами, и чтобы открыть этот замок, нужно было повернуть одновременно три ключа. Лезвия высекали из стены, чтобы немедленно распотрошить любого, кто пытается вскрыть хотя бы один запор. И вот наконец они достигли кладовой.

Она была пуста.

“Во имя Лорхана, нас ограбили! — закричал Иналейг. — Но как? Кто способен на такое?”

“Очень скромный, но должен признать, недосталанный грабитель, — заметил Велин. — Человек, который издалека увидел вашу дочь однажды и влюбился, но не обладал ни знаниями, ни шармом, чтобы произвести впечатление. Так оно и продолжалось, пока золото из вашей сокровищницы не позволило мне проявить седя”.

“Ты?” — завопил Иналейг, едва веря в это. А потом произошло еще более невероятное событие.

Женефра начала хохотать. Она никогда не мечтала даже о встрече с человеком, подобным этому вору. Она бросилась в его объятья прямо на глазах разъяренного отца. И через некоторое время Иналейг тоже расхохотался.

Женефра и Велин поженились через месяц. Несмотря на то, что Велин был беден, и ему недоставало образования, ему удалось так быстро увеличить семейное состояние, что Иналейг только поражался. Правда, об источниках дохода он никогда не спрашивал.

Комментарий издателя:

Рассказ о том, как мужчина пытается заполучить руку молодой девы, чей отец (обычно богач или король) предлагает испытания соискателям, довольно распространен. См., например, более современную историю “Четыре жениха бениты” Джола Йоливесса. Поведение персонажей довольно нехарактерно для драмеров.

Никто не знает их обычаев, связанных с женитьбой, и даже неизвестно, вступали ли они в брак.

Еще одна странная теория об исчезновении дварфов произошла от этого рассказа и других повестей из сборника Мародара Сула. Имеется предположение, что двемеры вообще никуда не уходили. Они не уходили из Нирна и не покидали континента Тамриэль, а существуют среди нас, маскируясь. Мудрецы ссылаются на "ящик Азурры" и предполагают, что двемеры доились Азурры, существа, которого не понимали и не могли им управлять, и они переняли манеры, а также облачения каймеров и альтмеров, чтобы спрятаться от ее взгляда.

Хроники Нчулефта

Это хроника событий, имевших историческое значение для двемерского свободного поселения Нчулефт. Автор текста, вероятно, альтмер, поскольку написан он на альдмерис.

23. Смерть лорда Илендама

Случилось так во Второй Посев (Р.Д. 1220), что лорд Илендам на пути через Западные нагорья прибыл в Нчулефт, и встретили его протектор Анчард и генерал Ркунгтунч, и Дален-Занчу также явился на встречу. Долго вели они разговоры; но лишь то было известно об их делах, что искали они дружбы друг с другом. И разошлись они, и каждый вернулся домой в свое поселение.

Блутанч и сыновья ее прослышали о той тайной встрече и решили, что замышлялось на ней коварство против Советов; и часто вели они разговоры о том в своем кругу. Когда же пришла весна, Советы объявили, по обычаю, Собор Советов в залах Бамз-Амшенда. И услыхал народ, и собрался, и обручились все с элем и песней, и пили храбро. И за питетным столом шли всякие разговоры, дошло и до сравнений между двемерами, в том числе и членами Совета.

И сказал некто, что превосходит лорд Илендам иных советников изрядно и всемерно. Услышав сие, советница Блутанч разгневалась и заявила резко, что ни в чем не уступает лорду Илендаму, и докажет это на деле. Так распалились обе стороны, что вызвали друг друга на бой и кинулись к оружию. Однако присутствующие из числа более трезвых и более разумных встали между ними и утихомирили их; и каждый вернулся назад в свое поселение, но мира между ними более не ждал никто.

Однако затем, осенью, лорд Илендам получил послание от советницы Блутанч о том, что приглашает она его держать разговор в Хендор-Стардумз. И все родичи Илендама и приближенные его истово упрашивали, дабы не шел он, ибо страшились коварства, но Илендам не пожелал их слушать и не согласился даже взять с собой почетную стражу. И, к прискорбию, случилось так, что на пути в Хендор-Стардумз, в ущелье Чинзинч скопище нечистых тварей накинулось на лорда Илендама и погубило его вместе со всеми его сотоварышами. И многие двемеры говорили впоследствии, что это Блутанч и сыновья ее призвали этих существ и натравили их на лорда Илендама, но доказательств тому не нашлось. Лорд Илендам был погребен в местечке под именем Лефтунч.

Азирр Траджиджазери

Аноним

Это нелепая книга, но так уж заведено у нас, каджитов. Как гласит пословица, "гзалзи вадерзарита маасзи", или "нелепость есть необходимость". Вряд ли кто-нибудь писал о том, о чем пишу я, а если и писал, то вряд ли это читали. Имперцы считают, что должны записывать все, что происходит с их народом во имя истории — но в Эльсвейре каждый котенок знает историю своего народа, впитывая ее с молоком матери.

Мы пытаемся отвоевать нашу родину у алчного графа Лейавина, и относительно недавно наша борьба привлекла широкое внимание. Многие люди, имперцы среди них, хотели бы присоединиться к нам, но они не понимают нас. Впрочем, наши враги тоже не понимают нас, но так и задумано — еще одно оружие нашего народа, однако наши друзья не-каджиты должны знать, кто мы и почему поступаем так, как поступаем.

Разум каджита не приспособлен для долгих раздумий. Мы просто делаем то, что делаем, а остальной мир может катиться ко всем чертям. Мы не любим философствовать, и я не могу пообещать, что вы поймете нас, прочитав эту книгу. Попытайтесь усвоить простое правило, "к'зи но вано тзина уализз" — "Когда я противоречу себе, я говорю правду".

Мы — Ренриджа Крин. "Ухмылка наемника", "Смех безземельных", "Радостное отребье" — все три варианта перевода верны. Эти слова оскорбительны, но они заставляют нас, и поэтому мы приняли их.

Наши сердца пылают от гнева, но наши лица спокойны. Мы сражаемся за свободу Эльсвейра, но мы не союзники Гривы, символа нашей земли. Мы верим в справедливость, но не следуем законам.

К'зи но вано тзина уализз.

Это не правила, ведь в та'агра нет слова "правило". Мы называем их "тджиззри-ни" — "дуряцкие идеи".

1. "Вада До'Шур'до": "Быть смелым — хорошо"

Мы сражаемся с могущественным противником, против нас сражается сама Империя Тамриэля. Наша цель благородна: защитить родину. Если мы проиграем, мы предадим наше прошлое и наше будущее. Наши мертвые — Ри'саллидад, что можно перевести как "мученики" — мученики в самом лучшем, истинном смысле этого слова. Мы ценим их жертву и в глубине души скорбим и оплакиваем их.

Демонстрация нашей храбрости — наша улыбка, "крин". Это не значит, что мы все время скалимся, будто тупые обезьяны имга из Валенвуда. Мы радуемся встрече с противником. Равный, честный бой вызывает у нас скуку. Мы улыбаемся, зная, что, в конце концов, мы победим, и мы знаем, что наша улыбка злит врагов.

2. "Вада Маасзи Ладжито": "бежать — необходимо"

Мы сражаемся с могущественным противником, против нас сражается сама Империя Тамриэля. Честь — это безумие. Да, мы любим Ренриджа Крин, которые пали в бою с силами Империи, но я уверяю вас, что у каждого из них был путь отступления, которым он (или она) не воспользовался и умер, сказав: "Проклятье".

Когда великий сенч-рат приходит в степи Саймисил, он не может ни охотиться, ни спать — крошечные альфы прыгают ему на спину, кусают его и убегают, пока он поворачивается в их сторону. Упрямый сенч-рат может попытаться поймать их, но, в конце концов, он всегда уходит. Альфы — наши родичи, и мы также сражаемся с великим тигром Лейавина.

Не пытайтесь стать союзником Ренриджа, если вы привыкли к порядкам в огромной армии, уверенно шагающей вперед, которая даже не думает об отступлении. Спрятавшись в камышах, мы смеемся над этой самоудийственной глупостью и наблюдаем за бойней, которая неизбежно приходит следом.

3. "Фусозай Вар Вар": "Наслаждайся жизнью"

Жизнь коротка. Если в последнее время вы не занимались любовью, то, пожалуйста, отложите эту книгу и займитесь делом. Найдите игривую девушки или горячего парня — или нескольких — в зависимости от того, что требует ваше сердце. Ни при каких обстоятельствах не стройте из себя недотрогу. Наша борьба против угнетателей может подождать.

Хорошо. Еще раз приветствую вас.

Мы, Ренриджа Крин живем и сражаемся, и знаем, что Лейавин и Империя не скоро будут побеждены. Скорее всего, победа придет уже после нашей смерти, но пока мы живы, мы не хотим, чтобы наши товарищи были хмурыми, скучными, бесцветными, трезвыми или девственниками. Если бы нам нужны были такие товарищи, мы бы присоединились к клинкам.

Не осуждайте нас за наши непристойные шутки, наши пьяные загулы, наш лунный сахар. Лейавин отказал нам в этих удовольствиях, и поэтому мы относимся к ним очень серьезно.

4. "Фусозай Вар Дар": "Убивай без сожалений"

Жизнь коротка. Очень коротка — многие узнали это, когда перешли дорогу Ренриджа Крин.

Мы сражаемся нечестно. Если враг смотрит нам в лицо, мы оцениваем наши шансы и можем даже улизнуть, если его меч слишком велик, но если враг стоит к нам спиной, мы сбиваем его с ног и ломаем ему шею, и его позвонки издают приятный хруст. Конечно, вы можете выбрать способ, который вам больше по душе.

5. "Азиэрр Дурраррисс": "Мы щедро даем людям"

Мы не должны забывать о нашей цели. Мы сражаемся за наши семьи, за каджитов, которые были изгнаны с земель их предков, с плодородных берегов озера Макапи и реки Малапи. Это наша война, и их беда. Мы должны доказать им, что сражаемся за них, и их не сорвят вражеская пропаганда.

Грифа, император и граф могут произносить речи, принимать законы и объяснять свои идеи народу, чтобы предотвратить неизбежную революцию. Сообщества, объявленные ими вне закона, такие как Ренриджа Крин, должны подкреплять свои слова делами. Недостаточно просто сражаться и смеяться над врагами. Нужно говорить с народом и убеждать его. Это война не солдат, но сердец. Если народ поднимется, угнетатели бегут, а мы победим.

Защищай народ, раздавай золото и лунный сахар. Тогда их сердца будут принадлежать тебе.

6. "Азиэрр Траджиджазери": "Мы берем по праву сильных"

Мы не должны забывать о нашей цели. Мы воры и разбойники, саботажники и контрабандисты. Если мы не можем захватить ферму, то сожжем ее дотла. Если имперцы, засевшие в нашей прекрасной древней крепости, не сдаются, мы обрушим ее им на головы. Если единственный способ прогнать лейавинцев — сделать эту землю непригодной для жизни, да будет так.

Мы хотим вернуть нашу родину, нашу жизнь, какой она была двадцать лет назад, но, если нам это не удастся, мы удовольствуемся иной целью. Мы хотим отомстить. С ухмылкой.

Сказ о Дро'Зире (пересказ с комментариями)

Соня Ветте

История, предлагаемая вашему вниманию, была услышана мною в лагере каджитского торгового каравана — один из каджитов рассказывал ее своему отпрыску. Я попыталась записать его рассказ как можно точнее, ведь каджиты редко рассказывают свои легенды чужакам. По правде говоря, я не уверена, что он стал бы ее вообще рассказывать той ночью, тем более в моем присутствии, если бы не принял к тому моменту немалую дозу лунного сахара.

Садись к огню и обогрей свой мех, Ма'раширр, а я расскажу тебе, как наш Дро'Зира стал величайшим из всех каджитов! (Прим.: полагаю, имеется в виду, что Дро'Зира, о котором идет речь, является каким-то прославленным предком их семейства.)

Каджиты, жившие в древние времена, услыхали могучий рев Алкоша, Великого Кота-Короля времени (прим.: известен в Империи как Акатош, в Скайриме — как Алдуин) и поспешили навстречу его Голосу. За три дня они пересекли весь Тамриэль, не прерываясь даже на отдых с щепоткой лунного сахара — вот какими быстрыми и выносливыми были каджиты в те времена.

Они пришли в прайд Алкоша и стали сильнейшими его воинами. Лоркхадж (прим.: Шор по-нордски), однако, прорычал Ра'вулфхарту приказ избавиться от воинов-каджитов, ибо завидовал он их преданности Алкошу.

Вида, как яростно сражаются воины-каджиты, Ра'вулфхарт не решился убить их. С помощью рыка, что дал ему Лоркхадж, он обратился с Массеру и Секунде, чтобы полными взошли они на небо. Воины-каджиты стали сенче, но забрал у них разум Лоркхадж.

Когда Ра'вулфхарт вернулся, чтобы вонзить свои когти в сердце Красной горы, он призывал на помощь своих воинов. Лишь Дро'Зира остался из "роджитов", кто не забыл, кто он такой, и лишь он откликнулся на призыв.

Но эти (непечатное слово) барды нордов не поют о том, как дошел Дро'Зира с Пепельным королем до самой Красной горы, дабы ударить в сердце даннеров! Не говорят они о том, как Дро'Зира запрыгнул на Думалаката, гнома-орка, когда тот приставил клинок к горлу Пепельного короля, чтобы не дать ему вымолвить ни звука!

И не складывают они песен о том, как освободил Лоркхадж Дро'Зиру из вотчины Шеггората за храбрость и за спасение Пепельного короля! Поэтому, когда встретится тебе бард, который будет хулить каджитов, оставь его с железным когтем в спине, чтобы напомнить, кто на самом деле спас Скайрим.

Что же до остальных "роджитов", то они измельчали и поглупели, поэтому сразу дей их, если они приблизятся к каравану. Так мне отец говорил, и теперь я говорю тебе то же самое.

А теперь будь хорошим котенком и принеси-ка мне еще лунного сахара к этим сладким пирогам.

Большая часть истории показалась мне обычным хвастовством, однако некоторые факты действительно согласуются с тем, что мы привыкли считать реальной основой для легенд о тех событиях. И тогда возникает множество вопросов — например, почему мы так мало знаем об истории каджитов и какую роль, не упомянутую в письменных источниках, они могли играть в событиях нашей истории.

Признание каджита, торговца мехами

Завтра меня казнят. Тюремщик поинтересовался, что принести мне на последний в жизни ужин.

"Принеси мне бумагу, — ответил я, — перо и свечу".

Возможно, ярлу захочется прочесть моё признание. А я смогу скротать время.

Когда гарем моего отца сгорел и богатство нашей семьи рассыпалось пеплом, нам с братом пришлось попрошайничать в трущобах Эльсвейра. Я никогда не забуду тот первый раз, когда мы укралли кошелёк путника. Это была почти случайность. Всего лишь лёгкое движение когтя — и кошелёк у нас в руках. В тот вечер мы ели, как короли. Мы спали в тёплой кровати в первый раз за долгие месяцы.

В скромом времени я и мой брат сдружились с ножами. Банда, к которой мы присоединились, обращалась с нами как с немытыми сиротами, впрочем, ими мы и были. Мы грабили, воровали, резали и бежали. Годы разбоя и тяжелой жизни не прошли бесследно: я потерял половину левого уха, схватившись на ножах с пьяным аргонианином.

Я хотел бросить всё, но мой брат — он мечтал о большем, лучшем.

брат хотел, чтобы мы отправились в Сиродил и стали законопослушными торговцами. У нас был план. Остался последний набег — караван шёл на север и был, как говорили, битком набит драгоценностями.

План дал осечку. Мой брат не смог вовремя остановить лошадей, а я беспомощно стоял рядом и наблюдал, как повозка падает со скалы. Но стоило мне оглянуться обломки, огорчение сменилось возбуждением. Драгоценностей там не было, зато было множество роскошных волчьих и мамонтовых шкур, клыков хоркера. Более чем достаточно, чтобы оплатить дорогу в Сиродил. Я мог бы пойти по стопам многих из моего народа — странствующих торговцев, уважаемых всеми.

Я уже упаковал меха в сумку, когда увидел изувеченное тело брата. Его уши были ещё теплыми, и я закрыл брату глаза — в последний раз. Я мог воплотить мечту брата. И он бы хотел, чтобы я воплотил её. А чего хотел я сам... какая разница, приближались охранники каравана. Надо было бежать, но я не мог просто так оставить тело брата.

Мой брат подарил мне мою первую шкуру. Она должна была стать памятью. Но в тёмной комнате скупщицы краденого мною овладела алчность. Скупщица взглянула на шкуру брата и предложила в три раза больше, чем за любую другую. Тошнота подступила к горлу, но быстро прошла. Я понял, что кроется в такой запретной роскоши. Цена, спрос, уважение.

То, о чём мечтал я сам.

Потом я освоился. Тёплый переулок. Одна рука держит кляп, другая быстро перерезает глотку. Аккуратно придерживаю истекающее кровью тело. Я стал быстрым, а движения моего ножа — точными и плавными. Я срезаю шкуру одним движением, чтобы не испортить товар.

Я разбогател. Никому из моих родных и не снилось такое богатство. Но я не терял осторожности. Я обосновался в укромном, практически недоступном месте и нанял тех людей, на кого когда-то работал сам. Когда охотились в диких местах, мы ходили по заброшенным дорогам. Когда охотились в городах, мы крались по глухим переулкам, где раньше мне приходилось обитать. Я стал настолько богат, что мне больше не приходилось пачкать руки самому.

Пёстрые шкуры лучше всего покупали досмеры. Аргониане предпочитали хорошо выделанные дублённые шкуры. Орки любили толстую, непромокаемую кожу аргониан. Люди чаще всего покупали хвосты и уши. Мне пришлось нанять алхимика и искусного ремесленника для выполнения пары странных заказов. Впрочем, я не задавал вопросов, когда на кону стояла гора золота.

В конце концов меня схватили. Может быть, я стал неосторожен. Может быть, я позволил слишком многим секретам просочиться наружу. Нападение на мою крепость превратилось в резню. Они схватили меня живым, это далось им с трудом. Ошибка — лучшие им было убить меня, пока был шанс.

У меня есть одна отнычка. А кладка северной стены моей камеры еле держится. Завтра моя голова не полетит с плеч.

Я ещё не закрыл свою лавочку. Покупатели будут всегда. Когда-нибудь я продам свою шкуру за огромную сумму, ведь моё имя — легенда. А твоё сгинёт в сточной канаве вместе с твоими костями.

— Торговец мехами

Истинная природа орков

Орки рождены были в конце Эры рассвета. История ошибочно именует их звериным народом, родственным расам гоблинов, на деле же орки — дети Тринимака, сильнейшего из духов-предков альтмеров. будучи поглощен принцем даэдра боэтией, Тринимак перевоплотился, находясь внутри этого отвратительного бога. Тогда же и орки претерпели изменения. Древнее имя орков — "орсимеры", что означает "отверженный народ". Они повинуются Малоху, перевоплотившемуся Тринимаку.

Кто такой Малох?

Он больше известен как принц даэдра Малакат, "чья сфера — опека презираемых и гонимых, принесенные клятвы и кровавые проклятия". Он не лорд даэдра в полном смысле этого слова, и другие даэдра не считают его лордом, но для его сферы деятельности это не имеет значения. Когда-то он был Тринимаком, великим героем высоких эльфов, защищавшим их от внешних и внутренних врагов. Кое-где его почитали даже больше, чем Аури-Эля. Когда Тринимак и его последователи предприняли попытку остановить движение инакомыслящих велотийцев, боэтия съел его. Тело и душа Тринимака были подвергнуты порче, и он вышел наружу как Малакат. Его последователи также изменились к худшему. Презираемые всеми, осоьенно безупречным Аури-Элем, они вскоре бежали в северные пустоши в окрестностях Саартала. Они сражались с нордами и каймерами, пытаясь отвоевать для себя местечко, но не осоьенно преуспели. В Скайриме Малаката называют Оркеем, или Старым Ворчуном, а битвы его с Иссироном вошли в легенды.

Дети свиньи

Тистон Бэйн

Никто — ни старейший из темных эльфов с горы Дагот Ур, ни сам Древний Мудрец Солитьюда — не помнят такого времени, когда бы орки не разоряли наш славный Тамриэль. Какой бы безумный и злокозненный даэдра из Обливиона их ни сотворил, едва ли он мог бы создать более стойкую угрозу благополучию цивилизованных народов Тамриэля, нежели эти несносные орки.

К счастью, орков легко отличить от прочих гуманоидов по размеру — обычноростом они в сорок пертанов роста, а весом в пятнадцать тысяч ангэдов — их звериным свиноподобным чертам и их зловонию. По существу своему они кровожадны, аморальны, недалекого ума и нечестивы. Давно уже следовало цивилизованным народам Тамриэля очистить землю от этого зла, но свирепость, звериная хитрость и удивительная верность племени, сделали орков удивительно живучими, подобно пиявкам в стоячем пруду.

Сказания о варварских обычаях орков появились еще до летописных свидетельств. Когда Джастиага писала о том, как орден Диагны присоединился к армиям Даггерфолла и Сентинеля с тем, чтобы "зажать злобных орков в угол в их древнем оплоте Орсиниум... и выжечь все их семя очистительным огнем" в 1E 950, она предполагала, что всем читателям известна дикая жестокость орков. Когда осада завершилась через тридцать лет, унесши жизни немалого числа героев, включая Гэйдена Шинджи, а разрушение Орсинума разбросало уцелевших орков по всем Ротгарианским горам, она написала: "Свободные люди возрадовались тому, что их древний враг повержен и рассеян". Очевидно, что орки наводили ужас на залив Илиак по меньшей мере с самого начала Первой эры.

Кодекс Малаката:

Крепости орков глазами наемника

Аманда Аллейя, наемница.

"Никому не превзойти орка".

Излишне говорить, как часто я слышала эти слова, сказанные хвастливым тоном в какой-нибудь грязной таверне, как часто ее во всю мощь выкрикивали мои коллеги-наемники в запале. Но я солгу, если буду утверждать, что в крепостях орков эти слова не являются правдой. Я очень скептически отношусь к заявлениям о том, что "традиции" и "путь предков" помогают лучше владеть оружием, но для орков, судя по всему, верность заветам предков — действительно кратчайший путь к победе.

Позволю себе начать немного издалека. Как утверждают орки, они с самого появления своей расы жили в крепостях. Крепость — это как минимум укрепленный лагерь, как максимум — неприступная цитадель. Каждый мужчина, женщина и ребенок в крепости с самого рождения обучаются тому, как оборошить ее. Все оружие и все доспехи изготавливаются прямо в крепости, и вся еда, которую добывают на охоте орки-воины, приносится в крепость, чтобы накормить всех жителей.

Орки там не признают никаких законов, кроме своих собственных — неписаного "Кодекса Малаката", названного в честь одного из их богов, которого иногда еще называют Молохом. Большая часть этих законов проста и понятна — не кради, не удивай, не нападай без причины (хотя здесь, похоже, есть длинный список исключений). Но в крепостях нет тюрем. Их заменяет Цена Крови. За свои проступки ты платишь либо товарами, либо кровью, пока жертва не будет удовлетворена. А вы не хуже меня знаете, что крови у орка немало.

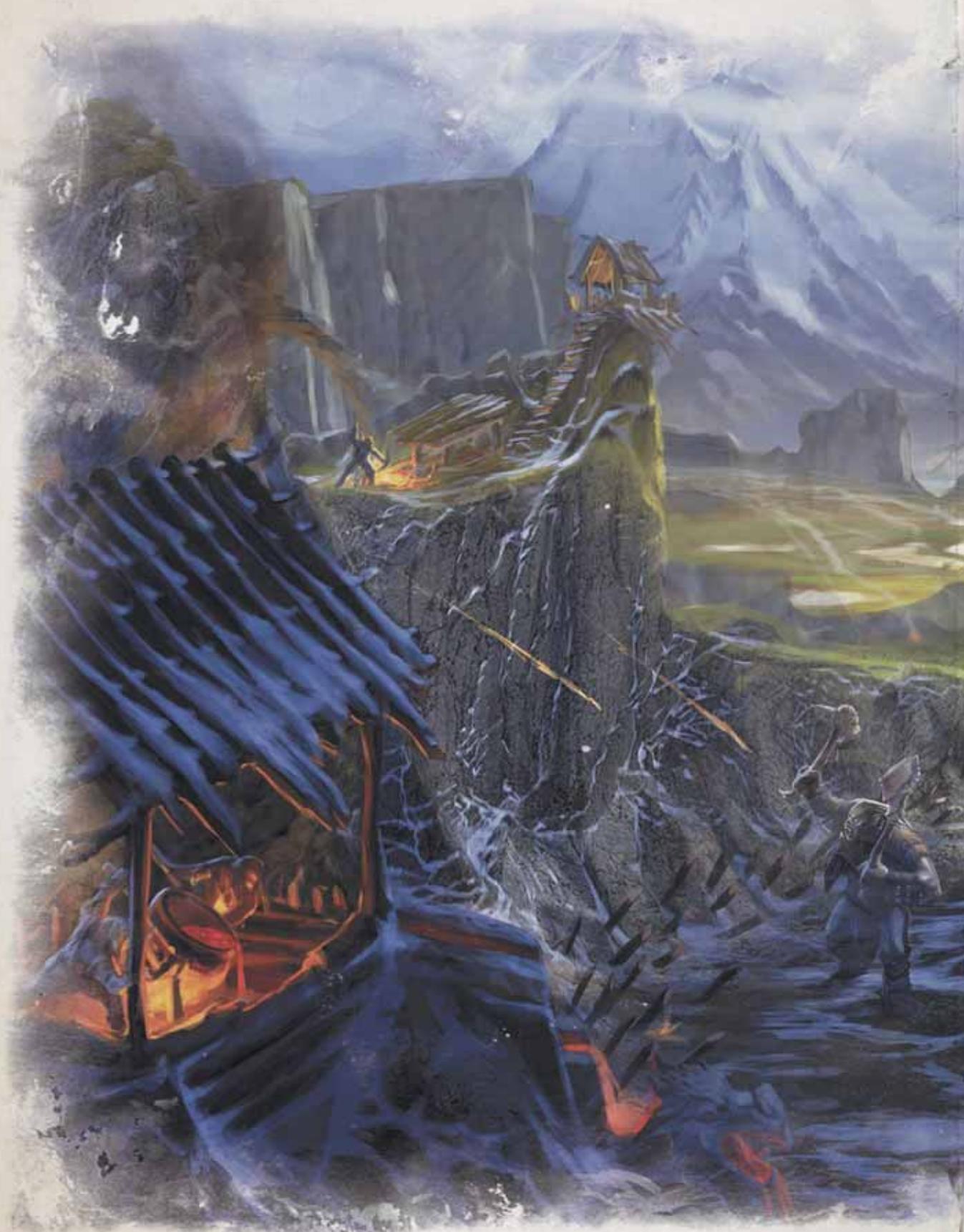
Кодекс также определяет, кто управляет крепостью. Вождем обычно становится самый сильный мужчина, он принимает все решения, в том числе насчет того, не нарушен ли Кодекс Малаката. Все женщины в крепости — либо жены вождя, либо его дочери, за исключением захарок, которые занимаются духовными сторонами жизни и целительством, когда требуется. Если возникают серьезные конфликты, они решаются путем быстрых, но кровавых схваток, а те, кому не по пути с вождем, обычно изгоняются из крепости и живут среди нас. Каждый орк вырастает с четким убеждением, что за все нужно бороться, а если за что-то сражаться не стоит, то это и не заслуживает упоминания в Кодексе.

В крепостях орки живут по своим обычаям и не любят чужаков. Все, что я знаю, я знаю потому, что огромное множество орков покидает крепости, чтобы стать наемниками или солдатами, и после пары кружек меда они обычно готовы поговорить о своем доме. Я слышала, что иногда орки могут объявить неорка "родичем по крови", и такой родич может жить в крепости как полноправный член клана, но мне никогда не доводилось услышать о каком-то конкретном примере. При всех странностях орочьих законов и традиций Кодекс Малаката действительно воспитывает из орков достойных воителей. В них есть целеустремленность, которая отсутствует у обычных

НАРОДЫ

наемников. Они не боятся вытащить оружие из ножен и решить проблему открыто — полагаю, в этом и заключается главное различие между выходцами из крепостей и городскими орками. Имперские законы позволяют нам урегулировать споры через людей, назначенных императором, а Кодекс Малаката требует, чтобы ты сам решал свои проблемы. И это хороший ход мысли, когда ты ведешь жизнь наемника.

Приданое Привидения

Вольта гра-Ямворт в переводе Апторна

— **П**оэты всё-таки правы. Есть в любви что-то такое, что меняет твою жизнь, — сказала Кепкажна гра-Минфанг, прозванная Привидением. — У меня уже несколько недель не возникало желания кого-нибудь ограбить. Вот намедни я уви-дела, что дверь в доме богатого торговца открыта настежь, и что же? Все мои мысли были заняты лишь тем, как мне нарядиться в день свадьбы.

— Ты слишком давно не была в нормальном обществе, — одобрительно нахмурился её друг Каргол. — Ты так мне и не рассказала, что произошло с твоим первым мужем — ну, с которым тебя обручили шаман.

— Его растерзали пепельные упыри, — мечтательно улыбнулась Кепкажна. — Печаль-печаль. Но я знаю, что с Водворгом такого никогда бы не случилось. Приключения не для него. Он практически имперец. В общем-то, он именно имперец и есть. Я тебе не говорила, как мы познакомились?

— Сотни раз уже, — проворчал Каргол, доставая бутыль. — Он был твоим тюремщиком и отказался тебя кормить, пока ты не пообещаешь выйти за него.

— Ты когда-нибудь слышал что-то подобное? Это ведь безумно романтично! — вздохнула Кепкажна, после чего посерёзнела. — Я хотела сказать, что надеюсь на добрые пожелания от моих старых друзей, но впрочем, как говорила Старая босриэль, нечего уповать на невозможное. Сразу после свадьбы мы отправимся в Балмору вместе с имперскими рыцарями, но пока мы ещё в Дагон Феле, шайка наверняка найдёт способ расстроить мою личную жизнь и вернуть меня к свету. Не сомневаюсь.

С приближением дня своей свадьбы Кепкажна, когда не предыдавала в блаженном забытьи, постоянно ощущала в воздухе нечто зловещее. Тёмные фигуры слонялись в полутиме, исчезая, когда она подходила ближе. Кепкажна заметила ряженых прошаек у дома Водворга, но мнимые ниши дали дёру, прежде чем она смогла распознать, кто из шайки её выслеживал.

Но этих тревожных моментов было немного. Кепкажна была поистине счастлива и готовилась к церемонии, которая должна была пройти в той самой темнице, куда её заточил Водворг. Отец Кепкажны давно умер, став ещё одной жертвой пепельных упырей, но командир её жениха вызвался его подменить. Кепкажна, разумеется, должна была сама обеспечить себе приданое. Она потратила все свои неправедно нажитые сбережения до последней марки, чтобы купить своему возлюбленному поистине чудесный подарок.

В соответствии с орочьей традицией, свадьбу назначили ровно в полночь. Утром подружки невесты, жёны имперских офицеров, проворно подшивали на ней её свадебный наряд из красного бархата с золотой филигранью. Дольцетта, одна из подружек, упомянула, что слышала о некоем прекрасном подарке, который Кепкажна подготовила для Водворга в качестве приданого.

— Сейчас я тебе его покажу, — хихикнула Кепкажна и полуодетой ринулась к своей потайной нише. Подарок был похищен.

Женщины пришли в ужас, но Привидение почувствовала лишь досаду и раздражение, но отнюдь не была удивлена. Такой подвох был вполне в духе её старой шайки. Они знали, что прийти на свадебную церемонию без приданого — дурной знак. Кепкажна попросила подружек поскорее закончить наряд, пока она обдумывала, куда грабители могли деть её сокровище.

В окруже было полно секретных тайников и заброшенных мест, где воры прятали свою добычу. Как следует поразмыслив, Привидение поставила себя на место воров и поняла, где бы она спрятала украденное в подобной ситуации. Как только подружки покончили с платьем, Кепкажна наказала им проследить, чтобы приготовления к свадьбе шли своим чередом, и не волноваться, если невеста будет малость за-

паздывать. Она завернулась в шаль, чтобы сберечь свой наряд от пыли подземелья, и отправилась к святилищу Малаката.

Привидение никогда раньше не пыталась красть у друзей и не содиралась мстить им и калечить их, даже несмотря на то что злилась на них за попытку разрушить её счастье. Она предпочитала избегать конфликта, хотя и понимала, что сейчас без него не обойтись. Уроки, которые преподал ей её наставник Каргол, годами помогали ей избегать клинов стражников и имперских рыцарей: пришла пора посмотреть, помогут ли они ей выжить в воровском логове, посреди неведомых опасностей святилища. И самое главное, чтобы при этом не пострадало её платье.

Святилище казалось столь пустынным, когда Кепкажна в него проникла, что она уже стала опасаться, не просчиталась ли. Только обнаружив потайную комнатушку в конце длинного коридора, она поняла, что пришла в нужное место и что оно идеально подходит для засады. Она схватила сундук со своим сокровищем и обернулась в ожидании нападения.

Двое из её старой шайки, редгардские двойняшки Йорум и Йор-и, встретили её за дверью, когда Кепкажна вышла из каморки. Они слишком хорошо знали Привидение, чтобы дразнить её, и напали немедля. Йорум сделал выпад клинком слева, а Йор-и хотела кинуться на неё. Привидение изящно увернулась от Йор-и, одновременно перенося вес назад на левую ногу и поворачивая правым плечом влево, избегая удара Йорума. Близнецы столкнулись друг с другом, и Кепкажна поспешила дальше.

Почти сразу же ей навстречу кинулся аргонианин Биньяар, и его дулава просвистела в воздухе у её головы. Они всегда друг друга недолюбливали. Привидение быстро пригнулась, и дулава с оглушительным грохотом врезалась в каменную стену. Биньяар потерял равновесие, и за эти несколько секунд она убежала дальше по коридору. Спереди до неё уже доносился запах свежего ночного ветра.

Последним защитником её приданого оказался Сорогт — орк, с которым у неё когда-то была интрижка. Кепкажна знала, что это именно он задумал кражу. В некотором роде было даже что-то милое в том, с каким упорством он пытался расстроить её планы. Однако сейчас её больше заботило, как не попасться под его зазубренный топор, который мог разодрать прекрасную вышивку её платья и живую плоть под ним.

Слегка сгибая колени, приседая, чтобы избежать ударов в голову, мотая головой, чтобы Сорогт не понял, куда она двинется в следующий момент, двигая ногами в рваном ритме, Привидение была мишенью, в которую невозможно попасть. Она приседала, когда он колол, отступала в сторону, когда он рубил, а потом отступала от колющих ударов и приседала, избегая рубящих. Несмотря на непредсказуемость её защитных движений, Сорогт не давал ей спуску, так и не сдвигаясь со своей позиции у выхода из подземелья.

Приближалась полночь, и Привидение наконец-то решилась положить конец поединку. Когда Сорогт снова рубанул, она уклонилась влево, пригнулась и наклонила голову, так что топор просвистел у её правого плеча. В это мгновение открылся его правый док, и она с неохотой крепко ударила сундуком ему в торс. У Кепкажны не было времени проверить, убила ли она его или просто оглушила. В общем-то, она думала лишь о том, чтобы успеть к свадебной церемонии.

НАРОДЫ

Ровно в полночь Водворг и Кепкажна сочетались узами брака. Он был в восторге от приданого — искусно выкованных доспехов, которым позавидуют все имперские тюремщики. А рассказ о том, как его супруга забрала их из святилища Малаката, его просто очаровал.

— Почему ты не надела доспехи, если знала, что это западня? — спросил он.

— Я не хотела поцарапать твой подарок, — ответила она между поцелуями. — И уж тем более помять свой наряд.

БЕСТИАРИЙ

Ода покорителям тундры

О великий покоритель тундры!

Как смотришься ты со своим могучим зверем на фоне необъятных оранжевых просторов!

Гром шагов возвещает твой приход. Человек и зверь вместе прокладывают путь.

Как единое целое, полагаясь друг на друга, они больше, чем просто человек и зверь, но равные, объединенные борьбой за выживание.

Как же мне охота пересечь тундру, следя за их могучими стопами.

Это было бы для меня величайшей честью.

Мы бы провели утро, содирая краски, чтобы нанести их на наших мамонтов и вырезать свирепые символы на их бивнях.

Тогда подошло бы время охоты на злокрысов. Наши дубины обрушились бы на зловредных крысаков и вышибли бы из них дух.

Мы бы сидели вечерами у костра, и я бы славил сидящих рядом песнями об их величии и красоте.

Они бы дали мне вкусить мамонтового сыра. Пиши премерзкой, но столь цедной.

Мы бы перекусили жареным злокрысом, пойманном в этот самый день, и затем легли бы спать под звездами.

Я бы медленно отошел ко сну, погрузившись в обволакивающее тепло мамонтового меха. Он защищает от холода, и в нем так уютно.

Какое славное то было бы время.

БЕСТИАРИЙ

Бестиарий Гербейна: Ледяные привидения

17-й день месяца Последнего зерна

Когда в моих странствиях на север через мерзлые равнины и горы на меня надвинулся зимний холод, я решил остановиться в таверне в Данстаре, дабы отдохнуть и вкусить горячей пищи. Другой путешественник сказал мне, чтобы я был начеку, поскольку в искрящейся белизне снега таятся существа, что скрываются от глаз беспечных до поры, когда уже слишком поздно. Он все продолжал заливаться, безудержно жестикулируя и рассказывая фантастические истории о том, как эти твари косили целые торговые экспедиции. Его рассказы напугали остальных постостояльцев таверны, однако меня не отпугнули байками трусов, я увижу все своими глазами, ибо ледяные пещеры и покрытые снегом вершины севера как раз по душе таким искателям приключений, как я. Мне не пришлось искать долго.

БЕСТИАРИЙ

Эти ледяные привидения — прозрачные змееподобные магические создания, словно порожденные самой морозной тундрой и ледниками Скайрима. Сливаясь с местностью, они практически невидимы, и немало нордов пали жертвами этих бесплотных духов, кто от их внезапного злобного удара, когда они пронираются через жертву всем телом, а кто — от хвори, известной как разжижение мозга, заражающего проклятия, помрачающего разум и обрекающего жертву на еще худшую долю.

Несмотря на свою смертоносность, ледяные привидения не отличаются хитростью тактики, поэтому битва с ними проходит без изысков — достаточно грубой силы и острого клинка, чтобы одолеть этих свирепых тварей. Только самые дюжие мужи могут надеяться устоять против лишь одного такого существа, однако я прикончил двоих без особых усилий.

Было приятно узнать, что за зуды ледяных привидений дают немалую награду, ибо их ценят как ингредиент для алхимических зелий. Так я смогу себе позволить и дальше путешествовать по этому краю в поисках испытания, достойного рассказа, ибо пока что не встретил я такого, что заставило бы меня дрогнуть.

Мать-дымок: две теории

Матиас Этьен

В народных сказках северных краев Скайрима редкий персонаж встречается чаще, чем мать-дымок: призрачная женщина, заманивающая наивных путешественников на погибель, крадущая детей и несущая возмездие тем, от кого пострадала при жизни.

В тамриэльском фольклоре существуют и другие подобные персонажи: мелузаны с острова Строс М'Кай, которые заманивают корабли на скалистые отмели и пожирают души моряков; змееподобные шалассы Чернотопья; валенвудские амроналы.

Но, в отличие от этих мистических существ, матери-дымки, как считает большинство ученых, существуют на самом деле. Достоверные сообщения об увиденных материах-дымках хоть и нечасты, но уже слишком многочисленны, чтобы их игнорировать. Далее представлен краткий обзор того, что можно извлечь из провинциальных легенд, и основные теории о том, чем, собственно, эти существа могут являться.

Матери-дымки

Большинство преданий сходится в отношении ряда основных фактов о материах-дымках. Они всегда женского пола. Они принимают форму человеческих (по словам некоторых, эльфийских) призраков, окутанных дымкой и облаченных в гнилые лохмотья. Они владеют морозной магией и редко появляются в умеренном климате.

Однако в остальном предания значительно расходятся. В некоторых говорится, что это духи, ищащие упокоения. В других — что это последнее, что осталось от снежных эльфов, некогда правивших Скайримом. В каких-то источниках говорится, что они в основном обитают в Хьялмарке (или просто на севере), но другие помешают их в забытые места, на горные вершины в далеких Джерольских горах.

большинство уважаемых ученых отвергает эти рассказы, предпочитая основываться на ряде документированных случаев последних лет. Так возникли две основные теории.

Мастер Садрен Сарети на основе глубоких исследований некромантии и культуры айлейдов Сиродила утверждает, что мать-дымок — это некрологическое состояние, разновидность лича, развившаяся в рамках ныне забытой культуры Первой эры. Согласно этой теории, они — не просто призраки, а secta могущественных волшебниц, достигших вечной жизни после смерти.

С другой стороны, Лидетта Вилиан из Синода доказывает, что матери-дымки вовсе не нежить, а элементальные проявления самого Нирна. Отмечая ряд схожих черт со спригганами и ледяными привидениями, она утверждает, что по сути матери-дымки являются элементальными олицетворениями снега или тумана, по самой своей природе наделенными силой их стихии, а не управляющими ею с помощью колдовских наук.

Согласно большинству рассказов, мать-дымок привлекает своих жертв прозрачно светящимися огоньками — прядями. Хотя изначально они бездейственны, впоследствии эти существа атакуют совместно с ней, отвлекая жертву и высасывая ее жизненную силу.

БЕСТИАРИЙ

Согласно расхожей легенде, эти существа — духи прежних жертв матери-дымка. Эти духи дают ей дополнительную силу, так что всем, кто надеется ее уничтожить, следует сперва освободить души убитых ею.

При таком описании ученые наверняка вспомнят блуждающие огоньки — редких и опасных обитателей болот южного Тамиэля. Как ни странно, сиродильские легенды неизменно описывают блуждающие огоньки как одиноких хищников, в то время как пряди матери-дымка живут в некоем симбиозе с им подобными.

Вилиан утверждает, что эти блуждающие огоньки — это подвид прядей, падальщиков, заманивающих жертв к матери-дымку и питающихся психоэфирной энергией, что высвобождается при убийстве. будучи взаимозависимыми падальщиками, они наверняка не отличаются той же грозной защитой, какой обладают их собратья-хищники, и потому куда более уязвимы.

С другой стороны, Сарети доказывает, что пряди по сути — лишь эманации или магические творения матери-дымка, а не самостоятельные существа. В подтверждение приводится один случай, когда один искатель приключений прикончил матери-дымка и увидел, как пряди тут же погибли вместе с ним, хотя этот источник признается крайне ненадежным.

В целом же остается признать, что мнения ученых о матери-дымках и прядях остро расходятся, и в ближайшее время вряд ли здесь что-то изменится. Тем не менее все источники соглашаются в одной важной мысли: существа эти крайне опасны и следует избегать их любой ценой.

Призраки в бурane

Адонато Леотелли

Вот уже много лет я путешествую по городам и весям Скайрима и описываю в кни-
гах свои приключения и увиденные чудеса.

В моих странствиях мне довелось посетить множество удивительных мест и столкнуться с множеством странных существ. Но одна такая встреча так крепко засела в моей памяти, что забыть ее мне не удается, как бы я ни силился.

Тогда я путешествовал с одним из каджитских торговых караванов. Они странствовали по всему Скайриму, торгая своими товарами у ворот крупных городов.

Мы приближались к Виндхельму, когда налетела метель. Это была ужасная, беспощадная снежная буря, одна из страшнейших, что мне довелось увидеть. Ветер завывал, как целая сотня даэдров, а снежная крупа слепила нас, полностью закрывая обзор.

Ри'сад скомандовал остановку, и мы, пошатываясь, ушли с дороги, закрывая лицо руками, пытаясь защититься от острых осколков льда, летящих вокруг. Под покровом небольшой рощицы сосен мы сделились в кучку, даже не пытаясь поставить палатки — ветер вырвал бы их из наших рук в одно мгновение.

Они напали, когда буря достигла своего пика. Их было около полудюжины — сложно подсчитать точнее, когда ледяные порывы ветра и слепящий снег блокируют все твои ощущения.

Они были ростом с человека, но гордаты и отвратительны на вид. Из одежды на них было только какое-то тряпье и обрывки шкур. Вооружены они были кинжалами и мечами самого разного вида — несомненно, принадлежавшими им прежним жертвам.

У них не было носов — только длинные щели на лице вместо ноздрей. Их уши были длинны и остры, что наводило на мысль о дальнем родстве с эльфами. Мертвенно-бледная кожа и безжизненные черные глаза завершали образ чудовищ из дурных снов.

Биша увидела их первой, но для нее все равно уже было слишком поздно. Ее предсмертный крик был так пронзителен, что мы услышали его даже сквозь завывания ветра. И этот крик спас нас всех.

Предупрежденные о присутствии врагов, каджиты обнажили клинки и встали в круг лицом наружу. Белых тварей было слишком мало, чтобы полностью окружить нас, и каджитам удавалось отражать каждую их атаку. После того, как три снежных существа были убиты, остальные поспешили прочь, и больше мы их не видели.

Буря постепенно ослабела, и к утру мы прибыли в Виндхельм. Я остановился в таверне "Очаг и свеча", и мысль, что я проведу эту ночь за крепкими стенами города, принесла мне ни с чем не сравнимый покой.

По крайней мере до тех пор, пока образы этих ужасных созданий вернулись, чтобы вновь преследовать меня — уже во сне.

Бестиарий Гердейна: Ворожеи

5-й день месяца Восхода солнца

Мне довелось услышать престранную историю — о прекрасной девушки, камнами изгнанной из города за увлечение темными искусствами. Говорят, что она скрылась в Пределе и больше не появлялась, к всеобщему удовлетворению, так как кощунственная сила ее магии, как говорят, росла с каждым днем. Вскоре после этого глубоко в горах стали замечать ведьму, что была наполовину женщины, а наполовину — птицей, и когда эту тварь стали замечать все чаще, стали пропадать молодые женщины.

Эта история привела меня в Предел, где обитает эта ведьма, называемая Ворожеей. Со мной меч и щит, ибо я должен узреть это существо и должен его прикончить.

24-й день месяца Восхода солнца

Обычному человеку свело бы живот от представшей перед моими глазами жестокости — меня встретил вид соломы и костей, человеческих черепов, козьих черепов на пиках, грязных шкур животных, выдраных кишок и запачканных кровью перьев. Я слышал, что Отреченные охраняют этих Ворожеи, и повсюду виднелись их маленькие грубые подряушки и алтари в честь этих ведьм, на которых лежали тусклые и пустые камни душ. Что за мерзкое существо может жить в месте, где вокруг все мертвое?

Я двинулся глубже в логово, и сперва до меня донесся звук — неровное шарканье, а затем и тошнотворная, незадываемая вонь. Я вытянул фракел перед собой и дождался, пока мои глаза не приспособятся к темноте лежавшего передо мной прохода. Увиденный мною силуэт я принял за дряхлую старуху с неуклюжей походкой, однако фракел высветил кое-что еще. Эта Ворожея имела просто ужасающий вид, почти как человек, но скорее как некая мерзкая помесь женщины и твари, в которой от человека была лишь оболочка, а все остальное было променяно на обладание силами черной магии. Эта магия значительно исказила ее естество, и ее тусклые, остекленевшие глаза злобно смотрели на меня со струпьевого лица, под которым скрюченное, деформированное человеческое тело было покрыто черными перьями. Существо ощетинилось и издало оглушающий крик, и когда в когтистой ладони стал содираться яркий красный свет, я немедля поднял свой щит, чтобы отразить эту премерзкую магию. Я противостоял колдовству, что, казалось, высасывало у меня жизнь, и на нервы давила мысль, что когда-то эта тварь была женщиной.

Большинство мужей потерпело бы поражение, однако меня не так-то легко сломать. Ворожея — тварь преотвратная и заслужила доставшуюся ей участь, а когти ее, ставшие моим трофеем, поведают всем об истории Гердейнова триумфа. Я же не имею иного желания, как продолжить свои странствия и победы, ибо пока что не встретил такого, что заставило бы меня дрогнуть.

Проведение Охоты

Написанное в этой книге представляется поспешно выполненным конспектом, возможно, со слуха, или же извлечениями из более обширной работы.

Да не скажет никто при свидетелях, будто Охота не объявлалась, Ритуалы не оглашались или Древние Каноны не соблюдались.

Ритуал Невинной Жертвы, также называемый Дикая Охота, это старинный обряд, извлекающий магическую энергию из мощного потока магии, омывающего этот мир. Создатели и времена создания этих ритуалов давно забыты. Но, при надлежащем соблюдении, данный обряд приносит большую власть и престиж Охотнику.

Ритуал включает всемогущих Охотников со своими большими и малыми собаками, и жалкую и обреченнюю Невинную Жертву, по традиции называемую Зайцем, по имени смертного создания, на которого охотятся люди. С одной стороны, Охотник испытывает изрядный азарт и осознание своего могущества и власти над беспомощной дичью, а с другой стороны его трогает трагическая доля Невинной Жертвы. В высшем своем эстетическом проявлении данный ритуал уравновешивает экстаз убийства осознанием Охотником печальной участи и отчаяния Невинной Жертвы. То, как тело невинного Зайца разрывается на куски, отражает трагический дисбаланс власти и жестокой несправедливости в этом мире.

С началом Охоты малые собаки собираются перед отражениями зеленого кристалла у Часовни Невинной Жертвы. В самой Часовне охотники, большие собаки и Егерь совершают обряды посвящения и освящения охотников, Охоты и Невинной Жертвы. Затем Охотник выходит из Часовни, потрясает Копьем Горькой Милости, и цитирует Каноны Охоты. Описание Канонов обясняет правила и условия четырех этапов Охоты: взятие следа, травля, зов и подтверждение смерти.

Стадия первая — взятие Следа, в которой малые собаки идут по следу и поднимают Зайца.

Стадия вторая — травля, в которой большие собаки гонят Зайца перед собой.

Стадия третья — зов, в которой большие гончие окружают Зайца и подзывают Охотника, чтобы он его убил.

Стадия четвертая — подтверждение смерти, в которой Охотник совершает убийство ритуальным Копьем Горькой Милости и призывает Егера звоном в колокол, чтобы тот посмотрел на убийство. Затем Егерь вручает награду бравому Охотнику, который проявил искусство в обращении с Копьем Горькой Милости. Егерь также просит бравого Охотника назвать следующего Зайца для очередной Охоты (хотя сам бравый Охотник может и не участвовать в ней).

Каноны Охоты, которые и охотники, и Егерь, и гончие торжественно кланутся читать, подробно описывают обычаи и условия Охоты. Эти обычаи и условия, так-

БЕСТИАРИЙ

же называемые Законом, строго определяют все детали Охоты, такие, как: сколько может участвовать гончих определенного вида, как следует применять Копье Горькой Милости, и так далее. Кроме того, Закон указывает, что Заяц должен иметь настоящий шанс на спасение от Охоты, хотя бы и очень слабый. На практике это условие обычно выполняется предоставлением шести ключей, которые, если собрать их вместе в Храме даэдрических обрядов, позволят Зайцу телепортироваться из места Охоты и таким образом обмануть Охотника и его Копье. Конечно, невероятно, чтобы Заяц мог действительно найти все ключи и спастись, но форма соблюдается, мошенничество с ключами и лишение Зайца шанса на их нахождение или применение считается постыдным и непростительным предательством Закона Охоты.

Ритуал Охоты обеспечивает охотникам защиту от любых форм атак, включая оружие смертных и бессмертных и волшебство любых школ. Вместе с тем охотников предупреждают, что ритуал не дает им защиты от собственного Копья, и предостерегают от бездумного применения Копья в ближнем бою, в темноте или при иных опасных обстоятельствах, поскольку одно касание Копья Горькой Милости означает мгновенную и верную смерть как для невинного Зайца, так и для товарищего по Охоте.

Право проводить Дикую Охоту является великой и существенной привилегией, ибо все беззащитны против магии Копья Горькой Милости, за исключением высших лордов даэдра. Соответственно, Копье само по себе является смертельным оружием, и его запрещено выносить за пределы Угодий Ритуальной Охоты.

Сбор яда морозного паука

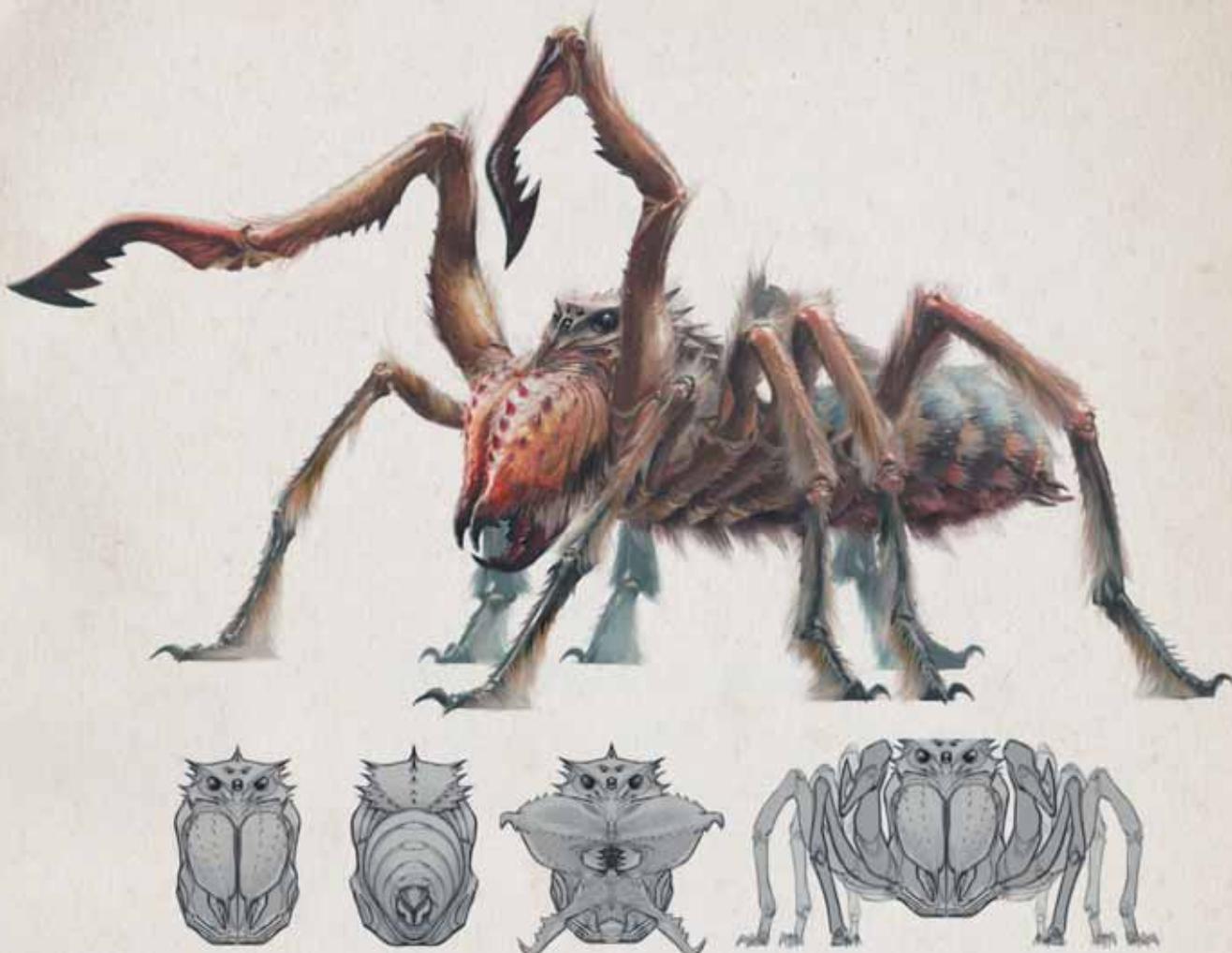
Мои запасы яда морозного паука практически истощены. Из-за полученных во время последней встречи с этими смертоносными пауками ран я не могу сам взяться за это дело, поэтому нанял тебя.

В сборе яда морозного паука нет особых сложностей, но есть некоторый риск. Я написал это небольшое руководство в надежде, что тебе удастся избежать тех ошибок, которые допустил я.

Морозные пауки чаще всего устраивают себе логова в пещерах. Этим тварям не страшен северный климат, ибо, как следует из их имени, холод на них практически не действует.

Когда пауку начинает недоставать пищи, он отправляется охотиться наружу. Однако обычно эти восьминогие твари нападают из засады на тех несчастных существ, что забредают в их пещеры в поисках крова.

Легче всего найти гнездо морозных пауков по их огромным паутинам. Только постарайся не попасться в них, поскольку эта паутина достаточно прочна, чтобы поймать взрослого человека. Если ты хоть немного увязнешь в их липкие нити, без помощи тебе уже не освободиться.

Также не задывай следить за потолком. Морозный паук столь же бесшумен, сколь и стремителен, и может свалиться тебе на голову и впиться клыками тебе в спину, прежде чем ты издашь крик.

Если же тебе удалось обнаружить морозного паука прежде, чем тот обнаружил тебя, содрать яд будет несложно. Так как они привыкли, что их жертвы обездвижены паутиной, их не так уж трудно убить в открытом бою. Если тебя привлекают колдовские науки, не стоит использовать заклинания холода. Магия школы огня послужит тебе куда лучшие.

На этом я прощаюсь и желаю тебе удачной охоты. Напоминаю, что все найденное в паучьей паутине ты можешь оставить себе.

Чем дольше пещера, тем крупнее паук.

Пирог из коруса: Рецепт

Если я еще хоть раз услышу об этом зазнайке-кулинаре, что написал треклятую книжку рецептов, я оттапаю себе уши тупым топором.

Ну да, он там может кой-чего приготовить для своих толстяков-имперцев и неженок-бретонов, но настоящим нордам нужна настоящая нордская жратва, и мой пирог из коруса именно таков.

Я, видать, так часто разглагольствовал про него, что Сусанна аж стала меня пить. А Нильс говорит: "Раз уж твой пирог из коруса такой замечательный, чего же ты не запишешь рецепт?"

Ну, я осою не грамотей и не писака, но подумал: а чего бы и не попробовать? Так что вот вам мой самый первый записанный рецепт, надеюсь, он вам понравится.

Перво-наперво вам нужно мясо коруса, да только его не так-то просто достать. Корусы в основном живут в пещерах и часто не одни, а с другими мерзкими тварями.

Если сберетесь добыть себе на обед мяса коруса, гладите, чтобы вас самих кто-нибудь на обед не схавал. Ха-ха.

В общем, как я говорил, достаньте себе хорошую броню и добрый меч какой побольше, и если можете с собой взять крепких мужиков, которые не дадут деру при первом признаке заварушки — ну, то есть не как эти неженки-бретоны — то отправляйтесь в пещеры и рано или поздно вам попадется корус.

Вид у них, как у огромных жуков размером с очень огромных содак. И это, берегитесь кислоты, которой они плюются. Она вашу броню в два счета разъест.

Когда же добудете мясо коруса, надо нанизать его на вертел. берите только плотное белое мясо из середины. Желтое мясо с головы и лап не трогайте, потому что там у них ядовитая кислота, и если вы его съедите, то помрете как миленькие.

В общем, дальше вы жарите вашего коруса на вертеле. Не помешает полить его соусом. Чтоб его приготовить, размолотите несколько помидоров в кашицу и перемешайте ее с водой, перцем, медом и солью. И затем все это надо вскипятить.

На перец я бы осою не налегал, но пара ложек соли будет к месту. Сколько класть меда — решайте сами. Тут уж — насколько вы любите сладкое.

Когда корус прожарится и вы его как следует сдобрите соусом, тогда его надо запечь в пирог с картошкой, морковками и яблоками. И кладите туда же остатки вашего соуса.

Если хотите с репой, может, будет и ничего. Смотря по тому, как вам дальше нравится.

Ну и потом какое-то время выпекаете. Когда корочка сверху станет светло-коричневой, значит готово.

Ну и все. Вот такие пироги! Ха-ха.

Необычный вкус

Гурман

Мои поздравления! Открыв эту книгу, вы начали по-настоящему великое приключение, сделали первый шаг в путешествии по огромному миру бретонской кухни с ее мириадами радостей и чудес. Вам откроются запахи, вкусы и ощущения столь изысканные, что они покажутся чем-то невозможным в этом мире. Но нет, они более чем возможны!

Да-да, следуя тщательно отобранным рецептам, представленным в этой кулинарной книге, вы приготовите потрясающие блюда так просто, что окружающие заподозрят, что дело не обошлось без магии. Но единственная магия, к которой мы прибегнем — это магия в вашем сердце, страсть к созданию вкуснейших, удивительных блюд, приготовление которых легко, а наслаждение от них — бесконечно.

Начните с этой книги, и когда-нибудь вы тоже сможете стать Гурманом!

Суфле "Солнечный свет"

Ингредиенты: 2 1/2 унции коровьего сыра; 1 унция сливочного масла; 1 унция муки; 9 унций молока; щепотка соли; щепотка перца; чашка молотого мускатного ореха

Рецепт:

- Разведите огонь в печи и доведите до умеренного жара.
 - Нарежьте сыр мелкой стружкой, провода остро наточенным эльфийским кинжалом вдоль целого куска.
 - Отделите белки от желтков и энергично взбейте белки в пену.
 - Приступаем к приготовлению фирменного соуса "Солнечный свет". Растопите масло и добавьте муку, непрерывно помешивая до тех пор, пока масса не станет однородной. Переставьте ее на слабый огонь и начинайте медленно вливать молоко. Крайне важно не прекращать помешивать! Помешивайте соус 10 минут, пока он не загустеет. И тогда, только тогда, можно считать, что соус "Солнечный свет" готов.
 - Добавьте соль, перец и мускатный орех, снимите массу с огня.
 - Добавьте наструганный сыр, затем желтки. Хорошо размешайте смесь. Потом аккуратно введите в смесь белки ложкой, вырезанной из орешника.
 - Осторожно вылейте смесь в четыре каменные формы для суфле, наполнив их почти (обязательно оставьте немного места!) до краев.
 - Поставьте формы в умеренно горячую печь и закройте дверцу! Не открывайте печь в течение 25 минут, иначе ваши восхитительные маленькие солнышки поднимутся лишь для того, чтобы тут же навсегда осесть в бездне духовки.
 - Через 25 минут вытащите суфле и немедленно подавайте к столу.
- Узрите великолепие солнца и насладитесь изысканным вкусом суфле "Солнечный свет"!

Бульон ле Манифик, или "Великолепный горшочек"

БЕСТИАРИЙ

Ингредиенты: 4 чашки куриного бульона; 4 чашки говяжьего бульона; 2 1/2 унции сливочного масла; 1 деревянный кувшин муки; 1 чашка нарезанной кубиками моркови; 1/2 чашки нарезанного кубиками репчатого лука

Рецепт:

- Разведите огонь в открытом очаге и доведите до небольшого жара.
- Смешайте все ингредиенты в большом суповом горшке.
- Энергично помешивайте!
- Когда похлебка прогреется, немедленно разливайте ее по глиняным суповым мискам!

Перед вами фирменное блюдо Гурмана — бретонская похлебка "Великолепный горшочек"!

Но постойте. Я знаю, о чём вы думаете. "И это все? Больше ничего добавлять не надо? В чём же секрет Гурмана?"

Вы действительно ждете, что я открою вам секрет своего самого известного блюда? Знаете что? Я это сделаю! Секрет, мои дорогие друзья, это — вы! Да-да, похлебка "Великолепный горшочек" вкусна и удивительна. Используя простейшие ингредиенты, перечисленные выше, вы создадите похлебку, питательную и простую, но в то же время изысканную и утонченную. Но чтобы сделать бретонскую похлебку поистине великолепной, потребуется сила воображения по-настоящему вдохновенного повара. Есть ли у вас этот талант?

Я подавал к столу миски бретонской похлебки "Великолепный горшочек", и взрослые мужчины рыдали от счастья. Сможете ли вы догадаться, какой ингредиент я добавлял?

Сможете ли вы сотворить... магию?

Как пережить нападение хоркера

Йедмир Старкад

С транствия по Скайриму, я слышал от северных рыбаков и охотников множество удивительных историй о том, как они сталкивались с хоркерами. Все эти рассказы были очень разными — от леденящих душу историй со смертельным исходом до утверждения одной девочки, что хоркеры спасли её, когда онатонула.

Я решил взять на себя смелость объединить некоторые особо интересные рассказы для тех, кто собирается в путешествие по подережью, закованному во льды.

Первую историю мне поведал охотник по имени Громм. Он утверждает, что однажды ночью, отдохнув после тяжёлого дня на охоте, он заметил огромную тень на стенке его палатки. Как вы думаете, что случилось дальше? Победил ли он хоркера, или стал его добычей?

Громм был отличным мастером ловушек и охотился в ледяной тундре, добывая лисиц и шкуры. Но когда однажды ночью он в своей палатке смыкнул веки после тяжёлого дня, то услышал какой-то звук, доносящий снаружи.

Первым его порывом было не двигаться и подождать, пока чудище не уйдет, но когда до него несколько раз донёсся устрашающий рёв, Громм медленно потянулся за топором. Хоркер почувствовал его движение и начал рушить палатку своими огромными клыками, не давая охотнику напасть.

Пока хоркер возился с палаткой, Громму удалось применить свиток с заклинанием обморожения, но оказалось, что магия льда слабо влияет на хоркеров. Кому-нибудь этот любопытный факт может оказаться полезен в путешествиях.

БЕСТИАРИЙ

В конце концов Громм сумел встать на ноги и парой мощных ударов расправиться с хоркером. Пусть его лагерь и лежал в руинах, Громму повезло: он отделался всего лишь небольшой раной на левом бедре.

Прощаясь со мной, Громм добавил, что если кому-нибудь придётся столкнуться с хоркером, важно сохранять ясную голову и помнить — если удастся выжить, то за мясо и клыки хоркера на рынке можно будет выручить неплохие деньги.

Кошки Скайрима

Отчет Альдетьюль

В эти морозные пустоши меня направили, чтобы классифицировать и изучить различные виды обитающих здесь кошек, но пока что особым успехом мои исследования не увенчались. Много месяцев я исследую эти места, но пока что мне удалось найти лишь некоторые вариации уже известных базовых видов.

В моих странствиях мне повстречались несколько изгнанных из своих кланов каджитов, которые решили обосноваться в Скайриме. Помогать мне они не хотели, возможно, из-за страха, что я открою кому-то их местонахождение. Не могу сказать, что меня удивляет тот факт, что здесь так мало каджитов. Это весьма негостеприимное место, с пронизывающим ветром и вечно ненастной погодой.

Саблезубы — подвид обычных гигантских кошек, с двумя гипертрофированными передними клыками. Обычно саблезубы имеют красно-коричневый окрас, который позволяет им сливаться с травой. При этом мне довелось видеть, как они подбираются к жертве или отдыхают прямо на скалах, поэтому сомнительно, что такая окраска нужна им исключительно в целях маскировки.

В основном саблезубы при атаке пытаются прокусить жертву передними клыками, но иногда могут на короткий срок приподняться, чтобы атаковать передними когтями. Также в некоторых случаях саблезубы резко прыгают на жертву, чтобы нанести как можно больше урона. Саблезубы обитают также в снегах. Этот подвид имеет пятнистый белый мех, который, полагаю, они, в отличие от своих сородичей на равнинах, используют, чтобы незаметно подобраться к жертве. Клыки таких кошек, как говорят, полезно использовать при варке зелий, повышающих выносливость, а также в настойках, которые на некоторое время повышают способность к кузнечному делу.

Умелый охотник без труда освежает туши убитого саблезуба и добудет шкуру и клыки, но, как мне говорили, мясо этих кошек безвкусно и не годится в пищу.

Легенды об оборотнях Скайрима

Лентул Инвентий, Орден Рога

Как и многие другие, я был наслышан о том, что провинция Скайрим буквально кишит оборотнями самых разных видов. Я уже некоторое время изучал вервольфов, и мне было крайне любопытно узнать, имеют ли под собой какое-то реальное основание слухи о существовании оборотней-медведей. Учитывая мое хрупкое здоровье, я решил отправиться в Скайрим в более теплые летние месяцы и досконально изучить данный вопрос.

Прибыв в провинцию, я быстро понял, что расспросы местных мне никак не помогут в исследованиях. Если в Сиродиле даже маленький ребенок расскажет вам, какие животные действительно обитают подлизости от его деревушки, то здесь я наслушался (причем от т. н. "мудрых стариков") рассказов не то что об оборотнях — о единорогах и летающих лошадях! Потому, естественно, верить этим слухам вряд ли стоит. Да, у местных есть традиционные способы защиты от медведей-оборотней (определенные растения и обряды), но никто из жителей не видел такое существо своими глазами, не говоря уже о наличии вещественных доказательств. Чудовище всегда видел не сам рассказчик, а его родственник или друг, и стоит начать проверку — история мгновенно разваливается. Я не хочу огульно объявлять все эти истории враньем, но вынужден сделать вывод, что они, скорее всего, возникли в результате живого, образного рассказа историй о столкновениях с особо сильными и опасными, но все-таки обычными медведями. Легенды иногда начинают жить собственной жизнью, особенно когда в них есть доля правды — ведь существует же вполне реальная угроза со стороны вервольфов. Но меня беспокоит, что, распространяя байки о несуществующем (или, по крайней мере, очень редком) чудище, люди станут недооценивать угрозу, исходящую от вполне реальных зверей. Впрочем, если жители Скайрима решили жить в невежестве, пугаясь теней и облаков, я не намерен этому препятствовать.

Вервольфы же здесь весьма любопытны — по крайней мере, легенды о них. Учитывая явную тягу нордов к баракальству, я ожидал увидеть ковры из шкур вервольфов, головы оборотней на пиках и тому подобные вульгарные атрибуты, кричащие о непомерной храбрости нордов-охотников. Однако же на деле в цивилизованном обществе о вервольфах почти не говорят, и обычной рекцией на мои расспросы о них был лишь нервный, испуганный взгляд. Полагая, что, возможно, обычные жители просто более трусливы, чем я мог предположить по опыту общения с нордами в Сиродиле, я решил искать тех, кто прославился своей храбростью. Однако бесстрашные (судя по рассказам) воины из сообщества Соратников, что в Вайтране, никогд утратили свой боевой настрой, когда я поднял вопрос о вервольфах, подбесили и попросили меня удалиться. Стоит ли говорить, что я ожидал от них большего. Я крайне разочарован тем, как сильно этих храбрых мужчин и женщин могут напугать одни лишь рассказы о чудовищах.

Тогда я отправился в дикие места, подальше от поселений, в поисках охотников, которые, как я ожидал, будут рады рассказать мне истории о своих трофеях и подвигах. И наконец один из них (некий Карстен Обух Молота) поведал мне первую (и, к сожалению, единственную) правдоподобную историю о вервольфах в Скайриме, приводя в качестве подтверждения своих слов шкуры и когти. И как только я обрадовался доказа-

СКАЙРИМ: ЧЕЛОВЕК, МЕР И ЗВЕРЬ

тельствам существования оборотней, он посмотрел на меня диким заговорщикским взглядом и начал нести какой-то бред о группе охотников на вервольфов и об их действиях по истреблению оборотней. Я оставил его и дальше захлебываться слюной и продолжил свой путь. Сожалением подытоживаю, что моя поездка в Скайрим не принесла значительных результатов. Если бы мне удалось найти доказательства существования на севере других видов оборотней, крупнее и сильнее наших, мы могли бы попытаться заручиться их помощью в борьбе со стервятниками-оборотнями в Валенвуде. Если эти крылатые хищники настолько велики и опасны, как уверяет мой друг Гаелиан, то в скором времени они начнут угрожать внутренним провинциям Тамриэля. В середине следующего лета я планирую отправиться в Валенвуд, чтобы получить изучить птиц-оборотней Валенвуда, а затем предоставить Совету более подобающий отчет.

Эксперименты с физической природой вервольфов

Реман Крекс

Слишком много книг, подобных этой, начинаются с чего-то вроде оправдания своих действий. Изобретается какая-то особая причина для исследований — в надежде, что одержимость автора объектом исследования читатель воспримет в более благородном свете. Я таких целей не преследую, о чем заявляю прямо. Вервольфы не удивили никого из моей семьи, не угрожали моей собственной жизни, я даже не водил дружбу ни с одним из них. Мой исследовательский интерес порожден только любопытством, сдобренным сильной ненавистью ко всему неестественному. Можно ли ненавидеть что-то, что не приносит тебе вреда? Не знаю, я не философ — и на этом я закончу со вступлением. Переходим к экспериментам. На протяжении нескольких десятилетий я по мере возможности провожу полное исследование физической природы существ, которых мы называем вервольфами. При этом я полностью игнорирую причины возникновения этой заразы, способы заражения, добровольные или насильтственные, а также способы излечения — иначе пришлось бы вступать на зыбкую почку догадок и предположений, тесно опутанных дессвязанными бреднями мужичья.

Объект А

Пойман: в Морровинде, в звериной форме

Основа: в своей истинной форме мужчина, бретонец

Примечания: Объект демонстрирует необычно высокую степень контроля над своими трансформациями.

Эксперимент 1 — Пропорции тела объекта тщательно измеряются до, во время и после трансформации. Как и ожидалось, пропорции в истинной форме остаются идентичны, однако сразу же после обратной трансформации кратковременно наблюдается незначительная опухоль головы. Во время трансформации наблюдаются следующие изменения:

Расширение плеч на 23%; Сужение бедер на 17%; Удлинение рук на 47%; Удлинение пальцев на 7% (без учета когтей)

Что касается ног — удлинение ног в несколько раз предположительно объясняет изменения в области таза, которые в противном случае были бы пренебрежимо малы.

Эксперимент 2 — Объект заставляют изменять свою форму как можно быстрее и чаще, с разным количеством подходов и разной длительностью трансформаций.

Значительных изменений во времени трансформации и ее эффектах не отмечено. Объект пришел в негодность, эксперимент завершен.

Объект Б

Пойман: в Сиродиле, в истинной форме (уже обнаружен местными властями и заключен под стражу)

Основа: в своей истинной форме женщина, норд

Примечания: большие размеры объекта в истинной форме и во время трансформации идеально подходят для проведения детального исследования.

Полагаю, мне первому удалось увидеть своими глазами, как трансформация в вервольфа влияет на работу внутренних органов существа. В первую очередь увеличивается сердце, задолго до того, как легкие и грудная клетка меняют свое местоположение, чтобы вместить его. Этим может объясняться сильная боль в груди, которую, как сообщают зараженные, они испытывают перед трансформацией.

Больший интерес вызывают изменения, наблюдаемые в мускулах ног. Я без удивления наблюдал укрепление и вздутие мышц, так как исследуемые твари известны своей силой и скоростью, однако обратил внимание также на то, что мышцы меняют цвет на пепельно-коричневый. Это, однако, могло быть связано со значительной потерей крови во времена процедур. Перед тем как объект пришел в негодность, я попробовал применить известные "лекарства" от заразы прямо к внутренним органам. Лепестки волкодоя, втертые в кости, значительно повышают их хрупкость — грудная клетка едва не сломалась от легкого прикосновения. Сок спелых ягод белладонны былпущен в вены, и было видно, как они сморщиваются и иссыхают по мере движения сока по кровеносной системе. После того как белладонна достигла сердца, крупные сосуды полностью иссохли, и объект пришел в негодность за несколько минут.

ВОЙНА

Тактика сводных отрядов войск в Пятилетней войне

Кодус Коллонус

Легионам стоит поучиться необычной тактике, использованной каджитами в Пятилетней войне против Валенвуда. Я служил тогда в легионе форта Мотылька-Сфинкса и собственными глазами повидал немало северных стычек.

Война началась с так называемой "Торвальской бойни". Каджиты заявили, что досмеры вошли в город без всякого повода и убили более тысячи мирных жителей прежде, чем их выдворили подоспевшие из джунглей воины соседнего племени. босмеры же утверждают, что вылазка была предпринята в ответ на надеги каджитских разбойников, грабивших караваны с лесом, направляющиеся в Валенвуд.

Весной 3E 396 война приблизилась к форту Мотылька-Сфинкса. Я стоял в дозоре и наблюдал отдельные эпизоды конфликта. Впоследствии я разговаривал и с каджитами, и с досмерами, принимавшими участие в битве, и их свидетельства служат превосходным примером того, как каджиты, используя смешанные наземные и лесные войска, победили в войне.

Каджиты начали битву необычным способом, выслав на окраину Валенвудских лесов команды древорубов из кэтей-рат и винущающих ужас сенч-рат, или "боевых котов". Когда до досмеров дошел слух, что кто-то валит их деревья (что, по слухам, считается страшным преступлением в этих землях лесных эльфов), от большой армии на юге отвлекли отряд лучников. Таким образом досмеров вынудили разделить свои силы на малые группы.

босмерские лучники заняли позиции среди уцелевших деревьев, расстояние между которыми теперь составляло двадцать и более футов, а сквозь кроны теперь пробивался свет. босмеры связали оставшиеся деревья в некое подобие укреплений, из-за которых можно было стрелять из луков.

Когда древорубы пришли на следующее утро, то первый же досмерский залп сразил полдюжины каджитов. Но после этого каджиты взяли большие деревянные щиты со спин сенч-рат и спешно соорудили укрытие. Все каджиты, и даже огромные сенч-рат, смогли спрятаться за этим укрытием. Когда стало ясно, что каджиты не покинут своего убежища, некоторые досмеры решились вызвать противника на ближний бой.

Когда досмеры были уже у самого укрытия, один из каджитов заиграл на национальном инструменте из металлических прутов. Это было своего рода сигналом, и небольшая группа омес и омес-рат вылезла из потаенных нор. Хотя противник и превосходил их числом, атака с тыла оказалась неожиданной, и они быстро захватили инициативу.

босмерские лучники на деревьях все еще могли бы решить исход боя, если бы не неприятности у них самих. Стая даги и даги-рат, двух наиболее редких разновидностей каджитов, обитающих на деревьях в Тенмарском лесу, перепрыгивали с одного дерева на другое под магическим покровом бесшумности. Они обосновались на верхних ветвях, которые не могли выдержать веса досмеров.

ВОЙНА

Получив сигнал, они использовали когти, а также факелы или огненные чары (свидетельства двух выживших, с которыми я говорил, различаются), чтобы отвлечь лучников, когда начался бой на земле. Немногие лучники смогли бежать, большинство же погибли.

Очевидно, что даги и даги-рат обладают большими магическими способностями, нежели принято считать, если смогли магическим способом уберечь себя от обнаружения столь долгое время. Один из выживших досмеров говорил мне, будто видел среди даги нескольких обычных на вид кошек и даже утверждал, будто эти кошки зовутся "альфик" и что они чародеи. Отмечу однако, когда дело доходит до выяснения истины, досмеры почти столь же ненадежные свидетели, как и каджиты, и я не верю, будто домашние кошки умеют колдовать.

К исходу дня каджиты, вероятно, потеряли не более полудюжины от изначального отряда в четыре дюжины, в то время как досмеры потеряли роту лучников. Уцелевшие не успели ничего сообщить, прибыла вторая рота лучников, опять была применена та же тактика — и со схожим результатом. Наконец, были посланы куда большие силы и досмеры выиграли битву с помощью зверей, обитающих в Валенвуде. Эту третью стычку и ответ каджитов я намерен обсудить во втором томе моей книги.

Как убивать прежде, чем убьют вас

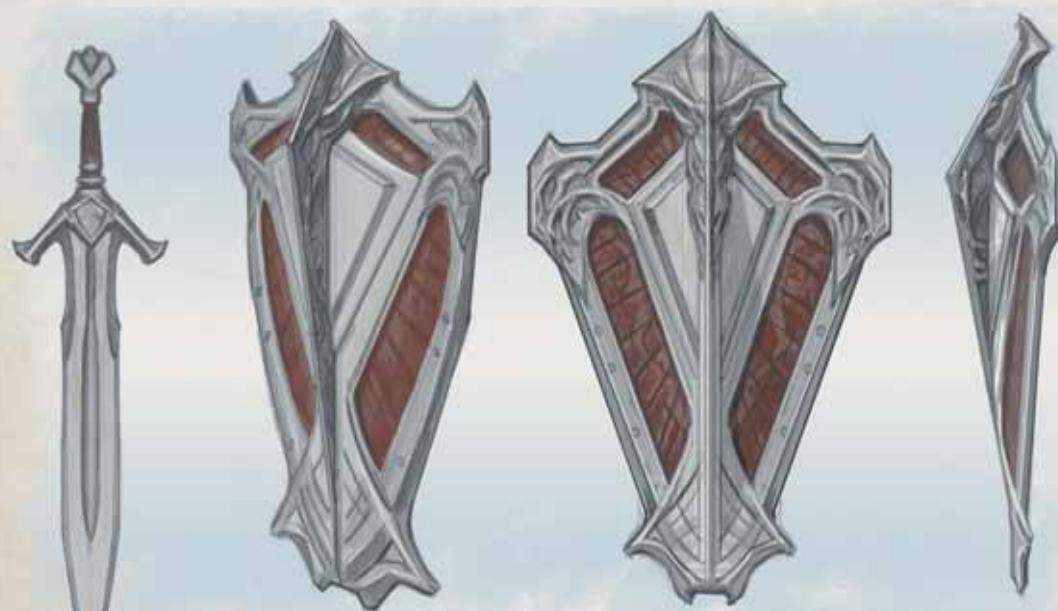
Эдуардо Корвус

Многие на моих глазах безрассудно бросались в бой, чтобы за секунду завершить свою жизнь на чужом мече. Много лет я учу воинов искусству боя, накопленному поколениями моих предков — а среди них было множество благородных рыцарей, немало Клинков, а в совсем отдаленном прошлом даже парочка наемников.

Вооруженный этим опытом, я постараюсь написать небольшой трактат по этому филигранному искусству — искусству боя. Здесь не будет ни слова ни о магическом огне, ни о пении стрелы, ни о перерезании глоток со спины. Настоящий бой — когда между бойцами нет ничего, кроме доброй стали. В первую очередь вам следует научиться блокировать удары. Лучший способ оставаться в живых — не дать противнику ударить вас. Возьмите щит и научитесь им работать. Да, это изматывает. Да, это больно. Но поверьте, если не закрываться, будет куда больнее. Со временем станет легче, и в итоге вы сможете легко отбивать даже мощнейшие удары.

Но помните — ваш противник, если это не трусливая деревенщина, знает, что противопоставить блоку. Он будет бить вас изо всей силы, чтобы пробить ваш блок и нанести удар на поражение. Поэтому опасайтесь таких мощных ударов. И хотя четверть дюйма хорошей стали неплохо погасит даже такой удар, лучше все-таки от него уклониться. Имейте в виду, что хотя блокировать заклинания и возможно, эта задача требует большого мастерства. Так что бросайтесь на магов не мешкая и дайте им отвечать крепкой стали. Лучшего те, кто выбрал оружие ведьм, не заслуживают.

Блокировать удары можно и без щита — просто парируйте удар оружием, хотя, конечно, блок выйдет гораздо слабее. Если же вы на щегольской манер решили сражаться двумя клинками одновременно, блокировать у вас не получится, даже и не пробуйте. Чтобы погасить удар, нужно держать оружие двумя руками, или никаких сил не хватит.

ВОЙНА

С другой стороны, с оружием в каждой руке можно изрубить противника в капусту за считанные секунды. Как говорится, лучшая защита — нападение.

Вот мы и перешли к ударам. Здесь есть несколько основных принципов. Быстрые атаки — это всегда хорошо, но их легко отбить, поэтому следите, не ушел ли противник в оборону. Подождите, пока он откроется, или же заставьте его открыться, проведя силовую атаку. Удар молотом самый мощный, но замах очень долгий. То же самое относится к дуларам и прочему дробящему оружию. Топоры — очень неплохой компромисс между силой и скоростью, в то время как мечи быстрее всего, но дают наименьший оглушающий эффект.

Следите за тем, чтобы совсем не выйтись из сил. Всегда имейте недельный резерв, чтобы отражать удары или даже просто убежать при необходимости! Во время боя постоянно двигайтесь. Не давайте загнать себя в угол или окружить. И не забывайте о тактике — лично я всегда первым делом расправляюсь с магами. Они слабы, но могут нанести сразу большой урон. Щит служит не только для обороны. Если на валиться плечом и с размаху ударить врага, он потеряет опору и откроется для серии быстрых контрударов. Еще лучше вложить в удар весь свой вес и нанести мощный удар щитом. Если соперник недельного роста, вы сдадите его с ног.

Крупных противников нельзя ошеломить силовой атакой. Только мощный удар щитом может оглушить их и заставить открыться, чем тебе и нужно воспользоваться.

Еще раз — блок, контратака, удар щитом! Бейте врага, когда он упал! Он не станет вас щадить, так должны ли вы? В битве главное — напор, вы должны первым подловить своего противника и не давать ему спуску. Будьте все время в движении, все время работайте. Если у вас сила бьет через край, подберите себе двуручное оружие и косите врагов, как сорную траву. Работать двуручником медленно и тяжело, но по силе удара ему нет равных.

Кладбища полны посредственными мечниками. Если воинское дело вам не по нраву, идите лучшие в монахи. А уж если выбрали путь воина, научитесь как следует владеть оружием и не теряйте головы — иначе ее быстро снесут с плеч.

Черная Стрела

Горжик Гвин

1

Я был совсем молод, когда герцогиня Уода наняла меня помощником лакея в ее летний дворец. Тогда у меня практически не было опыта общения с титулованными особыми. Среди них были богатые торговцы, дипломаты и политики, имевшие дела в Элденруте и большие дворцы, но мои родичи были далеки от социальных кругов.

Когда я достиг совершеннолетия, для меня не нашлось места в семейном деле, но мой кузен узнал, что в отдаленном от города поместье требовалась прислуга. Оно было так далеко, что там вряд ли мог быть большой конкурс на места. Пять дней я шел по джунглям Валенвуда, пока не встретил группу всадников, следивших в том же направлении, что и я. В группе были три мужчины-босмера, одна женщина-босмер, две бретонки и один даннер. Они были похожи на путешественников.

"Ты тоже направляешься в Моливу?" — спросила меня бретонка Пролисса после того, как мы представились друг другу.

"Я не знаю, как это называется, — ответил я. — Но я ищу поместье герцогини Уоды".

"Мы отвезем тебя туда, — сказал даннер Миссун Акин, сажая меня на свою лошадь. — Но тебе лучше не говорить ее светлости, что тебя проводили ученики из Моливы. Если, конечно, ты хочешь получить работу".

Акин объяснил мне все по дороге. Молива была ближайшей деревней к поместью герцогини. Там жил великий лучник, он ушел на пенсию после военной службы. Его звали Хиомаст, и хотя он давно уже не служил, все же брал учеников и обучал их своему мастерству. Со временем о великом учителе узнавало все больше народа, и все больше учеников приезжало в деревню. Бретонки прибыли из самого Хай Рока. Акин же пересек весь континент, приехав из родной деревни у великого вулкана в Морровинде. Он показал мне эбонитовые стрелы, которые он привез из дома. Никогда в жизни я не видел подобного.

"Насколько нам известно, — сказал Копаль, один из босмеров, — семья герцогини жила здесь еще до образования Империи. Можно подумать, что она должна была привыкнуть к простолюдинам из Валенвуда. Но ситуация невероятно далека от правды. Она презирает деревню, и больше всего — школу лучников".

"Полагаю, она хочет контролировать все движение в ее джунглях", — засмеялась Пролисса.

Я поблагодарил их за информацию и понял, что все больше и больше боялся встречи с этой невыносимой герцогиней. Первый взгляд на ее дворец через деревья не только не развеял, но скорее усилил мои опасения.

Такого здания в Валенвуде я еще не видел. Это было огромное сооружение из камня и железа, его неровные зубчатые стены напоминали челюсти огромного хищника. Большинство деревьев рядом с дворцом вырубили много лет назад: я мог

представить себе, какой скандал это повлекло за собой, и насколько крестьяне босмеры ненавидели герцогиню Уоду. Вокруг дворца проходил широкий ров с серо-зеленой водой, образуя искусственный остров. Я видел нечто подобное в Хай Роке и в Имперской провинции, но никогда у себя на родине.

"У ворот стоит охрана, поэтому мы простишься с вами здесь, — сказал Акин, останавливая лошадь на дороге. — Для вас же будет лучше, если никто не узнает о нашем знакомстве".

Я поблагодарил своих спутников и пожелал им удачи в обучении. Они поехали дальше, а я пошел пешком к поместью. Через несколько минут я стоял у ворот, которые, как я заметил, были соединены с мостом и высокими перилами. Когда стражник понял, что я пришел устраиваться на работу, он открыл дверь и дал знак другому стражнику, чтобы тот опустил мост и я смог бы пересечь ров.

Последнее препятствие — дверь в поместье. Над этой железной дверью висел грозный железный герб семьи Уода. В двери была одна единственная золотая замочная скважина. Стражник открыл дверь и пропустил меня в огромный мрачный каменный дворец.

Ее светлость приняла меня в гостиной. Она была худой женщиной и чем-то напоминала рептилию в красном платье. Сразу было заметно, что она никогда не улыбается. наша беседа состояла из одного единственного вопроса.

"Ты знаешь, что значит быть младшим лакеем на службе у дворянки?" — ее голос был похож на шелест старой кожи.

"Нет, ваша светлость".

"Отлично. Ни один слуга не в состоянии понять свои обязанности. И осудено я не люблю тех, кто считает, что они их поняли. Ты принят".

Жизнь во дворце была безрадостной, но должность младшего лакея очень неоднозначна. Моя основная обязанность заключалась в том, чтобы не попадаться на глаза герцогине. Иногда я ходил в Моливу, что находилась в двух милях от поместья. Ничего особыного или необычного в деревне не было — по всему Валенвуду были тысячи таких мест. На холме рядом с деревней находилась академия лучников мастера Хиомаста. Я часто ходил туда и наблюдал за учениями.

Иногда после занятий я встречался с Пролиссой и Акином. С Акином мы редко разговаривали о чем-либо, не имеющем отношения к стрельбе из лука. И хотя мне очень нравилась его компания, Пролисса стала мне более близким другом, чем он, и не только потому что она была очень красивой для бретонки, но и потому, что у нас было больше общих интересов.

"Когда я была совсем маленькой, то ходила на представление в Цирк Перьев в Хай Роке, — сказала она однажды, когда мы гуляли по лесу. — Очень старый цирк, никто даже не помнит, когда они появились. Ты должен обязательно посмотреть их выступление, если представится возможность. У них отличные сценки и интермеции, и самые лучшие акробаты и лучники в мире. Я мечтаю когда-нибудь попасть в их труппу. Когда я стану профессионалом".

"А как ты узнаешь, что стала хорошим лучником?" — спросил я.

Она не ответила, а когда я обернулся, то понял, что она исчезла. Совершенно сбитый с толку, я стал оглядываться, как вдруг услышал смех где-то наверху. Она сидела на дереве надо мной и ухмылялась.

"Может, я стану не лучником, а акробатом, — сказала она. — А может, и тем и другим. Я подумала, что в Валенвуде я смогу многому научиться. У вас здесь есть отличные учителя. Эти люди-обезьяны".

Она изогнулась, обхватив левой ногой ветку и вытянув вперед правую ногу. Через секунду она уже была на другой ветке. Я понял, что с ней сложно продолжать разговор.

"Ты имеешь в виду имга? — проговорил я, заикаясь. — А ты нормально седя чувствуешь на такой высоте?"

"Я знаю, это банально, — сказала она, перепрыгивая на ветку выше, — Но секрет в том, чтобы не смотреть вниз".

"Может, ты все-таки спустишься?"

"Да, наверное, пора", — ответила она. Она была уже в тридцати футах от земли, стояла на тонкой ветке, держа руки по сторонам, чтобы сохранить равновесие. Она показала на ворота, которые едва были видны на другой стороне дороги: "Честно говоря, ближе к дворцу герцогини я подходить не хочу".

Я еле сдержал крик, когда она бросилась с ветки вниз. Через секунду она уже стояла рядом со мной. Это такой трюк, объяснила она. Предотвратить удар до того, как он произойдет. Я сказал ей, что она станет лучшим акробатом в Цирке Перьев. Сейчас я, конечно, знаю, что этому не суждено было случиться.

В тот день, насколько я помню, мне нужно было раньше возвращаться. Это был один из тех редких дней, когда я должен был работать. Каждый раз, когда к герцогине приезжали гости, я должен был быть там. Конкретных обязанностей у меня не было, кроме как стоять в столовой. Другие слуги и служанки постоянно были чем-то заняты — то приносили еду, то уносили тарелки. А вот лакеи были чистой формальностью, украшением дворца.

Но, по крайней мере, у развернувшейся впоследствии драмы был зритель, в моем лице.

||

В замке планировался званный вечер, отмечу, он оказался последним за время моей работы здесь. Герцогиня, к удивлению всех присутствующих, пригласила мэра Мориллы и самого мастера Хиомаста в числе прочих гостей. Среди слуг ходили неверо-

ятные слухи. Мэр уже бывал здесь и раньше, но присутствие Хиомаста повергло всех в состояние шока. Чего она хотела этим добиться?

Сам обед прошел почти идеально, если не считать некоторой холдности. Хиомаст и герцогина молчали. Мэр попытался начать дискуссию о сыне и наследнике императора Пелагиуса IV, Уриэле, но эта тема не вызвала особого интереса. Леди Виллея, которая была старше своей сестры, герцогини, казалась куда более оживленной, она говорила в основном о преступности и скандалах в Элденруте.

"Я уговориваю ее переехать сюда, за город, подальше от всех этих неприятных вещей, уже несколько лет, — сказала герцогина, встретившись глазами с мэром. — Мы даже в подробностях обсуждали постройку особняка на холме Моливы, но там так мало места. Впрочем, вы и сами это знаете. К счастью, мы нашли идеальное место. В нескольких днях пути на запад, на берегу реки находится широкое поле, которое прекрасно подходит для наших целей".

"Звучит замечательно, — мэр улыбнулся и повернулся к леди Виллею, — И когда же ваша милость начнет строительство?"

"В тот же самый день, когда вы передвинете свою деревню", — в тон ему ответила герцогина Уода.

Мэр посмотрел на нее, чтобы понять, шутит она или нет. Но она явно не шутила.

"Подумайте, как разовьется торговля в вашей деревне, если вы будете находиться ближе к реке, — весело сказала леди Виллея. — А ученикам мастера Хиомаста будет проще добираться до его прекрасной школы. Все могут получить от этого свою выгоду. Я знаю, моей сестре будет гораздо проще жить, если никто не будет лишний разходить по ее землям".

"А никто и сейчас не ходит лишний раз по вашим землям, ваша светлость, — напомнился Хиомаст. — Вы не владеете джунглями и никогда не будете ими владеть. Жители деревни может и согласятся переехать со своих насиженных мест. Но моя школа останется там, где она находится сейчас".

Праздничный ужин оказался на поверку не очень радостным. Хиомаст и мэр откланялись, отказавшись от моих услуг, а также от того, чтобы пойти в гостиную и насладиться напитками. В стенах замка в тот вечер не было слышно смеха.

На следующий день, несмотря на запланированный званый обед, я отправился на свою обычную прогулку в Моливу. Но прежде, чем я дошел до разводного моста, меня окликнул стражник: "Ты куда собрался, Горжик? Не в деревню, случайно?"

"Почему бы и нет?"

Он показал мне клубы дыма на горизонте: "Сегодня ранним утром начался пожар, его до сих пор не могут потушить. Вероятно, он начался в школе мастера Хиомаста. Похоже, это работа каких-то бандитов".

"Святой Стендэрр! — закричал я. — А ученики живы?"

"Никто не знает, но если кто-нибудь остался в живых, это просто чудо. Почти все спали. Я знаю, что уже нашли тело мастера или то, что от него осталось. А еще они нашли эту девочку, твою подружку, Пролиссу".

Я провел весь день в состоянии шока. Это казалось невероятным, но интуиция подсказывала мне: две благородные старые леди, леди Виллея и герцогиня Уода, уничтожили деревню и школу, которые мешали осуществлению их замыслов. За

ужином они упомянули о пожаре в Моливе, как о чем-то незначительном. Но в первый раз за все это время я увидел, как герцогиня улыбается. Эту улыбку я не забуду до самой смерти.

На следующее утро я решил пойти в деревню и выяснить, не нужна ли моя помощь. Я проходил через холл для слуг в большое фойе, когда услышал шум, как будто впереди собралась большая группа людей. Тут были стражи и большая часть слуг, они возбужденно показывали на портрет герцогини, который висел в центре зала.

Картина протыкала всего одна черная стрела, как раз в том месте, где находилось сердце герцогини.

Я сразу узнал ее. Это была одна из стрел Миссуна Акина, я видел их у него в колчане, он говорил, что это стрелы из глубин самого Дагот-Ура. Мой первой реакцией был вздох облегчения: дамнер, проявивший доброту ко мне, остался жив. Вторая мысль совпада с тем, что занимало всех собравшихся в этом холле. Как кто-то смог проскользнуть мимо стражи, перебраться через ров, проникнуть за тяжелую железную дверь?

Герцогиня, которая появилась вскоре после меня, была в бешенстве, хотя воспитание не позволило ей выказать свои истинные чувства, и она ограничилась тем, что приподняла свои тонкие брови. Она не стала терять времени даром и назначила всем слугам новые посты и дежурства, чтобы замок был под наблюдением круглые сутки. Была организована система патрулей.

На следующее утро, несмотря на все предосторожности, еще одна черная стрела пронзила портрет герцогини.

И так продолжалось целую неделю. Герцогиня решила, что в фойе должен всегда находиться, как минимум, один человек, но каким-то образом стрела все равно оказывалась в портрете, стоило стражу лишь на мгновение отвести взгляд.

Была разработана сложная система сигналов, так чтобы каждый патруль мог доложить о любых подозрительных вещах во время своего дежурства. Сначала герцогиня решила, что все сигналы должны поступать к управляющему замком днем и к начальнику стражи ночью. Но когда она обнаружила, что больше не может спать, вся информация стала поступать непосредственно к ней.

Атмосфера в замке варьировалась от мрачной до кошмарной. Стоило змее переплыть ров, и тут же ее светлость шла исследовать восточное крыло. Сильный порыв ветра, треплющий листья одного из нескольких деревьев, воспринимался как сигнал тревоги. Очень невезучий одинокий путник на дороге перед дворцом, абсолютно невинный человек, как оказалось потом, вызвал такую яростную реакцию, что, должно быть, подумал, что попал на войну. Впрочем, в каком-то смысле, так оно и было.

И каждое утро в зале обнаруживалась новая стрела — в насмешку над нашей хозяйкой.

Мне дали неприятное задание — сторожить портрет в течение нескольких часов рано утром. Я не хотел быть тем, кто обнаружит стрелу, поэтому уселился в кресло напротив, не сводя с картины глаз. Не знаю, пытались ли вы достаточно долго и пристально смотреть на какой-нибудь предмет, поверьте мне, ощущения весьма стран-

ВОЙНА

ные. Все остальные чувства просто исчезают. Именно поэтому я вздрогнул, когда в зал вбежала герцогиня, она была препятствием для обзора.

"Что-то движется за деревом через дорогу от ворот!" — прорычала она, оттолкнув меня в сторону, и попыталась вставить ключ в замок.

Она тряслась от бешенства и возбуждения, и ключ никак не попадал в скважину. Я протянул было руку, чтобы помочь ей, но герцогиня уже опустилась на колени, приложившись глазом к замочной скважине, чтобы убедиться, что ключ наконец попал по назначению.

Именно в этот момент и появилась стрела, но она так и не долетела до портreta.

Я встретил Миссуну Акина только много лет спустя, когда был в Морровинде и развлекал там знать. Он был весьма впечатлен тем, что я превратился из мальчишки-слуги в достаточно известного барда. Сам он вернулся на остров и, как его старый учитель Хиомаст, нашел свое счастье в том, что преподавал и охотился.

Я рассказал ему, что леди Виллея решила не уезжать из города, а деревня Молива была отстроена заново. Он был счастлив услышать это. Я никак не решался спросить его о том, что я действительно хотел знать. Я чувствовал себя дураком. Сгорая от любопытства, я хотел знать, правда ли то, что он стоял за деревом Пролиссы каждое утро в то лето и пускал стрелы через ворота, через газон, через ров, сквозь замочную скважину, прямо в портрет герцогини Уода, до тех пор, пока не попал в саму герцогиню. Это было невозможно, и я решил не спрашивать.

Когда мы разъезжались, и он махал мне рукой на прощанье, он вдруг сказал: "Я рад, что у тебя все так хорошо, друг мой. Я очень счастлив, что ты подвинул то кресло".

Вернаккус и Бурлор

Тави Дронио

В тот вечер, когда Халлгерд вошел в Королевскую Ветчину, его лицо было омрачено грустью. Когда он заказал кувшин грифа, его приятели Гараз и Ксиомара пошли и заговорили с ним, пытаясь проявить заботу.

“Что случилось, Халлгерд? — спросил Ксиомара. — Ты пришел позже, чем обычно, и вокруг тебя какой-то ореол трагедии. Ты потерял деньги или самого близкого и дорогого человека?”

“Не терял я никаких денег, — скривился Халлгерд. — Но я только что получил письмо от моего племянника. Мой двоюродный брат Аллиох скончался. Вполне естественная смерть, от старости. А Аллиох был на десять лет младше меня”.

“Да, это ужасно. Но это свидетельствует о том, что нужно использовать все возможности, которые дает тебе жизнь, ведь никогда не знаешь, когда придет твое время уходить”, — сказал Гараз, который сидел на одной из той же табуретке в прокуренном углу уже несколько часов. Его беспокойство за собственную судьбу явно не мучило.

“Жизнь коротка, это аксиома, — согласился Ксиомара. — Но, если ты простишь мне сентиментальность, только немногие из нас думают о том, какое влияние они будут иметь на живущих после смерти. А может быть именно в этом утешение. Да, я уже рассказывал вам историю о Вернаккусе и Бурлоре?”

“Кажется, нет” — сказал Халлгерд.

“Вернаккус был даэдра, — сказал Ксиомара, вылив несколько капель спиртного в очаг, чтобы погрузиться в правильное настроение, — и, хотя наша история случилась много-много лет назад, правильнее будет сказать, что Вернаккус до сих пор даэдра. Потому как, что есть время для бессмертных даэдра?”

“На самом деле, — передил Гараз. — Я так понимаю, что упоминание о бессмертии...”

“Я пытаюсь рассказать нашему другу жизнеутверждающую историю в час тяжких раздумий, — прорычал Ксиомара. — И я не собираюсь провести за этим занятием всю чертову ночь, так что, если ты не возражаешь...”

Вы, скорее всего, никогда не слышали о Вернаккусе (сказал Ксиомара, временно избегая темы бессмертия), потому что даже в период расцвета его силы и славы, он считался ничтожным в соответствии с высокими стандартами своего времени. Разумеется, отсутствие уважения приводило его в бешенство, и его реакция была вполне типичной для младшего даэдра. Он начал кровавую бойню.

Скоро пошли слухи, что все деревни запада Коловии — проклятые места. Уничтожались целые семьи, разрушались замки, огороды и поля приводились в такое состояние, что там уже ничего никогда не смогло бы расти.

А чтобы обитателям тех деревень жилось совсем весело, Вернаккус начал добиваться внимания своей старой знакомой из Обливиона. Это была даэдра-соблазнительница по имени Хоравата, и ей доставляло большое удовольствие провоцировать его, чтобы посмотреть, на что он пойдет в своем гневе.

ВОЙНА

"Ты затопил деревню, и это должно было меня впечатлить, по-твоему? — фыркала она. — Попробуй уничтожить континент, и вот тогда мы с тобой поговорим".

Вернаккус мог очень сильно разозлиться. Но это совершенно не приближало его к уничтожению континента, и вовсе не из-за отсутствия желания.

Чтобы противостоять безумному даэдру, нужен был герой, и, к счастью, такой герой нашелся.

Его звали Бурлор, и ходили слухи, что он получил благословение самой богини Кинарет. Просто было очень сложно найти другое объяснение нереальной точности, которую он всегда демонстрировал, когда брал в руки лук и стрелы. Он никогда не промахивался. Когда он был ребенком, его учителя приходили в бешенство от его невнимательности. Они говорили ему, как поставить ноги, как держать стрелу, как правильно натягивать тетиву, как лучше всего стрелять. Он игнорировал все эти правила, и все равно, каким-то образом стрела ловила воздушные потоки и летела прямо в цель. Неважно двигалась цель или стояла на месте, близко она была или далеко. Его стрела поражала все, что он хотел поразить.

Бурлор откликнулся, когда один из деревенских старост пришел молить его о помощи. К несчастью, он был отнюдь не великим наездником. К тому моменту, как он добрался до местечка под названием Эвенсакон, о котором ему рассказали, Вернаккус уже убил всех, кто там жил. Хоравата наблюдала за этим и периодически зевала.

"Убить старосту маленького городка — нет, такой поступок явно не приблизит тебя к элите. Тебе нужен великий воитель, чтобы ты мог победить его. Кто-нибудь вроде Искрамора или Пелинала Вайтстрайка или, — она уставилась на фигуру, появившуюся из леса. — этого парня!"

"А кто он такой?" — прорычал Вернаккус, продолжая терзать тело старосты.

"Величайший лучник в Тамиэле. Он никогда не промахивается".

Бурлор поднял лук и начал прицеливаться в даэдра. Сначала Вернаккус хотел рассмеяться — парень не мог даже нормально прицелиться — но у даэдра был хорошо развит инстинкт самосохранения. Было что-то во взгляде этого человека, какая-то уверенность, которая доказывала, что Хоравата не лжет. И когда стрела сорвалась с тетивы, Вернаккус исчез в завесе пламени.

Стрела вонзилась в дерево. Бурлор стоял и смотрел. Он промахнулся.

В Обливионе неистовствовал Вернаккус. Он сбежал, сбежал от простого смертного — даже обычный разбойник с большой дороги не поступил бы так. Он ругал седя за слабость и трусость. И решая, что ему делать в подобной ситуации, он как-то не заметно оказался на коленях перед одним из самых ужасных даэдрических принцев, Молаг Балом.

"Я никогда особо на тебя не рассчитывал, Вернаккус, — прогремел гигант. — Но сейчас ты доказал мне свою полезность. Ты показал существам Мундуса, что даэдра сильнее даже благословений богов".

Остальные обитатели Обливиона быстренько согласились (они так поступали всегда) с точкой зрения Молаг Бала. Даэдра, в конечном итоге, очень трепетно относятся ко всему, что касается подед над смертными героями. Вернаккус был прозван Невидимым Зверем, Недостижимым, Тем, До Кого Нельзя Дотронуться, Скорбью Кинарет. В разных уголках Морровинда и Скайрима начали строиться святилища в его честь.

Бурлора, между тем, после такого поражения, никто уже не звал спасать деревни. Его сердце было разбито, он так и не смог оправиться после своего промаха, никогда больше не брал в руки лук и умер через несколько месяцев в одиночестве. Никто по нему не скорбел, никто его не вспомнил.

"И ты действительно считаешь, что эта история может меня развеселить?" — недоверчиво спросил Халлгерд. — Я слышал, что даже Король Червей рассказывал более жизнеутверждающие истории".

"Подожди, — улыбнулся Ксиомара. — Я же еще не закончил".

Целый год Вернаккус удовлетворенно наблюдал за тем, как раздуваются легенды о его деяниях, и за тем, как его влияние распространяется из Обливиона на весь мир. Он был, кроме того, что трусив и одержим приступами гнева, достаточно ленивым существом. Его последователи рассказывали истории о том, как их Хозяин избегал стрел тысячи лучников, проходил по воде аки посуху, и еще многое о чем, что ему бы не стоило пытаться осуществить на самом деле. Настоящая история подбега от бурлора была успешно забыта.

Плохие новости, как обычно, принесла ему Хоровата. Он наслаждался ее завистью к его растущей репутации, и вот она заявляется к нему и говорит с жестокой улыбкой: "На твои святилища нападают".

"Кто осмелился?" — зарычал он.

"Любой, кто проходит мимо, чувствует в себе непреодолимое желание бросить в твое святилище камень, — промурлыкала Хоровата. — Но ведь ты не станешь винить их в этом. В конце концов, эти святилища представляют Того, До Кого Нельзя Дотронуться. Никто не сможет противиться такому соблазну".

Вернаккус помчался через пространство в мир Мундуса и увидел, что она не лгала. Одно из его святилищ на западе Коловии в данный момент было окружено солдатами, которые с явным удовольствием закидывали его камнями. Его последователи прятались внутри и молили о чуде.

Он немедленно возник перед наемниками, и гнев его был поистине ужасен. Но они успели убежать в леса, прежде, чем он успел убить хоть одного из них. Его последователи бросились открывать дверь в святилище и упали на колени в радости и страха. Его гнев потихоньку улетучился. А потом его ударили камень.

Затем еще один. Он повернулся, чтобы увидеть нападающих, но в воздухе неожиданно засвистели десятки камней.

Вернаккус не видел их, но слышал, как наемники в лесах смеются. Один сказал: "Оно даже не пытается увернуться!"

"Да в него невозможно не попасть!" — загоготал другой.

Заревев от унижения, даэдра ворвался в святилище, преследуемый градом дулыжников. Один из камней ударил по двери, закрывшейся за ним, и дверь ударила его по спине. Его лицо перекосилось, гнев и замешательство исчезли, осталась только боль. Он затрясся и повернулся к своим последователям, которые прятались по углам, их вера подвергалась серьезному испытанию.

"Где вы брали дерево на строительство этого святилища?" — простонал Вернаккус.

"Из рощи около деревни Эвенсакон" — сообщил ему высший жрец.

ВОЙНА

Вернаккус кивнул и упал, демонстрируя всем глубокую рану в спине. Из щепки, которая выскочила из двери и попала ему в спину, торчал заржавевший наконечник стрелы. Даэдра исчез в облаке пыли.

Все святилища были заброшены вскоре после этого, хотя Вернаккус ненадолго возродился в качестве Духа-Покровителя Ограничений и Немощи прежде чем навечно исчезнуть из памяти людей и из этого мира. Легенда о Бурлоре так и не стала особо известной, но есть еще люди, которые рассказывают ее, например я. И у нас есть явное преимущество — мы знаем то, чего не знал сам Великий Лучник на своем смертном одре — его последняя стрела все же нашла свою цель.

Кузница, молот и наковальня

Адольф Эритий

Данные записи были найдены в развалинах у Старого Хролдана. Насколько я могу судить, они принадлежат Торбальду, кузнецу сомнительной славы, который умер незадолго до начала правления Тайдера Септима. По слухам, он не знал грамоты, и так как эти записи, по-видимому, написаны его подмастерьем, слухи, скорее всего, верны. Я не стал исправлять эти тексты, поскольку они наверняка имеют историческую ценность.

Итак, без лишних предисловий — излияния Торбальда:

Это вам тут не книжка про то как быть виличим кузнецом. Так что нечиво это читать. Тут просто мои записи, потомушто я становлюсь старый и тупой и задываю, што к чиму. Это мои сопственныи приены, как делать всякии штуки.

Жиленые доспехи и оружие. Много жиленых слитков и немного кожаных ремней.

Стальные доспехи и оружие. Много стальных слитков, чуточка жилема и немного кожаных ремней. Акромя стальных пластинчатых. Для них еще надобно корунд.

Кожаные доспехи и оружие. Какой дурак будит делать кожаное оружие? Для кожаных доспехов нужна кожа. Большие кусманы и малинькие кусочки. Как и для сыротатной брони. И клепаной брони. И ламеларной брони тоже. Для нее еще надо немного стали. И корунда. Без корунда не выйдет ламеларная броня. Так выйдет одна фригна.

Двемирские доспехи и оружие. Обрезки двемирского метала, немного жилема и чуточка кожаных ремней. Мне надоело говорить про кожу, она и так всюду нужна. Ты чиво, и это записывашь? Идиотина! Ты думай башкой-то, чиво писать, а чиво нет. (Торбальд — старая жирная скотина)

Ильфийские доспехи и оружие. Эльфы с гномами не ладили. Но ты про это не знаишь. Для ильфийских штук нужен лунный камень и чуточка жилема. Кроме золоченых штук. Надо добавить ртути, чтобы зделать золоченые ильфийские доспехи.

Орочьи доспехи и оружие. Надо орехалка и чутика жилема. (Торбальд терпеть ни может орков)

Эбонитовые доспехи и оружие. Нужон тока эбонит. Никакова жилема. Ни чуточки. Хоть и захочится, но не надо.

Стекляные доспехи и оружие. Надо малахиту и нимнога лунного камня. Проклятьи, нелюблю работать с малахитом.

Даидрические доспехи и оружие. Ага, так я и дал это запесать, сичас! (Он использует серца даэдра. Я ни знаю, где он их дастает)

Все. Можишь дальше не песать. Хватит, говорю тибе!

Постскриптум: на последней странице осталась большая клякса и несколько пятен крови. будет справедливым заключить, что Торбальд был своего подмастерья. Нельзя, однако, узнати, обнаружил ли Торбальд подобчные комментарии ученика.

— Адольф Эритий

Кость

Тави Дромио

1

Мне кажется", — сказал Гараз, задумчиво изучая содержимое своей кружки, — "что все великие идеи появляются чисто случайно. Взять, к примеру, историю про моего двоюродного брата, которую я рассказал вам вчера вечером. Если бы он не упал с лошади, он бы никогда не стал одним из величайших алхимиков Империи".

Дело было поздним вечером в "Королевской Ветчине", в такие вечера посетителей обычно тянуло пофилософствовать.

"Я не согласен", — ответил Ксиомара, твёрдо, но вежливо — "великие идеи и изобретения формируются, как правило, очень медленно, и требуют больших усилий и терпения. Если вы вспомните историю, которую я рассказывал вам в прошлом месяце, про молодую девушку — а эта девушка существовала в действительности — которая нашла свою настоящую любовь только после того, как переспала практически со всеми в Нортпойнте".

"Мне кажется, что вы оба не правы", — сказал Халлгерд, попивая гриф из своей кружки. "Величайшие изобретения появляются в случае крайней необходимости. Может быть, мне напомнить вам историю о Арслике Оане и изобретении костяного доспеха?"

"Проблема твоей теории в том, что твой пример явно выдуманный", — фыркнул Ксиомара.

"Кажется, я не помню историю Арслика Оана и изобретения костяного доспеха", — нахмурился Гараз. "Ты уверен, что рассказывал её?"

"Ну, это случилось много, много, много лет назад, когда Вварденфелл был великолепным зелёным краем, когда данмеры ещё состояли из кимеров и двемеров, а нордлинги жили вместе в относительном мире, то есть не пытались угробить друг друга при любом удобном случае", Халлгерд откинулся на спинку кресла, увлёкшись собственным рассказом. "Когда солнце с луной вместе сияли на небе".

"Господи боже, мама родная, и все маги Империи!" — проворчал Ксиомара. "Если уж мне приходится по второму разу выслушивать твою глупую историю, по крайней мере, не делай её длиннее, чем она есть на самом деле".

"Это всё произошло в Вварденфелле очень давно", — сказал Халлгерд, игнорируя комментарии Ксиомары с достойным уважения самообладанием, — "во времена правления короля, имени которого вы все равно не знаете. Арслик Оан был одним из приближенных короля и славился своим дурным характером. Из-за его добросовестной службы король просто обязан был дать ему замок, но такой сосед был ему совершенно без надобности, поэтому король пожаловал ему замок и земли, которые находились достаточно далеко от цивилизации. Прямо в Вварденфелле, который, надо заметить, и по сей день, до конца не обжит. Арслик Оан построил там укреплённую крепость и поселился там со своими несчастными рабами, чтобы насладиться покоям и собственной мрачной жизнью.

Это случилось незадолго до того, как крепость подверглась проверке на прочность. В этой долине в это же время жили племена нордлингов-каннибалов, обычно они ели друг друга, но деликатесом у них считалось то, что они называли тёмным мясом, мясо обитателей Даннера”.

Ксиомара одобрительно засмеялся: “Великолепно! В прошлый раз такого не было. Задавно, и почему в наши дни ничего не слышно о нордлингах-каннибалах”.

“Это было, давно, как я уже неоднократно говорил”, — сказал Халлгерд, глядя на часть своей аудитории с явным неодобрением. “И всё тогда было совсем по-другому. Так вот, нордлинги-каннибалы начали нападать на рабов Арслика Оана в полях, а потом начали подбираться всё ближе, до тех пор, пока не осадили замок. Жуткая картина, можете себе представить: орды мужчин с широкими глазами и женщин с острыми клыками, вооружённые тяжёлыми дубинками, и одетые только в кожу своих жертв.

Арслик Оан решил, что если он не будет обращать на них внимания, они уйдут сами.

К несчастью, первое, что сделали Нордлинги — отравили ручей, который являлся источником питьевой воды для крепости. Вся живность и почти все рабы умерли раньше, чем хоть кто-то успел хоть что-то понять. Надежды на спасение не было, пройдёт по меньшей мере несколько месяцев, прежде чем эмиссары короля приедут, чтобы навестить неугодного вассала. Ближайший источник питьевой воды находился на другой стороне холма, и Арслик Оан послал трёх своих рабов с пустыми кувшинами, чтобы они принесли воды.

Их избили дубинками и съели, они даже не успели отойти от ворот крепости. Следующей группе он дал палки для обороны. Они прошли немного дальше, но их задавили массой, избили и сожрали. Стало ясно, что нужна персональная защита. Арслик Оан решил поговорить со своим кузнецом, одним из немногих рабов с особыми талантами и чёткими обязанностями.

“Рабам нужны доспехи, чтобы они могли дойти до реки и обратно”, — сказал он. “Содери всю сталь и всё железо, которые есть в этом замке, каждый крюк, нож, кольцо, кружку, всё, что не нужно для укрепления стен, расплавь это всё и сделай для меня лучшую броню, и как можно скорее”.

Кузнец, которого звали Горклит, уже знал, что такое приказы Арслика Оана, и знал, что он не потерпит компромиссов в отношении качества и количества брони. Он трудился тридцать часов без перерыва, без воды, прикипев к жаровне и наковальне, работал до тех пор, пока не изготовил шесть доспехов из смешанных металлов.

были выбраны шесть рабов, на них одели доспехи, дали им кувшины и послали за водой на реку. Поначалу всё шло, как надо. Нордлинги были рабов дубинками, но они продолжали идти вперёд, не обращая внимания на удары. Однако рабы шли всё медленней и медленней, поскольку доспехи были очень тяжёлыми. В конце концов они попадали, доспехи содрали с их тел, а сами тела съели.

“Рабы не могут достаточно быстро двигаться в тяжёлых доспехах, которые ты сделал”, — сказал Арслик Оан Горклиту. “Мне нужно, чтобы ты собрал все туши отравленных животных и сделал мне лучшие кожаные доспехи, и как можно скорее”.

Горклит сделал, как ему было приказано, хотя это было осознанно отвратительное задание, учитывая состояние туш. Обычно, чтобы обработать кожу, требуется достаточно много времени, но Горклит работал без устали, и в течение дня он сделал двенадцать кожаных доспехов.

были выбраны двенадцать рабов, на них надели доспехи, дали им кувшины и послали на реку за водой. Сначала всё было намного лучше, чем в прошлый раз. Двое упали почти сразу, зато остальным посчастливилось пройти достаточно далеко. Несколько рабов даже добрались до реки, трое смогли наполнить кувшины, а один даже почти вернулся к воротам крепости. Увы, он упал и был съеден. Нордлинги отличались завидным аппетитом, надо заметить.

"Пока у меня не кончились рабы", — задумчиво сказал Арслик Оан Горклиту. "Мне нужна броня прочнее кожаной, но легче металлической".

Кузнец уже понял это и теперь думал о возможном материале. Что-то можно было попытаться сделать из камня или дерева, но возникали проблемы практического свойства, поскольку для этого потребовалось бы разрушить ещё какую-то часть крепости. Кроме этого в крепости остались только кучи освежёванных трупов, груды мыши, жира, крови и костей. На протяжении шести часов он работал без передышки, пока не сделал восемнадцать костяных доспехов. Арслик Оан слегка подледнел, когда увидел (и понюхал) этих доспехи, но он очень хотел пить, и готов был пожертвовать ещё двадцатью рабами при необходимости.

"Могу я предложить", — осторожно сказал Горклит, — "немного поучить рабов обращению с доспехами, прежде чем вы пошлете их на растерзание нордлингам?"

Арслик Оан разрешил, и следующие несколько часов рабы ходили по двору крепости в своих костяных доспехах. Они привыкали к плохой гибкости сочленений, к странности задней пластины, к весу, который вдруг обрушился на их плечи и бёдра. Они выяснили, как ставить ноги, чтобы удержать равновесие, как быстро бежать, чтобы при этом не упасть; как разбегаться и как быстро останавливаться. К тому времени, как их послали к воротам замка, они уже почти профессионально обращались со своими доспехами.

Семнадцать из них были убиты и съедены, но один всё-таки вернулся с кувшином воды". "Идеальная бессмыслица", — сказал Ксиомара, — "но моя точка зрения здесь вполне правомерна. Как и все великие исследователи, кузнец работал до седьмого пота, прежде чем создал костяной доспех".

"Я думаю, здесь всё-таки присутствует элемент случайности", — нахмурился Гарраз. — "Но это отвратительная история. Лучше бы ты её не рассказывал".

"Если ты думаешь, что это отвратительно", — усмехнулся Халлгерд, — "послушай, что было дальше".

"Ты что, хочешь сказать, что дальше будет ещё отвратительнее?" Гараз был настроен критически. "Что, во имя боэты, может быть отвратительнее?"

"Это уловка", — фыркнул Ксиомара, заказывая ещё два кувшина грифа и один стакан флинна для Гараза. "Неужели история о каннибалах, издевательствах над рабами и использовании сгнивших тел животных может стать ещё хуже?"

"А вы не спорьте, вы лучшие слушайте", — проворчал Халлгерд, которого начало утомлять отсутствие должного уважения к его талантам рассказчика. "Напомните мне, на чём мы остановились?"

"Арслик Оан — владелец замка, осаждённого дикими нордлингами-каннибалами", — сказал Ксиомара, пытаясь сохранить серьёзное выражение лица. "После кучи смертей и нескольких неудавшихся попыток достать воду, он заставил своего кузнеца с дурацким именем Горклит сделать для рабов первые костяные доспехи. И вот один из них, наконец, возвращается с первым кувшином воды за всё это время".

"Да, это был единственный кувшин воды", — сказал Халлгерд, снова откидываясь на спинку кресла и продолжая свой рассказ, — "и Арслик Оан выпил почти всю воду, остатки он отдал своему драгоценному кузнецу Горклиту, а остатки остатков нескольким дюжинам рабов, которые каким-то чудом ещё не умерли. Этого с трудом хватило, чтобы удержать в них остатки жизни. Была нужна ещё одна экспедиция, но у них остался только один костяной доспех, поскольку из всей предыдущей группы выжил только один раб".

"Один из восемнадцати рабов смог пробиться сквозь окружение, и на нём был твой великолепный костяной доспех", — сказал Арслик Оан Горклиту. "И он смог вернуться и принести достаточно воды для одного человека. А дальше простая математика: в крепости осталось пятьдесят шесть человек, включая нас с тобой, необходимы доспехи для пятидесяти четырех. Поскольку один доспех у нас уже есть, надо сделать пятьдесят три. Таким образом, вернутся трое и принесут достаточно воды для меня, для тебя и для ещё кого-нибудь, кто будет в состоянии пить. Не знаю, что мы будем делать после этого, но если мы будем медлить, то скоро у нас не останется достаточно количества рабов для осуществления моего гениального плана".

"Я понимаю", — захныкал Горклит. "Но как же я буду делать доспехи? Я использовал все кости животных, чтобы сделать первую партию костяных доспехов". И тогда Арслик Оан отдал Горклиту приказ, который ужаснул его, но ослушаться он не посмел. Через восемнадцать часов —..."

"Что значит "И тогда Арслик Оан отдал Горклиту приказ, который ужаснул его, но ослушаться он не посмел"?" — спросил Ксиомара. "Что за приказ-то?"

"Всё вскоре прояснится", — улыбнулся Халлгерд. "Я выдираю, что рассказывать сейчас, а что оставлять на потом. Так уж устроены истории". "Через восемнадцать часов Горклит сделал пятьдесят три костяных доспеха", — сказал Халлгерд, продолжая и не обращая особого внимания на то, что его опять передили. "Арслик Оан приказал рабам начать практиковаться с доспехами и даже позволил им потренироваться дольше, чем это делали их предшественники. Они не только научились двигаться и быстро останавливаться, они также научились использовать своёperi-

ферийное зрение, чтобы замечать удары раньше, чем их нанесут, они научились отбиваться и выяснили, где находятся самые прочные части доспеха — центр груди и брюшная полость, как двигаться так, чтобы подставлять под удар именно эти части тела. У них даже было время на поединки, а потом их послали к каннибалам.

Рабы проявили себя очень достойно. Очень немногие, всего пятнадцать, были убиты и съедены сразу. Только десять погибли на пути к реке. Это совершенно не совпадало с планами Арслика Оана. К замку понесли двадцать один кувшин. Но в замок вернулись только восемь рабов, большинство из них были блокированы нордлингами. Процент выживших был явно больше намеченного, но на Арслика Оана неожиданно напала мания преследования, он стал сомневаться в верности своих рабов.

"Вы абсолютно уверены, что не хотите убежать?" — спрашивал он их с укреплений. Наконец, он впустил выживших рабов в замок. Трое из них погибли, пока ждали решения хозяина. Еще двое умерли, не пройдя и пары шагов по территории крепости.

Один повредился рассудком, он ходил кругами, смеялся и танцевал, а потом неожиданно упал и умер. Это означало пять кувшинов воды на четырёх человек, двух выживших рабов, Арслик Оана и Горклита. На правах хозяина Арслик Оан взял себе лишний кувшин, но остальные отдал людям".

"Ты абсолютно прав", — нахмурился Гараз. "Эта история становится всё более отвратительной".

"То ли ещё будет", — улыбнулся Халлгерд.

"На следующее утро", — продолжил Халлгерд, — "Арслик Оан проснулся в абсолютной тишине. В крепости не было слышно ни одного звука. В коридорах не было дормотания, во дворе не раздавались звуки работы. Он оделся и пошёл прояснять ситуацию. Оказалось, что крепость была абсолютно пуста. Арслик Оан прошёл в оружейную, но дверь была заперта.

"Открывай", — сказал Арслик Оан — "Нам надо поговорить. Тридцать из наших пятидесяти четырёх рабов успешно пробрались к реке и набрали воды. Вероятно, некоторые сбежали, а несколько не выжили, потому что мне надо было убедиться в их верности, но с точки зрения математики — это сорок пять процентов успеха. Если мы с тобой и оставшиеся двое рабов пойдём на реку в следующий раз, мы должны по идее выжить".

"Зилиан и Гело прошлой ночью ушли вместе с доспехами", — закричал Горклит сквозь дверь.

"Кто такие Зилиан и Гело?"

"Двое оставшихся рабов! Они не могли здесь больше оставаться!"

"Печально", — сказал Арслик Оан. "Но всё-таки мы должны продолжать. С точки зрения математики".

"Прошлой ночью я слышал кое-что", — прохныкал Горклит странным голосом. "Похоже на шаги, только другие, и эти шаги как будто бы шли сквозь стены. А ещё я слышал голоса. Они странно звучали, как будто говорящие не могли нормально двигать челюстями, но один голос я узнал". Арслик Оан вздохнул, пожалев своего бедного кузнеца: "И кто это был?"

"Поник".

"А кто такой Поник?"

"Один из рабов, которые умерли, когда нордлинги отравили воду. Один из множества рабов, которые умерли тогда, и которых мы потом использовали. Он всегда был очень милым парнем, никогда не жаловался, поэтому я узнал его голос". Горклит начал всхлипывать. "Я смог разобрать, что он говорил".

"И что же?" — спросил Арслик Оан ещё раз вздохнув.

"Отдайте мне мои кости!" — голос Горклита сорвался на крик. Несколько мгновений стояла тишина, а потом снова раздалось истерическое всхлипывание".

"Этого стоило ожидать", — рассмеялся Ксиомара.

"С кузнецом стало невозможно общаться", — сказал Халлгерд, уже слегка уставший от того, что его постоянно передибают, — "поэтому Арслик Оан снял с одного из мёртвых рабов его костяной доспех и одел его на себя. Он тренировался во дворе, поражаясь тому, как комфортно он себя чувствует в этой броне. На протяжении многих часов он боксировал, бегал, прыгал и извращался как только мог. Когда Арслик Оан почувствовал, что устал, он вернулся в свою комнату, чтобы вздремнуть. Но отдохнуть ему не удалось, его разбудил звук королевского рога. Опустилась ночь, и в какой-то момент ему показа-

ВОЙНА

лось, что он спит. Потом снова зазвучал рог, далеко, но вполне различимо. Арслик Оан вскочил на ноги подбежал к бойницам. В нескольких милях он различил эмиссаров короля и их многочисленный эскорт. Они приехали гораздо раньше, чем он ожидал! Нордлинги-каннибалы в ужасе смотрели друг на друга. Какими бы дикарями они не были, но что такое превосходящие силы противника, усвоили очень хорошо.

Арслик Оан буквально скатился по ступенькам к каморке Горклита. Дверь всё ещё была заперта. Он колотил по ней кулаками, уговаривал, просил, угрожал. Наконец он нашёл ключ, одна из железок, которую по чистой случайности не пустили на первую партию доспехов. Казалось, что Горклит спит, но когда Арслик Оан подошёл, он увидел, что рот и глаза его кузнеца широко открыты, а его руки были как-то неестественно заведены за спину. При ближайшем рассмотрении оказалось, что его кузнец бесспорно мёртв. Странно было одно, его лицо и всё тело были какими-то впалыми, похожими на пустой свиной пузырь. Что-то двигалось сквозь стены. Это было похоже на шаги, но какие-то... хлюпающие. Арслик Оан ловко и грациозно повернулся к источнику звука, полностью сохранив самообладание. Сначала он увидел только, как что-то пузырящееся просачивается сквозь трещины в стенах. Когда этой судстанции цвета плоти стало больше, она оформилась в некое подобие лица. Дряблое, почти бесформенное лицо с низким лбом и сладой, беззубой челюстью. Из трещины тем временем вытекли остатки тела, мягкий мешок из мускулов и крови. За спиной Арслика Оана и по бокам от него тоже происходило какое-то движение, другие рабы начали просачиваться сквозь щели в камне. Они окружали его и тянули к нему руки.

"Отдай нам", — застонал Поник, его язык вываливался из плохо слушающегося рта. "Отдай нам наши кости".

Арслик Оан быстро снял с себя доспех и бросил его на пол. Сотни фигур уже стояли на полу комнаты, и к ним присоединялись другие.

"Этого недостаточно".

Каннибалы убрались с пути к тому времени, как королевские эмиссары появились у ворот Арслика Оана. Они не особо радовались этому визиту. Но после долгих раздумий они решили сделать всё самое неприятное сразу, а всё приятное оставить на десерт, так сказать. Они ещё раз протрубыли в рог, но ворота не открылись. Из крепости Арслика Оан не доносилось ни звука. Им потребовалось несколько часов, чтобы пробиться в крепость. Если бы эмиссары не возили с собой для развлечения профессионального акробата, это могло бы занять и больше времени. Место казалось абсолютно заброшенным. Они обыскивали каждую комнату и, наконец, добрались до каморки кузнеца.

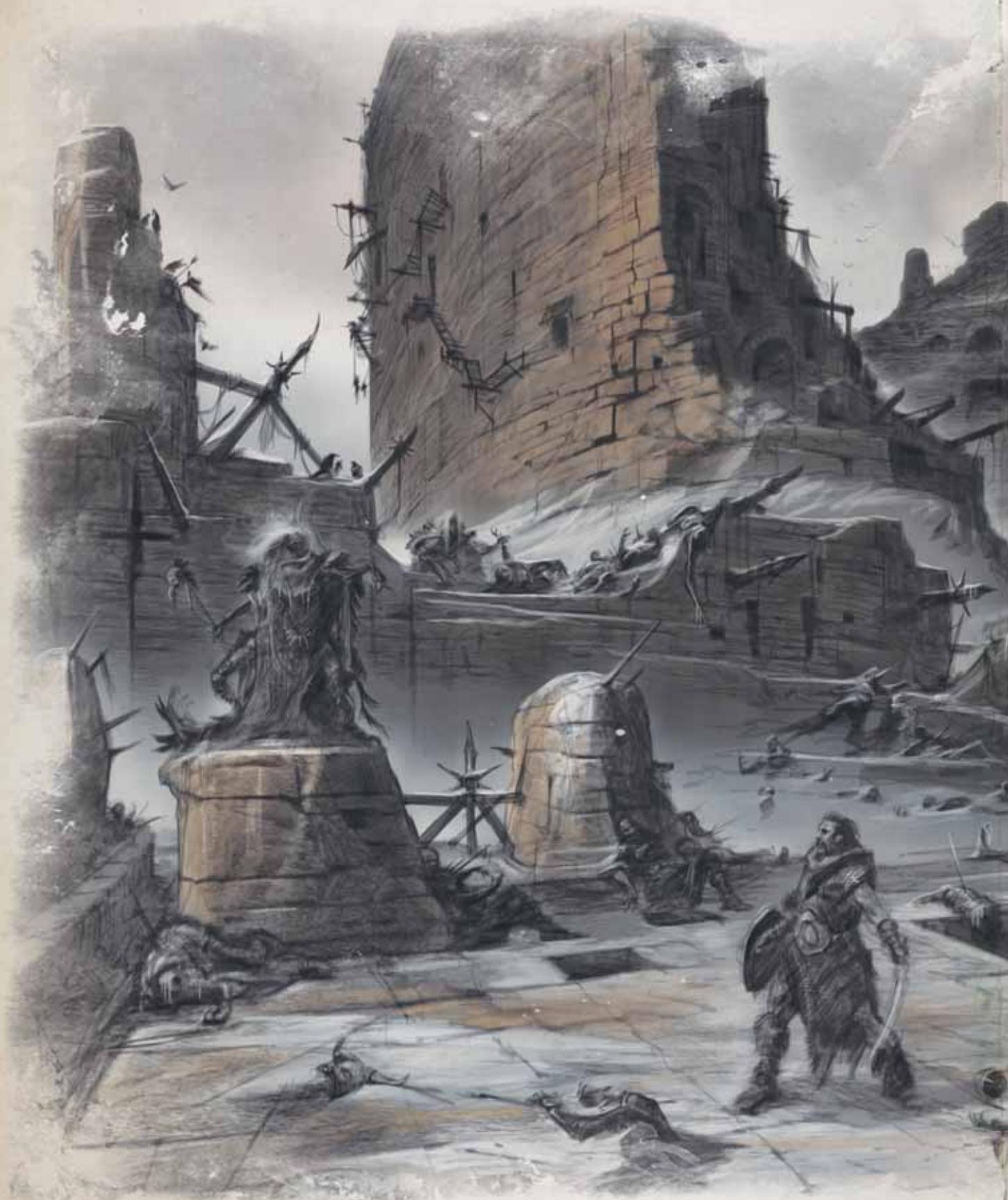
Там они обнаружили хозяина крепости, он был аккуратно сложен пополам, ноги за головой, руки за ногами. У него в теле не было ни одной кости".

"Первая часть твоей истории была полной бессмыслицей", — закричал Ксиомара. "Но это уже ни в какие рамки не лезет. Как люди могли снова создать костяной доспех, если кузнец, который его изобрел, умер, не успев ни с кем поделиться своим открытием?"

"Я же сказал, что это был первый раз, когда он был создан, а не первый раз, когда люди обучились этому искусству".

"И когда же один человек научил другого изготавливать такие доспехи?" — спросил Гараз.

"А это, друзья мои", — ответил Халлгерд, зловеще улыбаясь, — "уже совсем другая история".

Человек с топором

Из всех членов Мораг Тонга, которых я встречал, никто не поразил меня больше, чем Минас Торик. Спокойный, скрытный человек, который никогда не пил, никогда не ходил в бордель и никогда не сквернословил. Он был известен тем, что заставлял людей исчезать. Братство выбирало жертву, указывали на неё Торику, а потом человек просто исчезал. Однажды я спросил у него, каким оружием он пользовался и был очень удивлён его ответом.

“Я использую только топоры”, сказал он тихо и спокойно, как всегда.

Меня так напугала и заинтриговала мысль о том, что этот скромный человек может использовать такое жестокое оружие, что я продолжил расспросы. Обычно наёмные убийцы отказываются отвечать на какие-либо вопросы, но Торик не возражал. Хотя он был настолько застенчив, что мне понадобилось достаточно много времени, чтобы узнать всё, что я хотел о нём узнать.

Торик осиротел в раннем детстве. Он жил с дядей на плантации риса в Шигораде, на севере Вварденфелла. Дядя хотел сделать его своим компаньоном, когда тот подрастёт. А пока мальчик помогал ему по дому.

Это было непросто, так как старик был очень требователен. Мальчик должен был натирать все полы в доме. Если дяде казалось, что полы недостаточно чистые, он бил Торика, а потом заставлял начинать всё сначала.

Вторая обязанность мальчика состояла в том, чтобы звонить в колокол и звать в дом работников. Он делал это минимум четыре раза в день — на завтрак, обед и ужин, а также если дяде требовалось сообщить работникам что-то важное — а требовалось это постоянно. Колокол был огромным и язык был невероятно тяжёл. Торику приходилось всем телом наваливаться на цепь от языка, но иногда у мальчики просто не хватало сил, чтобы колокол звонил достаточно громко. Дядя и тогда его бил.

Третья обязанность Торика была вытираять пыль с книжных полок в огромной библиотеке дяди. Это делалось тяжёлой щёткой на длинной палке. Мальчик часто не доставал до верхних полок и был только один способ орудовать там щёткой — вертеть её, уперев конец палки в плечо. А дядя жестоко наказывал его, если на книгах оставалась пыль.

Через несколько лет Минас Торик превратился в юношу, но его обязанности по дому не изменились. Его дядя пообещал взять его в дело, когда тот как следует освоит работу слуги. Торик понятия не имел, насколько беден был его дядя, и какие огромные долги висели на нём уже долгие годы.

Когда Торику было восемнадцать, дядя однажды позвал его в подвал. Он решил, что полы там были плохо начищены, и очень испугался, что его опять накажут. Однако, спустившись, он увидел, что дядя упаковывает вещи в ящики.

“Я покидаю Морровинд”, объяснил он. “Дела идут плохо, я решил испытать удачу в Скайриме. Там можно неплохо заработать, продавая подделки нордлингам и киродиильцам. Я бы взял тебя с собой, но там не нужно будет ни мыть полы, ни вытираять пыль, ни звонить в колокол”.

ВОЙНА

"Но дядя", сказал Торик. "Я не понимаю. Я ничего не знаю о том, как вести здесь дела. Что я буду делать один?"

"Уверен, ты найдёшь работу", пожал плечами дядя. "Я научил тебя всему, чему мог".

Торик никогда раньше не спорил с дядей. Он не чувствовал злости, просто его сердце сковал ледяной холод. Среди вещей дяди был старый железный топор, якобы сделанный двемерами. Он взял его в руки и удивился, что топор оказался совсем не тяжёлым. Более того, его очень удобно было держать. Он поднял топор на вытянутой руке, как не раз это делал со щёткой. И ударил по правой руке дяди.

Старик закричал от ярости и боли, но Торик больше не чувствовал страха. Он снова замахнулся и нанёс ещё один удар. Старик упал на пол, и кровь хлынула из открытой раны на его груди.

Торик поднял топор над головой. Это также была естественная для него поза. Так он звонил в колокол. Он махал руками снова и снова, словно созывая рабочих с поля. Но труп на полу не издавал ни звука, и с поля никто не пришёл. Его дядя всех отпустил домой часом раньше.

Некоторое время спустя от его дяди ничего не осталось, кроме обрывков плоти и лужи крови. Мыть полы Торику было не привыкать. Кровь отмывалась гораздо лучше, чем мука и грязь.

Все знали, что дядя Торика уезжает из Морровинда, поэтому его исчезновение не вызвало никаких подозрений. Дом и все вещи были проданы в счёт долгов, но топор Торик оставил у себя. Оказалось, дядя действительно научил Торика, как зарабатывать деньги.

Жёлтая книга загадок

Для честного удовольствия, и развития силы ума, автор собрал здесь всё, что он узнал об искусстве загадывания загадок, посредством усердного изучения и за годы общения с другими той же наклонности.

Загадывание и разгадывание загадок — обычай вежливого аристократичного Западного общества. Дворяне и соискатели быть допущенными в общество собирают книги загадок и изучают их, надеясь таким образом увеличить шансы оказаться смышлённым и остроумным в разговоре.

Металл ни чёрный и ни красный,
И тяжёлый словно жадность,
И для пайки, это ясно,
Всем нужна такая малость

ОТВЕТ: ОУГОВО.

Человек говорит: "Если ты мне солжёшь, я убью тебя мечом. Если ты мне скажешь правду, я убью тебя заклятием". Что нужно сказать, чтобы оставаться в живых?

ОТВЕТ: ТРИ ПДРСТР ИСНЯ ИСНОИ"

Босмер был убит. Альтмер заявляет, что данмер виновен в этом. Данмер говорит, что это сделал каджит. Орк кланяется, что он не убивал босмера. Каджит говорит, что данмер лжёт. Если лишь один говорит правду, кем убит босмер?

ОТВЕТ: ОБК.

Красная книга загадок

В книге этой собраны разнообразные загадки и головоломки, и посредством при-
лежного изучения благоразумный ученый господин может избежать чувства
ущемленности из-за остроумия своих товарищей.

Изложение и сложность загадок следуют обычаями вежливости аристократиче-
ского западного общества. Дворяне и честолюбцы собирают книги загадок и изучают
их, надеясь снискать репутацию хитроумных собеседников.

У него есть хвост, и голова, и бок
Подобным змея можно звать
Нет тела у него, и мертв он

ОТВЕТ: Щоужно զրւը этօ սուօզնր

Поэты – знатоки сердец людей и меров
Зверям такого дара не дано
А книга эта писана зверьем

ОТВЕТ: Эտօ ոչ կհուզ լուզլու

Я дал тебе носок, на коробку похож
Вокруг – молоты да гвозди
Когда стучит, две двери открываются

ОТВЕТ: Щоужно զրւը этօ զրւն խօօտուլ լԱբի

Легендарный бич

Нет, до того вечера, когда пришли они", — ответил он и рассказал им о своих делах с невольниками Мехрун Дагона, говоря, что сам Маккан решил бы, что проще искать следы ветра или дурачка, ушедшего по делам, чем сражаться с его гадами. А потом заговорил Маккан:

Следи за своей безопасностью впредь,
будь верен себе и гордости своей;
А иначе мой молот, Кара Малаката,
Непременно столкнётся с твоей головой.
Подыстрай, чем я выкрикну "Равный",
Хоть ты восемь мне рук протянешь в ответ,
Но подобный удар хорошенъко вправит мозги,
Он из тех, что отправляет на тропы мёртвых.

Объяснение: Булава Кара, благословленная Малакатом, легендарное оружие Маккана, сделанное из священного эбонита в Фонтанах Фикледайра, в своё время уничтожило Дарк Кина, и множество тёмных духов было отправлено обратно в Забвение, благодаря этому защитнику Солитюда. Сейчас бич находится в оружейной бэтлспайра, готовый в любой момент начать бой во имя Императора против Даэдрических Принцев.

Третья Дверь

Автор: Аннарап Орн

I.

Эта песнь об Элладет, Королеве Топора,
Что ваз в два удара срубить могла.
Она разрывала Валленвуд, просто повеселиться.
Она у Альфредила искусству боя хотела научиться.
Он обучил её бить и удар принимать,
С топором он учил её танцевать.
Он обучил её обращаться с орудием Орков,
С шестифутовым топором из Винтерхолда,
С Западных Эльфов топорами,
Что со свистом врагам головы отрубали.
Она с лёгкостью рассекала бочку до дна.
С десятью воинами справлялась одна.
И всё же нашёлся такой господин,
Который сам её сердце пронзил.

II.

Только Нинолас Ульварт, в Чёрной Розе родившийся,
Мог Элладет подбить, на секирах сразившись,
За минуту могла семь дубов порубить — он срубал дважды пять
Да, решила она, кавалер мне под стать.
И сказала, что любит — а он рассмеялся.
Он любил лишь топор, и ей в этом признался.
Но топор хоть прекрасен, надоест он, бывает —
И тогда он к милашке спешит, Лоринтае.
Королеву тут ревность стала поедом есть,
Королева задумала страшную месть.
Мефала и Шигорат взялись ей помочь
Месяцами о мести продолжала мечтать.
И похитив соперницу, предложила ей выбор:
Жить или в муках умирать.

III.

Лоринтая очнулась в какой-то хижине
А вокруг три двери и Элладет обиженнай.

Элладет объяснила, что за одной дверью скрывалась
Их общая любовь — Нинолас.
А за второй — демон голодный.
А за третьей — путь на свободу.
Она должна выбрать, и подыстрее.
Иначе топор в иной мир откроет ей двери.
Лоринтая давай слёзы лить — и Элладет,
Пожалев её, дверь справа решила отпереть.
А за дверью был лес, и, исчезнув во тьме,
Посоветовала Лоринтая следовать за ней.
Но Лоринтая скрепив свое сердце, решилась.
Нинолас был за дверью, что она открыла.

IV.

Элладет солгала; ну откуда же демону взяться?
За последней дверью была верхняя часть Ниноласа...

РАСПРИ

Расцвет и упадок Клинков

Осталось немало тех, кто ещё помнит Клинков. Но лишь немногие могут рассказать об их делах, их истоках и падении. Мой отец мог. Когда он особенно мною гордился, он говорил: "Ты умеешь хранить секреты прямо как Клинки".

Клинки хорошо умели хранить секреты. Они мало что держали на бумаге. Шпионы в провинциях осторожно передавали информацию сначала друг другу, а затем элитным членам организации, ответственным за охрану самого императора. Даже между собой у них было немало секретов.

Для многих Клинки ассоциируются с церемониальными акавирскими доспехами и изогнутыми мечами. Нетрудно проследить связь между Клинками и самыми грозными воинами Акавира — Драконьей стражей. На своей родине, как впоследствии и в Тамиэле, они охраняли правителей и свое королевство. Однако последние открытия показывают, что этим их роль не исчерпывалась.

Многие известные исторические тексты рассказывают о путешествиях в Акавир — так называемый драконий край на востоке. Тамиэльцы не раз предпринимали попытки покорить его — наиболее известен поход императора Уриэля V с Десятым легионом в 3Э 288, описанный в имперском докладе "Катастрофа у Ионита". Драконы прочно обосновались в легендах Акавира, и многие полагают, что краткое появление этих существ в истории Тамиэля связано с их бегством с Акавира, поскольку там Драконья стража их преследовала и истребляла. В конце Первой эры Драконья стража добралась в погоне за ними и до Тамиэла.

Они вторглись с севера, однако помимо драконов нашли здесь и людей Скайрина, которые не привыкли встречать захватчиков кубками меда. Драконья стража с боем прорвалаась через Скайрим, и только Реману Сиродилу удалось остановить их наступление в битве у Белого прохода. Реман объединил земли людей в Сиродиле и победил акавирских захватчиков.

Реман является одним из первых документально известных и повсеместно признанных Драконорожденных — тех, кого сами Акатош и Алессия помазали на царство. "Родившийся с душой дракона", как было принято говорить среди его последователей. В описаниях битвы у Белого прохода источники значительно расходятся. Однако конец всегда описан одинаково: услышав голос Ремана Сиродила, остатки Драконьей стражи преклоняют колена и кланяются всю оставшуюся жизнь служить ему, своему победителю и спасителю. В отрывках текстов Первой эры говорится, что воины падали на колени со словами "Мы не охотились" (или "не хотели" — грубый перевод, прим. автора), и затем: "Мы искали тебя".

Они защищали Ремана, как и его потомков, ценой своей жизни, и в ту пору династия Реманов открыла Вторую эру Тамриэля. За эти годы влияние орденаросло, и в итоге они стали Клинками. После того как они покончили с драконами

ми, их единственной целью осталась защита Драконорожденного, а через него и самой империи.

Они достигли расцвета в конце Третьей эры, во времена правления императорского дома Септимов. Несмотря на свою численность, они по-прежнему действовали тайно. Больше всего данных сохранилось о наиболее заметных членах, составлявших личную стражу императора и продолжавших носить старинные акавирские доспехи. Но это была лишь верхушка айсберга, так как Клинки были куда более масштабной организацией, простиравшейся во все концы Тамиэля. Агенты были из всех рас. Торговцы, воры, мастера, маги и воины — все они работали шпионами, каждый по-своему охраняя империю и действуя втайне. Обычно они действовали в одиночку, однако существуют упоминания и о собраниях в потайных крепостях, распределенных по континенту. Самая известная из них — Храм Повелителя облаков в Сиродиле, где они вывешивали мечи погибших защитников Драконорожденного. На иных картах фигурируют Храм барханного ветра под необъятными пространствами пустыни Алик'р в Хаммерфелле, Храм Небесной гавани в горах Скайрима и Храм Грозового когтя к востоку от Вейреста.

Известно, что у Клинков имелся грандмастер, как правило, неприметно живущий среди людей. Только ряд элитных членов посвящались в подробности о передаваемых сведениях, местах встречи и заданиях. И лишь двоим было известно все — самому грандмастеру и ещё летописцу, в чьи обязанности входило обеспечить, чтобы сведения о деятельности группировки оставались в тайне, но не были потеряны для потомков.

Со смертью Уриэла Септима VII и его сына Мартина завершилась Третья эра, и Клинки укрепились под сводами Храма Повелителя облаков в Сиродиле в ожидании нового Драконорожденного, который призвал бы их к себе на службу.

В Четвёртой эре Клинки уже открыто не выступали в роли защитников империи или Императора. Эту нишу занял орден Пенитус Окулатус — чисто имперская организация. Однако Клинки продолжили свою тайную деятельность — дожидались Драконорожденного и следили за потенциальными врагами. Клинки одними из первых разглядели властолюбивые аппетиты талморцев из Альдмерского Доминиона, которым уже мало было собственных владений. Клинки сделали то, чего не удалось членам ордена Пенитус Окулатус, служам имперской политики, и этим бывшая Драконья стража заслужила продолжительную ненависть Талмора.

Предупреждения Клинков, как всем хорошо известно, оказались не напрасными. Великая война с Талмором охватила империю и едва её не уничтожила. В итоге император Тит Мид II выторговал у Талмора мир, однако цену этого договора мы продолжаем выплачивать по сей день.

Охват и губительная сила Талмора известны многим (в моей семье не понаслышке — прим. автора). Они не дураки. Они давно поняли, что Клинки — их враги. Поэтому во времена Великой войны они устроили на них охоту. Некоторых убили на защите Храмов, иных — пока те спали в своих отшельнических убежищах. Кто сражался, кто бежал, кто скрывался. Но Талмор нашёл их всех.

Некоторые говорят, что Клинки ещё существуют среди нас, прячась от Талмора. Что, как уже не раз прежде, они дожидаются возвращения Драконорожденного. Того, кого будут защищать, того, за кем последуют.

Песни возвращения

Фрагменты традиционной легенды об Игноре и его Пяти сотнях Соратников

Песнь вторая

Великий правитель Игнор, Предвестник нас всех, отправил тогда двух своих любимых сыновей (единственных, кроме него самого, кто спасся во время резни в Саартале) на поиски храбрейших воинов, чтобы положить начало великому возвращению.

Их звали Игнор и Илгар, и в Атморе они были известны как воины с ярким взором и великим будущим. Старший, Игнор, был храбрым стратегом, чей ум выигрывал битвы еще до того, как его враги понимали, что битва началась. Младший, Илгар, был решителен духом, и стойкость его вела его к великим победам в бою, которые он одерживал даже в одиночку. Вместе они, разум и сила, могли сокрушить любого врага и покрыть седя неувядаемой славой.

Перед тем, как расстаться, чтобы набрать каждый свой отряд, они по древнему обычаю обнялись и засмеялись, запрокинув головы к небесам, обещая богам порадовать их грядущими историями.

Затем молодой Илгар отправился в великие верфи Йолкурфика на южном побережье и заказал два крепких корабля для себя и для брата. Он сам должен был управлять "Дарумзу", а его брат — "Харакком"; названы же корабли были в честь двух любимых звезд братьев. Те же, кто строил корабли, уже были наслышаны от Игнора о диких, беспощадных эльфах, и приложили все свое мастерство, чтобы спустить на воду корабли, которые были бы достойны их великой родины.

Как братья и договорились, Илгар направился в самые известные академии, где обучались великие воины, разыскивая своих самых преданных друзей и советчиков, чтобы вместе с ними выполнить рискованную, но доблестную задачу возвращения. Рассказы о новой земле на юге от Атморы бежали впереди него, и в тот же миг, когда он появлялся, лучшие воители откладывали свои дела и отправлялись за ним.

Так он сумел призвать на свою сторону сестёр-щитоносниц Фро и Гросту (что думали и говорили как одна), а они позвали за собой мудрую учительницу войны Адимик, что первая научила их танцу среди лезвий. А она, в свою очередь, собрала всех своих учеников, которым еще только предстояло прославить свои имена. Среди них были те, кто теперь известен нам как Хермескр (бросивший Свой Щит), Урлак (Дышащий Огнём), Рамт Старший, Меркиллиан Рамт и Атч Дальнозоркий, кто первым из остальных видел рассветы.

В день Великого Перехода, когда многовесельный флот в последний раз увидел далекие зелёные берега Атморы, братья уже шли по следу своего отца, ибо только что собранные Пять Сотен стремились как можно скорее достигнуть берегов Тамриэля. Илгар видел корабль своего брата, видел, как он улыбался ему с борта, и они обменялись боевыми криками друг с другом, предвкушая тот скорый день, когда их

объединённые отряды прольют кровь предателей-эльфов на землю, которую люди назовут своей.

Но благоволение Кин непостоянно, и хотя по её милости резвые ветра надували паруса храбрых моряков, спешивших навстречу своему предназначению, от её слез море вскипело, и братья потеряли друг друга из вида. Когда Шторм Разделения набрал силу, молодой Илгар не испытал страха, ведь команда его была сильна и опытна, а корабль их шёл по отвесным волнам вперед, будто бы ведомый самой судьбой.

Когда небеса очистились и Илгар вновь увидел землю, что была его домом и что стала им снова, он долго всматривался в горизонт, надеясь увидеть корабль своего брата, "Харакк". "Дарумзу" вынесло на пески негостеприимного берега, и Илгар поспешил к отцу, чтобы узнать, прибыл ли уже его брат. Великий Играмор, Предвестник нас всех, лишь разрыдался в ответ, оплакивая своего погибшего сына и крепче прижимая к себе оставшегося в живых, свою последнюю радость и надежду. Те, кто плыл на "Харакке", стали первым из Пяти Сотен, что погибли в ходе Возвращения, и Илгар был настолько одержим яростью и стремлением отомстить за смерть брата, что имена его воинов очень скоро стали известны повсюду; мы же знаем их как славных и благородных первых Соратников.

Песнь пятая

Как-то раз наш великий лорд Играмор, Предвестник нас всех, сидел у походного костра. Команды "Йоррваскра", "Фэллофрайра" и "Каал Кааза" необходимо было кормить, поить и восхвалять. Самые закадычные друзья из Пяти сотен Соратников пребывали в чужих землях, все истории давно рассказаны, сердца завоёваны и потеряны, запах жарящегося мяса неизменно витал в воздухе — и величайший из нас всех подозвал к себе воинов и поведал историю создания Вутрада.

Все до единого меры, поверженные Предвестником, слегли от удара Вутрада. За всю долгую военную кампанию единственным оружием, ложившимся в руку Предвестника, был мощный Вутрад. И рассказал он историю, как легендарнейший из топоров был выкован в темнейшую из ночей.

Это была Ночь Слёз. Играмор сидел, не отводя глаз от воды. Корабль его стоял на якоре, намереваясь последним из всего флота отбыть от Тамиэля к берегам Атморы. С этой точки наблюдал он за Саарталом — первым основанным им городом — как горел он. Надухшее небо поливало дождём и пожар, и море, а величайший из нас всех ронял горькие слёзы.

И так велика была скрьбь Предвестника, что вместо солёной воды проливал Играмор чистейший эбонит. Старший сын его, Ингол, собрал слёзы в кружку и заключил отца в горячие объятия. Он влил мёд в горло Предвестника, обернулся тёплым мехом могущие плечи его и, увлёкши Предвестника вниз с палубы, уложил в подвесную койку.

А сам приступил к работе, потому как Ингол, старший сын Предвестника нас всех, был величайшим кузнецом, которого когда-либо знал наш народ. Там, в море, Ингол принял за работу своим инструментом. Он использовал молнию, чтобы расплавить Слёзы Ночи, поднявшуюся океанскую воду, чтобы закалить их, а удары его молота звенели в такт душевавшему ветру.

Когда на следующее утро Исламор проснулся, Ингол подарил ему мощную секиру, сотворённую из плача, что пролит было в ночь накануне. И Предвестник нас всех обнял сына и возопил от восторга, печали и ярости. И там, на палубе последнего корабля, отбывающего из Саартала, Исламор дал своей секире имя Вутрад, что означает на языке Атморы "Слёзы бури".

В этом месте рассказа Исламор остановился. Предвестник нас всех вспомнил погибшего Ингола, бывшего со своей командой на борту "Харакка" во время Шторма Разделения. Сын его, старший сын его, величайшая его радость, предывал с ним всегда. Тот, кто соединил слёзы бури, сказал он, всегда путешествовал с ним в дни благородных и прославленных Пяти сотен.

Песнь седьмая

И когда наконец Саартал был вновь захвачен и отомщён, а эльфы-убийцы бежали в свои горделивые города, великий Исламор обернулся и издал устрашающий крик, который прокатился эхом по всем океанам. Пять сотен же стояли рядом, сплотив свои ряды, радуясь своей праведной победе и оплакивая павших. Говорят, что крик Исламора донесся до подёрнутых стужей зелёных берегов Атморы, и наши предки узнали, что пришло время и им отправляться в путь через ледяные моря.

Когда раскаты громоподобного голоса Исламора затихли, и затихло все вокруг, герои все как один посмотрели на него. Исламор, переполненный гневом человечества, потрясая священной Вутрад, во всю силу своих лёгких провозгласил свой следующий приказ — он приказал героям продолжать войну, чтобы коварные меры узнали, какой ужас они навлекли на себя своим предательством.

"Идите вперед, — взревел он. — Идите в самое сердце этой новой земли. Изгоните презренных эльфов из их дворцов, где они предаются праздности. Втопчите их в грязь, обреките на каторжный труд, и поймут они, что их обман стал их неискупным грехом против нашего рода. Не знайте милосердия. Не проявляйте доброты. Ибо они не знают и не проявят ни того, ни другого." (Наш великий предок отдал такой приказ, пока ещё не ведая о пророчестве Змей-близнецовых, о том, что ему уготовано умереть до того, как он увидит истинную судьбу своих потомков.)

Услышав это, Круг капитанов собрал каждый свой отряд. "Отсюда, — постановили они, — мы продолжим свой поход. Пусть команда каждого корабля пойдёт своим путем и встретит свою судьбу под лучами солнца." Ночь они провели, пируя и празднуя победу, а наутро вновь принесли друг другу Клятву Соратников, пообещав, что каждый из Пяти сотен (так они продолжали называть себя, отдавая дань уважения тем, чьи щиты были разбиты у стен Саартала) станет братом или сестрой по оружию каждому из атморцев, если Богам будет угодно, чтобы их пути пересеклись вновь.

И когда красные пальцы рассвета охватили восток, Пять сотен Исламора расстались друг с другом, направив свои взоры каждый в свою сторону, продолжая свой путь теперь уже по волнам скал и лесов, которые склонились под тяжестью их кораблей, что они понесли на руках.

Первой откололась от сухопутного флота команда "Йоррваскра", составленная из ближайших друзей Исламора. Их капитаном был Йик Речной, названный так

самим Предвестником в славные годы их молодости. Менро и Манви, что когда-то построили "Йоррваскр" по слову Йика, теперь несли его благородный корпус по землям Тамиэля. Самыми славными бойцами из команды, самыми яростными были Тиснал (Дважды Названный) и Терр, его близнец и брат по оружию, про обхват талии которого никогда не говорили ему в лицо. Были там и другие — Максим Ходок, брунл (Сражавшийся Неправильной Рукой) и Йуст Улыбчивый. Они и другие члены команды дали клятву верности Йику и вместе шли по темным лесам, куда ещё не проникли лучи солнца.

Они шли на юг, кто пешком, кто на конях. Встречались им по пути эльфы, но не осталось никого, кто мог бы рассказать о тех битвах. Известно, что ряды "Йоррваскра" никогда не редели — столь умелы были воины, а умы их были остры, как их мечи.

Однажды, когда солнце зависло на вершине своего пути, Йондер Малыш, который бежал впереди, поднялся на холм, чтобы осмотреться. На огромной равнине, раскинувшейся перед ним, его взору открылась статуя огромной птицы, чьи глаза и пасть были охвачены огнем. Когда его братья и сестры достигли вершины холма, они тоже увидели это поразительное зрелище, но подивились тому, что в округе вплоть до самого горизонта не было эльфийских поселений.

"Странно, — молвил Колю, что назывался Лотом, когда скрывал свое лицо. — Нужели эта широкая равнина негодна для урожая? Почему эльфы, мерзкие по природе своей, не пришли и не овладели ей?" Они спросили у плененных эльфов (которых во множестве вели за собой), что те нашли непригодным в этих равнинах. Однако же те эльфы, чьи языки ещё не были вырезаны, ничего не смогли ответить. Они с ужасом смотрели на крылатый монумент, и из испуганного дормотания мерзавцев воины "Йоррваскра" узнали, что эта статуя старше самой мерской расы. Никто не мог поведать о тех, кто вырезал этот гордый монумент из камня, но известно было, что он источает магию, почти такую же древнюю, как сам Нирн, словно некий след тех времён, когда боги ещё пытались создать в Мундусе идеальный мир — ещё до того, как Лорхан был расщеплён на части.

Воины "Йоррваскра", первые среди равных, покровители и предки нас всех, не боялись ни богов, ни древних историй. Напротив, они считали честью покорить то, чего страшились эльфы. И вновь за дело принялись Менро и Манви, чьи крепкие руки принялись переделывать благородное атморское дерево, перенёсшее воинов

через море, и их корабль стал им пристанищем, а долина стала им домом до самой их смерти.

Так началось строительство Великого града у Белой реки, что заложили люби-
мые товарищи Играамора — двадцать два героя из прославленных Пяти сотен Со-
ратников.

Песнь девятнадцатая

И когда последняя битва на перевале через пустоши подошла к концу, а тающий снег унес за собой в море эльфийскую кровь, тогда пути команды "Каал Кааза", команда "Садон Рейта" и самой досточтимой команды корабля нашего повелителя — "Илгермета" — наконец разошлись, и никогда им больше не привелось встать плечом к плечу. Они расстались, не утратив единства, зная, что их сердца бьются как одно. Так велика была любовь первых из Пяти Сотен, и особенно любовь к великому Играамору, Предвестнику нас всех.

Его отряд двигался на восток, надеясь добраться до моря, когда вышел к кургану Ингола, сына могучего Играамора, что погиб не из-за предательства эльфов, но по капризу Кин. Наш повелитель не ожидал увидеть напоминание о сыне так скоро, и горе охватило его вновь, словно из затянувшейся раны с новой силой хлынула кровь.

Он обратил свой взор на юг, где река впадала в море, и взял обет, что команда "Илгермета" во главе с ним построит в этом месте великий город, и будет стоять он воплощенной славой человеческой расы, а сам же Играамор всегда сможет из своего дворца увидеть могилу сына и утешиться тем, что на этой новой земле род Играамора обрел мир, которого не знал на Атморе.

Пленные эльфы ломали камень и строили город для победителей. Множество рабов умерло во времена великого строительства — столько же, сколько погибло от руки воинов "Илгермета" по пути. Играамор без пощады подгонял этих несчастных тварей, чтобы город становился все выше, чтобы он оседал реку, чтобы никто мог добраться до внутренних земель, не выказав должного почтения их законному хозяину.

Посему был построен огромный мост, на века соединивший два берега реки, что-бы ни один эльф не сумел пробраться к городу и отомстить за своих коварных со-братьев. Но не меньшие длины моста была высота нового дворца — его шпили достигали небес, словно бы покоряя сами штормовые ветра, которые принесли Играамору горе утраты.

В подземных сводах глубоко под городом была сооружена великая гробница, ожидая того дня, когда Играамор, Предвестник нас всех, будет призван домой, праздновать свои подвиги в Сонигарде. Но, как мы знаем, он предпочел быть похороненным на берегу, лицом к Атморе — хотя его сердце и жило, и перестало биться на этой новой земле, оно будет вечно тосковать по вечно зеленой Атморе, какой она была до того, как её сковали морозы.

Так был основан Виндхельм, Город королей, и так началась его долгая и славная история, поистине достойная славы его великого основателя.

Песнь двадцать четвёртая

Когда пришло время тронуться в путь, не все команды двинулись на юг по холмам и лесам новой земли. Некоторые из них поспешили вернуться к своим кораблям, ибо сердца их принадлежали морю, как принадлежали они друг другу, ведь были они верными Соратниками.

Среди них была команда "Крилот Лока" — все как один сильные, жилистые, высокие, уроженцы восточного побережья Атморы. Они были румяны, словно рассветное небо, и часто про них говорили, что небо позаимствовало свои чудесные цвета от тех, кого первыми увидело при свете восходящего солнца. Великая же Кин наполнила их паруса ветрами, наполнила души их силой, подталкивая их на запад, оставив новые земли Тамриэля вечно манить их на юге.

Шло время, и этим неутомимым странникам открылись места, пугающие и удивительные. Королевства людей, но таких, которых никто раньше не видел, — с кожей, обожженной солнцем до цвета пережаренного мяса. Эльфы ещё более коварные, чем их северные собратья-предатели преграждали им путь, но научились Соратники находить укромные тропы и проходить незамеченными сквозь кордоны эльфов. Великие пустыни, подобных которым не видели они на родине, населенные зверями, что говорили словно люди, но дикостью своей были подобны эльфам. На копьях ходящих змей, что обитают в южных болотах, окончили свой путь многие достойные и прославленные Соратники.

были в команде "Крилот Лока" Роет и брет Старший, великие братья по оружию (что часто мирились копьами), и их боевые подруги, брэйт и Гриф (светловолосая юная дева), сестры по оружию в своем праве, что несли ужас по ледяным морям. Вместе эти четверо смотрели на переплетение деревьев, на этот отвратительно пахнущий хаос — родину змей-людей. были они благословенными атморцами, не страшил их ни единый берег Тамриэля, и посему отправились они вперед, искать подеду и славу на этой самой опасной из новых земель.

И шли они, пробираясь через болота, продвигая тропу от своего корабля так, чтобы никогда не терять из виду берег. В далёкий день, когда Роет наконец падет, когда брэйт издаст свой знаменитый боевой крик и болота от него опустеют, эта тропа снова заполнится вероломными змеевидными.

А пока же начинался пылающий поход этих великих капитанов нашего народа.

Песнь двадцать седьмая

Наконец Синмур прибыл в залив. Истрамор, Предвестник нас всех, уверенно повёл оставшихся соратников в заключительную битву. Многие храбрые Соратники уже стали жертвой великанов. Стойкий и преданный Вальдур и лукавый Хакра, да пребудет с ними слава, пали при нападении коварных полувеликанов, и множество других воинов проследовало в Сонгард священной тропой. Но весь род Синмура был сражён, и только он один продолжал сопротивляться величайшему среди нас.

Во мраке кургана Синмура мелькнул блеск секиры Вутрад, омытой кровью сотен поверженных великанов. Истрамор сделал шаг вперёд, одним жестом остановив со-

ратников, а другим бросив Синнуру вызов на смертельный поединок. Великан, принимая его, взвыл в ответ и бросился в битву. Огромная дубина, обитая железом, взметнулась в воздухе, готовая сокрушать всё перед собой, но наш повелитель Играмор отпрянул в сторону, и только в шаге от него разлетелись разбитые камни. И тут Вутрад затянула свою кровавую песню, одним ударом разрубив дубину пополам, словно соломенную.

Синнур взвыл от ярости и швырнул обломки своего когда-то грозного оружия в голову нашего повелителя Играмора. Он обхватил Играмора, намереваясь раздавить его, но лишь взрыв смеха достался ему в ответ. Два мощных удара коленом и лбом — и Синнур захрипел и рухнул на колени перед нашим повелителем.

Песнью восторга и смерти звенела Вутрад, когда Играмор раскальвал череп великана. Под разлетающиеся брызги крови и предсмертный хрип Синнура издал Играмор победный клич. Соратники ликовали, секира плясала над головой, бесчинствам великана и его гнусного рода был положен конец, а слава Играмора, Предвестника нас всех, воззвеличилась в тот день многократно.

Песнь сорок девятая

Когда Круг капитанов постановил, что команды всех кораблей должны идти вперёд по собственному выбору и сами творить себе славу, экипаж "Фэллофайра" возрадовался. Они стремились в новые земли, чтобы поселить страх в душах меров, ещё не отведавших нордских мечей. В самое их сердце проникли слова лорда Играмора: "Не давать пощады. Не проявлять милости".

На берегу на палубе "Фэллофайра" был сложен погребальный костёр. Пепел людского корабля высыпали в воду, и поплыл он в Атмору, обрывая все связи с родной землёй. Экипаж "Фэллофайра", ведомый капитаном Гурильдой Акулий Зуб, развернулся спиной к морю и зашагал вглубь материка.

Они двигались на юг в поисках земель, не занятых другими командами Играмора. Всё дальше и дальше к югу пробирались они, сея кровавую месть, как требовал того Играмор. Ни один мер не избежал их топоров при встрече, ни одно поселение на пути не избежало огня. Поистине жарким пламенем обрушился гнев их повелителя на вероломных эльфов. По мере их продвижения всё больший ужас разрастался среди меров.

Гурильда вела свою команду к подножию величественной горной гряды, наречённой ими Зубы Играмора. Долго искали они проход в горах, а обнаружив — проникли через него в новую страну. Они назвали эту землю "Рифт" из-за глубоких ущелий и быстротекущих рек. В память о "Фэллофайре" и о своих павших Соратниках, и об Инголе тоже, они опустошали землю, сжигая все поселения меров и рудя торпами всех встречных.

Наконец меры приняли дой. бесчисленная толпа трусливых эльфов сгрудилась на вершине каменистого холма. Они подзадоривали Соратников Гурильды к атаке — и те пошли! Поединки, храбрые подвиги, явление новых героев — битва гремела весь день, а когда солнце коснулось макушек гор на западе, разбитые меры бежали. Гурильда полегла, пронзённая множеством клинов, но всё же дожила до заката. Душа её отправилась в Сонгард с мыслью о подвёде, одержанной её командой.

В тот день с господством эльфов над Рифтом было покончено. Соратники привозгласили, что эта земля теперь принадлежит Играмору, Предвестнику нас всех, и сделали её открытой для всех нордов. Чтобы почтить память павших, Соратники долго пробивали углубление на склоне холма для устройства гробницы. Там похоронили Гурильду со всем её оружием и доспехами, туда поместили останки бергитты беззубой и Каджорда Орлиного Глаза, защищавших своего капитана и павших вместе с ней в той битве. И других славных воинов также захоронили. А у входа в гробницу в качестве вечного памятника насыпали большой курган из камней.

Викорд Одноухий, долгое время бывший первым помощником Гурильды, а теперь и сам капитан, глядел на возвышающиеся перед ними холмы, на лежащие перед ними долины. Землю, на которой его народ мог жить и процветать, легко можно было полюбить. Он решил, что странствия окончены, и повелел построить у места битвы огромный зал. Так появился зал бурых камней, названный в честь корабля, дошедшего их до этих берегов. С того самого момента исчисляется время Соратников в Рифте. Да предбудет их слава вечно!

Песнь пятьдесят шестая

Вечны и бесконечны песни Возвращения, ибо те первые Пять сотен, Соратники Играли, что расчистили роду человеческому путь к величию, несли в себе огонь, подобного коему мы более не видели с той древней поры. Подвигов команды каждого из кораблей достаточно, чтобы напоить любой народ гордостью на тысячу лет вперед. И в то время великого расселения Соратники путешествовали повсюду, неся свет истинных богов по дикой земле эльфов и зверей.

Однако Соратники были смертны, и со временем каждый из них пришёл на пир под сводами Сонгарда.

Многие годы прошли после возвращения Саартала, и команда "Шриона" бросила вызов судьбе на восточных землях близ Красной горы. Лагерь "Шриона" окружали трупы эльфов-убийц, которые пытались внушить им, что несут в сердцах один лишь мир и не хотят вражды. Но проницательный Рорлак, капитан "Шриона", не проявил милосердия к обманщикам с юга, ибо следовал он заветам своего лорда Играли, Предвестника нас всех.

Они пришли подбодрить, когда в лагерь вдруг вбежал молодой запыхавшийся посланник братской команды "Каал Кааза". Этот мальчик (Асгейр, как теперь поется его имя) пробежал невообразимые расстояния на головокружительной скорости от самих залива кровью полей Померкшего солнца, спеша донести ужасные новости. Когда он достиг лагеря "Шриона", то издал судорожный всхлип, прежде чем сбросить с души невыносимый груз — весть о том, что сердце могучего Играли больше не бьется.

Асгейр продолжил свой путь, стремясь оповестить остальные команды так быстро, как только он мог их найти (ибо немало команд выступило в поход, выковывая нашу историю в горниле сражений). Лагерь же "Шриона" погрузился в пучину глубочайшего горя. У костров без сил сидели храбрейшие мужчины и яростнейшие женщины, с достоинством преодолевшие все опасности, что поджидали их на новой земле, но с такой новостью справиться они не могли. Ибо мы, нынешние, знаем лишь отблески славы

Исграмора, отразившиеся сквозь толщу веков. Первые же Соратники видели его мощь и его мудрость своими глазами, и потеря повисла неизбримой тяжестью в их сердцах, и никакие слова не способны описать того, как в один миг перевернулся весь их мир.

Как повествуют легенды, сам Рорлак, наиболее закаленный и боев и самый твердый духом из всех капитанов, рухнул на землю, не выдержав горя, и никогда больше не поднял свой могучий топор. И по всему Тамриэлю, докуда доходила эта весть, темная, словно облако, затянувшее все небо от горизонта до горизонта, гасли яркие огни, беззвучно отдавая последние почести павшему вождю и полководцу.

Так закончилась эпоха возвращения и завершились легенды о действиях Пяти сотен Соратников Исграмора, Предвестника нас всех.

Ингол и морские призраки

Массер и Секунда пересекли небо над людьми Играмора, когда те пристали на ладьях к скалистым берегам мыса Голова Хсаарика, прибыв из Атморы в Мерет. Челны заполонили весь берег, но Играмор не нашёл среди них ладью родича своего Ингола.

Играмор повелел морским призракам вернуть его родича, и могучий ветер поднялся в недесах. Море вспенилось и вслокотало, и надвинулась злая дуря. Играмор взялся за вёсла и в одиночку поплыл в бушующее море.

На Море Играмор схватился с морскими призраками, и дуря носила его вдоль рваных берегов. Четыре недели не унимался шторм, но наконец выдохся. К следующему рассвету холодный прибой выбросил ладью Ингола, однако мстительные морские призраки уже забрали самого Ингола и его соплеменников.

В своей невыносимой скорби Играмор зарубил дюжину дюжин тварей и скёг их в честь своего павшего сородича. По атморской традиции насыпали курган и погребли Ингола с обрядами и почестями вместе с соплеменниками его глубоко под скалистыми уступами мыса Голова Хсаарика — то были первые Дети Неба, погибшие в Тамриэле.

Великие предвестники Соратников

История эта записана Свуком Дальнозорким из Круга Йоррваскра во время Третьей эры. Пусть я не наделен талантом облекать дела в слова, я хорошо знаю рассказы о Соратниках, что были до меня, и хочу записать их, прежде чем покину этот мир. Поэтому перед вами — список величайших Предвестников Соратников, которые ведут нас сквозь тьму к радостям Сонгарда.

О Предвестниках: у Соратников со времен Игралии не было настоящего вождя — никто не обладал такой силой, чтобы овладеть сердцами, что бывают в Йоррваскре. Магам, ворам и прочим требуется благословение старшего даже для того, чтобы выбрать себе наряд — мы же, Соратники, способны сами вести свои судьбы к славе. Предвестник дает советы, разрешает споры и помогает прояснить, доблестен ли твой поступок, если у тебя возникли сомнения. За тысячи лет, что стоит Йоррваскр, у Соратников были и ужасные, и превосходные Предвестники, прославившиеся кто силой, кто умом, а кто сердцем. Вот список знаменитейших из Предвестников, которые до сих пор вдохновляют нас на сложение песен и великие подвиги.

Игралий: первый Предвестник, первый Муж, тот, кто принес нам Слова и объединил Соратников в их пути к славе на далекой земле еще в незапамятные времена. О нем писали люди, с коими мне не сравняться, а потому я не буду пытаться превзойти их.

Йик Речной: Капитан "Йоррваскра" во времена Возвращения, первооткрыватель Небесной кузницы, основатель Вайтрана и хранитель первоначальной клятвы Соратников, теперь уже утраченной. В то время, когда команды остальных кораблей искали славы в завоеваниях, он первым обосновался на новой земле, став защитником тем, кто пришел заселять эту землю, не будучи столь же великими воинами, как он.

Мрифвил Одинокий: Спустя несколько сотен лет после смерти Игралии Соратники превратились в обычных солдат, немногим лучшие наемников. Наши услуги покупались во времена войн, и часто случалось так, что братьям по оружию приходилось сражаться друг с другом на поле боя, выполняя взятые на себя личные обязательства. Узы чести, которые скрепляют Соратников, грозили полностью разорваться, однако Мрифвил в своей мудрости повелел, что мы более не будем принимать участия в войнах или в любых других политических конфликтах. Благодаря твердости, с которой он воплощал свой завет в жизнь, Соратники в наши дни известны не только как доблестные воины на поле боя, но и как беспристрастные судьи, когда дело касается вопросов чести.

Сиррок Гордый: Первый Предвестник, в чьих жилах не текла древняя атморская кровь. Это было в те времена, когда норды начали называть себя нордами, и повсеместно разгорались жаркие споры о чистоте крови и наследии Игралии. Сиррок, по происхождению редгард, попал в Йоррваскр простым слугой, но сумел постоять за себя, когда его оскорбил менее доблестный воин из числа тогдашних Соратников. После того, как он спас жизнь Предвестника Тулвара Неупомянутого, ему был дарован статус почетного Соратника, и постепенно он стал известен как самый умелый боец из всех братьев, скоростью и хитростью превосходя любого из атморцев. Он не-

долго пробыл Предвестником, но говорят, что его приемы работы с клинком до сих пор передаются каждому новому Соратнику во время обучения.

Хенантъер Чужак: Первый эльф-Предвестник. Как и Сиррок, поначалу он стал в Йоррваскре мишенью для насмешек и издевательств, ибо в те времена (в конце Первой эры) эльфам не дозволялось становиться полноправными Соратниками, и мало кого из них даже допускали в главный зал. Днем Хенантъер был скромным слугой, выполняя все поручения, что ему давались. По ночам же он усердно тренировался во дворе, позволяя себе спать лишь несколько минут до восхода солнца, а с утра вновь усердно прислуживал воинам. Так он пережил нескольких Предвестников, никогда не отдыхая, никогда не жалуясь и всегда держа свой разум и тело в форме. И за свой долгий век он постепенно завоевал доверие молодых Соратников, которые учились у него доблести и чести.

Когда один из его учеников дожил до преклонных лет и сам стал Предвестником, то, лежа на смертном одре, он собрал вокруг себя всех Соратников, включая Хенантъера, и объявил его своим преемником, сказав, что "иногда даже эльф может родиться с сердцем норда". Часть Соратников сложила свое оружие в тот день, но те, кто остался, познали истинный смысл чести, и их наследие мы почитаем до сих пор.

Макк Ослепительная: ослепительная красавица и величайшая воительница. Те, кто видел в ней всего лишь прекрасную женщину, но не воина, уже никогда не могли повторить свою ошибку. Существует легенда, что однажды она сумела смутить и ошеломить своей красотой половину вражеского войска, а вторую половину самолично передила. Никому так и не удалось объяснить её исчезновение на восьмом году бытия Предвестником, хотя некоторые клеветники и выдвигали разные недостойные предположения.

Кирнил Длинноносый: После темных лет конца Второй эры, когда в Йоррваскре один за другим сменялись подлые и бесчестные Предвестники, именно Кирнил Длинноносый объединил истинных Соратников в окрестностях Йоррваскра и взял его штурмом, убив узурпаторов и кровью вернув нам честь — так, как это делали наши предки. Он положил начало традиции объединения доверенных советников в Круг (названный так вслед за советом капитанов нашего великого лорда Играмора), который мог бы служить примером для молодых и неопытных Соратников.

Доказав, что традиция доблести нерушима, он указал Соратникам путь и вернул нам честь, направив наши судьбы по стопам Играмора, все ближе и ближе к Сонигарду.

Поцелуй, милосердная матушка

И так, ты хочешь призвать Тёмное братство? Хочешь чьей-то смерти? Молись, дитя. Молись, и да услышит Матерь Ночи твои молитвы. Тебе предстоит выполнить нечестивейший из ритуалов — Чёрное таинство. Сотвори чучело намеченной жертвы — для того используй сердце, череп, кости и плоть. Поставь свечи кольцом вокруг этого чучела. Тогда следует приступить к самому ритуалу. Несколько раз ударь чучело кинжалом, смазанным соком лепестков паслёна, и шепотом молись при этом: "Милосердная Матушка, пошли мне своё дитя, ибо грехи недостойных должны быть омыты в крови и страхе". Затем жди, чадо, ибо Отец Ужаса Ситис награждает терпеливых. Тебя посетит представитель Тёмного братства. Сие есть начало сделки, скреплённой кровью.

братья Тьмы

Пелларн Асси

Как и следует из самого названия, история Тёмного братства окутана тайнами. Их пути скрыты от всех, кто не является так называемыми братьями ("брать" – общее понятие; некоторые из самых страшных убийц – женщины, но их тоже называют братьями). Они всегда остаются в тени, но при этом их легко находят те, кто захочет оплатить их услуги – и это не самая последняя из их тайн.

Корни Тёмного братства лежат в религиозном культе Мораг Тонг, их отделение произошло во Второй эре. Члены Мораг Тонг поклонялись лорду даэдра Мефале, которая поощряла совершаемые ими ритуальные убийства. Поначалу они были обычным неорганизованным религиозным культом. У них не было вождя и они не решались на убийства тех, кто имел хоть какую-то значимость. Все изменилось с появлением Матери Ночи.

Всех лидеров Мораг Тонг и, впоследствии, Тёмного братства, называли Матерями Ночи. Командовала ли Тёмным братством одна и та же женщина со временем Второй эры (если это вообще женщина), неизвестно. Но совершенно ясно, что первая Мать Ночи приложила немало усилий для развития верований Мораг Тонг. Согласно этому учению, Мефала становится сильнее с каждым убийством, совершаемым ради неё, но некоторые убийства "лучше", чем другие. Убийства, совершаемые из ненависти, более приятны Мефале, чем убийства ради наживы. Убийства известных мужчин и женщин нравятся ей больше, чем убийства сравнительно неизвестных людей.

Мы можем приблизительно определить время, когда было принято это учение по первому громкому убийству, связываемому с Мораг Тонг. В 324 году Второй эры, по-тентат Версидью-Шайе был убит в своем дворце, ныне находящемся на территории эльсвейрского королевства Сенчал. Мать Ночи раскрыла принадлежность убийц к своему культу, написав "МОРАГ ТОНГ" на стене кровью потентата.

До этого времени Мораг Тонг существовал в относительном спокойствии, подобно ковенам ведьм – иногда их преследовали, но обычно закрывали глаза на их существование. С удивительной синхронностью, учитывая то, что тогда Тамиэль состоял из разрозненных государств, Мораг Тонг был объявлен вне закона по всему континенту. Все властители считали своей первой задачей уничтожение этого культа. В течении сотни лет о нём ничего не было слышно.

Сложно сказать, когда же Мораг Тонг преобразовался в Тёмное братство, особенно потому, что в истории Тамиэля время от времени появлялись и другие гильдии убийц. Первое упоминание о Тёмном братстве, найденное мною, содержится в дневниках Кровавой Королевы Арлимахеры из Хегата. Она пишет, что убивает врагов "...своими руками или с помощью Матери Ночи и её Тёмного братства, секретного оружия, которым моя семья пользуется ещё со времен моего дедушки". Арлимахера написала это в 28412, так что мы можем предположить, что Тёмное братство существует как минимум с 360 года, если её дед действительно пользовался их услугами.

Главное различие между Тёмным братством и Мораг Тонг заключается в том, что Тёмное братство было не только культом, но и прибыльным делом. Правители и до-

гатые торговцы использовали орден в качестве гильдии убийц. Братство получало обычные гонорары за свою деятельность, а кроме того, правители больше не могли преследовать их: в тёмных братьях нуждались. Они оказывали жизненно важные услуги. И даже самый добродетельный вождь совершил бы большую ошибку, если бы не смог наладить отношения с братством.

В скором времени после упоминания в дневнике Алимахеры Тёмное братство совершило наиболее известную в своей истории серию убийств. Коловианский император-потентат Савириен-Чорак и все до единого его наследники были убиты в кровавую ночь в месяц Восхода солнца 430-го года. В течение двух недель Коловианская династия пала — к восторгу её врагов. На четыреста лет, до появления императора-воина Тайдера Септима, в Тамриэле воцарился хаос. Хотя столь же впечатляющих убийств больше не было, но очевидно, в это смутное время братство заработало немало денег.

Правда о Матери Ночи

Гастон Бельфор

Хотя выпущено уже немало различных работ, посвящённых как Мораг Тонгу из Морровинда, так и более распространённому в Тамриэле Тёмному братству, остаётся неясным, когда и как именно сформировались эти две грозные гильдии ассасинов. Или, вернее, когда и как Тёмное братство отделилось от Мораг Тонга, поскольку считается, что первое отделилось от последнего.

Главным предметом разногласий, пожалуй, является фигура Матери Ночи — женщины, играющей заметную роль в обеих организациях. После глубоких изысканий и многочисленных расспросов, при которых мне не раз приходилось рисковать жизнью (поскольку данная информация считается в Темном братстве священной), я наконец-то разгадал эту вековую загадку. Наконец-то я открыл правду о Матери Ночи.

Хотя её имя затерялось во времени, Мать Ночи когда-то была обычной смертной — темной эльфийкой, проживавшей в небольшой деревушке на месте нынешнего города бравил, в имперской провинции Сиродил. Она была уважаемым ассасином организации Мораг Тонг и занималась наёмными убийствами на службе у даэдрической владычицы Мефалы. Собственно, эта женщина носила титул Матери Ночи, предназначенный для самых высокопоставленных женщин среди членов

организации. Мать Ночи была покровительницей этой группы — любимицей Мефалы, её уважали и её страшились.

Однако не Мефала способствовала превращению женщины в бесплотный дух, а иное и, по мнению некоторых, более глубокое воплощение зла — Ситис, Владыка Ужаса, олицетворение неисчерпаемой бездны.

После убийства potentата в 23 324 Мораг Тонг охватило жестокое противостояние, и в Сиродиле, как и в большей части остальной Империи, гильдия оказалась практически истреблена. Вскоре после этих событий, данмерка заявила, что услышала голос самого Ситиса. По её словам, Грозный Лорд был недоволен. Его раздражали неудачи Мораг Тонга. Он сказал, что бездна жаждала душ — и Матери Ночи было предречено поставить все на свои места.

И тогда, как гласит легенда Тёмного Братства, Ситис навестил Мать Ночи в её опочивальне, и от него она зачала пятерых детей. Прошло два года, и случилось немыслимое. Тёмная эльфийка выполнила завет Владыки Ужаса — однажды ночью она убила своих детей и отправила их души прямиком в бездну. Прямо к их отцу.

Прослышиав об этом злодеянии, жители деревни возмущались. Подобный поступок был немыслим даже для Матери Ночи Мораг Тонга. Однажды ночью жаждавшие мщения селяне ворвались к женщине, убили её и спалили дом, в котором произошло злодейство. И на этом история завершилась. Так, по крайней мере, все посчитали.

Прошло немногим более тридцати лет, и неназванный человек услышал в собственной голове странный ласковый голос точно так же, как, по словам данмерки, она слышала в своей голове голос Ситиса. Голос назывался Матерью Ночи и нарёк человека "Слышащим" — первым из череды многих.

Итак, Тёмная Госпожа направила своего слугу. Он должен был основать новую организацию — гильдию наёмных убийц под названием Тёмное братство, которое будет служить не Мефале, а Грозному Лорду Ситису. Мораг Тонг, сохранившись к тому времени лишь в Морровинде, стал наследием забытых веков. Тёмное братство станет не только лигой убийц, но и деловым предприятием. Организация приумножит своё богатство и власть, и бездна наполнится свежими душами. Это будет идеальной сделкой — так сказала Мать Ночи своему Слышащему.

В ранние годы Тёмного братства тела Матери Ночи и её детей извлекли из места их первоначального погребения и поместили в склеп там, где стоял их дом. В том склепе они предыают и поныне.

Так что если странствия приведут вас в город Бравил и вы, следя местной традиции, загадаете желание у статуи Счастливой Пожилой Леди, знайте, что вы стоите на священной, если не сказать недоброй земле. Ибо под вами поконется Мать Ночи, сама Тёмная Госпожа, и удача только что покинула вас.

От славы — к падению

Нитилис Лидари

Воровская гильдия Скайрима является своего рода загадкой. За несколько последних десятилетий их орден превратился из одной из крупнейших и влиятельнейших преступных организаций во всем Тамриэле в небольшую группку бродяг, едва способных навести шумиху у седя в Рифтене. Хотя какие-либо факты, которые могли бы объяснить этот стремительный упадок, так никогда и не вскрылись, возникла масса догадок.

Согласно одной из теорий, гильдия понесла потери: есть подозрения, что главу гильдии убил один из своих. Глава гильдии, известный как Галл, поддерживал крепкие связи со многими влиятельными семействами Скайрима. Когда его не стало, не стало и этих связей. Без них гильдия уже не могла спокойно промышлять во владениях Скайрима.

По другой теории, гильдия находится под мистическим "проклятием", из-за которого повседневная деятельность кончается провалом для её членов. Хотя существенных подтверждений этой теории нет, за последние два десятилетия у гильдии непривычно участились неудачные попытки провести особых богатые кражи. Возникновение этого предполагаемого проклятия приписывают разным фактам — от вышеупомянутого убийства до божественного вмешательства.

Дабы разрешить эту загадку раз и навсегда, последние два года я посвятил внедрению в Гильдию воров. Поначалу выйти с ними на связь в Рифтене оказалось сложно, так как они крайне недоверчивы к чужакам. Однако с помощью неустанных попыток мне удалось завоевать их расположение. Я надеюсь, что как только я получу доступ к кому-нибудь в верхушке гильдии, мне удастся узнать больше об их упадке и опубликовать второй том моего труда.

Хотя, помогая гильдии совершать мелкие преступления, я разделяю с ними клеймо преступников, я считаю, что эта жертва с моей стороны оправдана. Загадка утраты Гильдией воров своего могущества должна быть разрешена раз и навсегда — как для наследия, так и в качестве дополнения к истории Скайрима.

СКАЙРИМ: ЧЕЛОВЕК, МЕР И ЗВЕРЬ

Теневые метки

Дельвин Меллори

Хочешь знать, как седя вести в незнакомых местах? Не желаешь случайно влиться в логово некроманта или угодить в очередную ловушку стражи? Тогда выучи эту книжку назубок. Знание теневых меток — вот от чего зависит, сможешь ли ты сколотить себе небольшое состояние или закончишь свой путь с перерезанной глоткой.

Эти маленькие значки ты можешь найти по всему Скайриму... обычно их вырезают на косяках входных дверей или фасадах зданий, но вообще ты можешь увидеть их практически везде, где ступала нога вора. Это наш способ общаться друг с другом, не прибегая к словам. Ну, чтобы неопытный вор не стал мертвым вором, сам понимаешь. Меточки по пальцам перечесть можно, так что и думать не смей врать, что некогда было их учить.

Ладно, что-то я разболтался. Давай, напаливай ученический колпак и за дело.

Толкование теневых меток

Гильдия

Символ нашей Гильдии. Означает, что в этом месте **безопаснее**, чем во “Фляге”. Если увидишь такую метку, знай, что кто-то из Гильдии обязательно находится неподалеку.

безопасно

Обычно мы ставим такую метку там, где уже все разведали и нашли **безопасный** путь внутрь или наружу — ну, к примеру, коридор без ловушек. Или помечаем дом, который уже подчистили. Увидишь такую метку — иди туда, куда она указывает, и все **будет в порядке**.

Опасно

Увидишь такую метку — поворачивай назад. Конечно, и дальше идти, но тёдя предупреждали. Метка означает, что впереди — или, скажем, за дверью — кроется что-то такое, что вывернет тёдя наизнанку и не пошечется.

Подсег

Так, а если тебе выпало редкое удовольствие (если не хочешь вылететь из Гильдии, постараися, чтобы оно было редким) загреметь за решетку, иши вот эту прелесть. Заметишь ее — и уже через пару шагов выберешься на свежий воздух.

Под защитой

Эти метки мы ставим в тех местах, которые чистить не **стоит**. Не потому, что опасно, а потому, что пинка под зад получишь. Хозяева домов с такими метками находятся под **защитой** Гильдии, и даже думать не смей их трогать.

Скупщик

Эта меточка быстро станет твоей любимой. Тот, кто находится рядом с ней, купит твоё... украденное непосильным трудом добро за справедливую цену.

Воровской тайник

Кто сказал, что мы только забираем, ничего не давая взамен? Если увидишь такую метку рядом с сундуком или полым бревном, то приготовься, тебя ждет сюрприз. Своегородный подарок от Гильдии вору на деле. Кто там кричал, что членство в Гильдии не облегчает жизнь?

Добыча

Эта метка означает, что рядом есть чем поживиться. Удобно, если не хочешь вломиться в какой-нибудь дом и не найти там даже пары завалящих септимов.

Пусто

Полная противоположность "Добыче". Топай дальше, внутри ничего нет.

Соловьи: правда или вымысел?

Вилимина Рот

Упомянете "Соловья" в разговоре с любым стоящим вором, и тот рассмеется вам в лицо. Он скажет, что мнимые мстители даэдрического лорда Ноктурнал — не более чем выдуманные персонажи, существующие лишь в сказках, которыми запугивают молодых и непослушных разбойников. Но действительно ли они вымыщены, или дело в неверном о них представлении?

Хотя большинство ученых считают нелепой идею, что среди неизменно беспринципного и неорганизованного сброва, который представляет собой Гильдия воров, могла бы появиться религиозная секта, ряд свидетельств указывает на то, что некогда подобная группа существовала в пределах Скайрима. За сто двадцать лет до публикации этой книги был найден труп, облаченный в странную броню, описанную как "лунное серебро". На обветшалой броне красовалась некая эмблема, символическое изображение птицы, заключающей в объятьях круг неопределенной тьмы. Останки и броню отправили на изучение в Колледжю Винтерхолда, однако те таинственно пропали спустя день после прибытия.

Источник эмблемы разыскивался по всему Скайриму в течение многих лет, однако установить его оказалось практически невозможным. Затем, к всеобщей неожиданности, заключенный из шахт Маркарта заявил, что эта эмблема — знак воровской группировки, называвшей себя Соловьиами. Когда его заставили выдать подробности, узник заявил, что Соловьи были воинами Ноктурнал и безоговорочно выполняли ее волю. По его словам, он узнал все это от знакомых из Гильдии воров Скайрима, однако назвать имена он отказался, поэтому его историю вскоре отмели.

Другое свидетельство, указывающее на существование Соловьев, по сей день можно лицезреть вблизи Рифтена. Небольшая тропка, ответвляющаяся от главной дороги, упирается в почерневший камень неизвестной породы. На его поверхности высечен тот же птичий символ, что был найден на комплекте темной брони. Те, кто верил в существование Соловьев, считали, что это некое место встреч. Другие же считали символ подделкой или даже специальной мистификацией, устроенной Гильдией воров для отвода глаз.

Последнее и самое противоречивое из свидетельств — строки, нацарапанные на внутренней стене камеры в Вайтране. Они были обнаружены после того, как в камере сидел дамнер по имени Лортус, которого заключили в тюрьму за убийство и осудили на казнь. После казни камеру Лортуса осмотрели и нашли следующую надпись, высеченную на одном из каменных блоков:

"Возьми меня за руку, госпожа Ноктурнал, ибо я желаю служить тебе. Я Соловей и рождаюсь заново. Пусть мое прошлое станет отголоском нашего триумфа".

Здесь в первый и единственный раз проводится прямая связь между Ноктурнал и Соловьем. Необычное содержание отрывка, религиозные отсылки к Ноктурнал со стороны зядлого преступника — все это годами подогревало споры о вероятности существования группировки. К сожалению, в отсутствие новых

свидетельств, к нынешнему времени об этой удивительной находке позабыли, а споры о ней выдохлись.

Имея в качестве доказательств столь жалкие обрывки, трудно подвести итог. У нас остается больше вопросов, чем ответов. Могут ли существовать религия и воровство? Действительно ли поклонники даэдрического лорда Ноктюна разгуливают по Скайриму и замышляют недоброе? Обладает ли Гильдия воров обширными знаниями о Соловьях, при этом храни обет молчания? Возможно, что однажды появятся ответы на эти вопросы, но пока что тебе, читатель, самому придется решать, правда или вымысел эти Соловьи.

Похититель целомудрия

Я расскажу вам историю о воре. На земле Хаммерфелла в городе Сатч некогда жил очень богатый барон, знаменитый нумизмат. Его супруга, баронесса Вероника, находила это занятие очень скучным. Однако она ценила все прелести роскоши, которую позволяло богатство барона.

Также в городе жил Рэвиус Теринус, вор, порой он даже утверждал, что он — главный вор в легендарной воровской гильдии, хотя на самом деле он был просто хвастуном. Последняя известная Гильдия воров была разгромлена в этом городе более чем за четыреста пятьдесят лет до описываемых событий.

Рэвиус решил, что барон должен поделиться с ним своими сокровищами и однажды ночью коварно пробрался в замок барона, намереваясь осуществить свой план.

Стены замка славились своей высотой и неприступностью. Рэвиус предусмотрительно использовал Пронзающую стрелу, чтобы надёжно закрепить верёвку наверху стены. Как только он взобрался наверх, ему пришлось прятаться от охранников барона, но укрываясь в тени зубцов, он сумел проникнуть в замок незамеченным.

Пробраться в башню было для опытного вора детской задачей, однако вход в личные покой барона преграждала дверь с запором на тринадцать дюймов. Рэвиус поломал всего лишь девять отмычек, пока открывал его. Используя вилку, леску и бурдюк, он обезвредил семь ловушек, защищавших коллекцию монет барона. Воистину, Рэвиус был мастером воровского ремесла!

Завладев, наконец, монетами, Рэвиус попытался убраться в свое яси, но обнаружил, что дверь за ним заперта! Барон, обнаружив открытую дверь, захлопнул её, поднял тревогу и позвал стражников, чтобы обыскать замок. Рэвиус отступил в глубину замка, всего лишь на шаг опережая охрану барона.

Единственный путь на свободу пролегал через будуар баронессы Вероники. Когда он вошёл туда он обнаружил, что дама готовится отойти ко сну. Скажем, что Рэвиус всегда отличался приятной наружностью, а баронесса не славилась особой красотой. Каждый из них отметил это, как только они встретились взглядами.

"Вы пришли, чтобы похитить мою честь?" — спросила леди, дрожа.

"Ничуть, благородная дама, — сказал Рэвиус, быстро оценив ситуацию. — Такую деликатную вещь, как ваша честь, нельзя похитить столь же легко, как..."

"Я вижу, что вы укралли редкие монеты моего мужа".

Рэвиус проникновенно заглянул в её глаза и увидел в них единственный путь к своему спасению. Он лежал через двойную жертву.

"Да, эти монеты имеют большую ценность, но вместо них я нашёл сокровище, которое воистину бесценно, — так начал Рэвиус. — Скажи мне, красавица, отчего твой муж установил семь смертельных ловушек, чтобы оградить своё жалкое богатство, но всего лишь один простой замок защищает спальню его добродетельной жены?"

"Игнас защищает то, что ему дороже всего", — гневно ответила Вероника.

"Я бы отдал всё своё золото, чтобы лишь на минуту быть осиянным лучами твоей прелести".

И с этими словами Рэвиус бросил на пол монеты, которые достались ему с таким трудом, а даронесса упала в его объятия. Когда вошёл капитан охраны, которому было приказано обыскать покой даронессы, она уже спрятала Рэвиуса так тщательно, как только могла, и вернула монеты стражнику, сказав, что вор уронил их, когда выскочил в окно.

Совершив эту жертву, Рэвиус содрался с духом и совершил другую. В эту ночь он похитил добродетель леди Вероники, и не один раз. В замке он оставался до тех пор, пока не начало светлеть. Совсем измученный, он ускользнул из замка с первыми лучами рассвета.

Ловушка Судьбы

Зилмок Голдж

К тому времени, как Миневе Шолос исполнилось шестнадцать, она стала нежеланным гостем во всех лавках и поместьях Балморы. Иной раз она прихватывала оттуда все стоящее, в другой — просто получала удовольствие от самого факта проникновения, минуя замки и ловушки. И каждый раз она оставляла на видном месте пару игральных костей — своего рода визитную карточку, по которой хозяева узнавали, кто их обчистил. Местные жители вскорости прозвали таинственного вора "Судьбой".

Типичный для тех времен диалог в Балморе:

— Дорогая, куда подевалось твое шикарное ожерелье?
— Ах, дорогуша, Судьба отняла его у меня.

Впрочем, были моменты, когда Судьба проклиниала свое занятие, натолкнувшись по собственному просчету на хозяина или охранника. Пока что еще никому не удалось её поймать или даже увидеть, однако уже множество раз она оказывалась на волоске от провала. Наконец, наступил день, когда она ощущала необходимость расширить свой охват. Она подумывала уже навестить Вивек или Гнисис, но одним вечером в "Восьми тарелках" услышала о родовой гробнице Херанов. Говорили, будто эта старинная усыпальница хоть и кишит ловушками, но таит в своих глубинах накопленные веками сокровища семейства Херан.

Судьбе показалось заманчивым преодолеть заклятье склепа Херанов и заполучить скончанные там богатства, однако к схватке со стражами гробницы она не была готова. Она размышляла о своих возможностях и вдруг заметила Ульстира Морсди за столиком неподалеку — тот, как всегда, был наедине с собой. Этот верзила-бретонец имел репутацию тихого чудака — умелого вояки, тронувшегося рассудком и обращающего больше внимания на голове, чем на мир вокруг.

Если уж приходится искать себе партнера для этого дельца, подумала Судьба, этот человек отлично подойдет. Он не станет требовать своей доли и не будет настаивать на честном деле же добычи. Если же дело запахнет жареным и обитатели склепа Херанов его порешат, никто о нем жалеть не станет. Как и в том случае, если Судьбе просто надоест с ним цацкаться и она решит его бросить.

— Ульстир, ты, наверно, меня не знаешь, но меня зовут Минева, — подойдя к его столику, сказала она. — Я подумываю навестить родовую гробницу Херанов. Если ты возьмешь на себя монстров, я позабочусь о замках на дверях и ловушках. Что скажешь?

Бретонец помедлил с ответом, будто совещаясь с голосами в своей голове. Наконец, он утвердительно кивнул головой и пробормотал:

— Да, да, да, подпереть камнем, горячая сталь. Хитин. Стены за дверями. Пятьдесят три. Два месяца и обратно.

— Замечательно, — сказала Судьба, ничуть не смущённая странным ответом. — Отправляемся завтра с рассветом.

Когда на следующее утро Судьба встретилась с Ульстиром, тот был снаряжен в хитиновые доспехи и вооружен необычным клинком, который слегка светился от

наложенных на него заклинаний. В начале их путешествия она пыталась завязать с ним разговор, однако его ответы были настолько бессмысленными, что она быстро оставила попытки. Внезапно по равнине прошёлся ливень и накрыл их с головой, однако это их не замедлило, так как на Судьбе не было доспехов, а хитин Ульстира легко отталкивал воду.

Они погрузились в тёмные глубины склепа Херанов. Интуиция не обманула её — они отлично дополняли друг друга.

Она распознавала капканы, западни и ложные плитки в полу прежде, чем они срабатывали, и взламывала все виды замков: с простым барабаном, комбинированные, перекрученным засовом, двойными задвижками, старинные разновидности, имён которых не сохранила история, проржавленные машины, которые было бы опасно открывать, даже имея ключ.

Ульстир же тем временем изничтожал несметное число диковинных тварей, подобных которым Судьба, выросшая в городе, в жизни не видела. Осознанно эффективным его клинок, заряженный на поражение огнем, оказался против ледяных атранахов. Бретонец даже спас ее раз, когда она оступилась и чуть не провалилась в мрачную расщелину в полу.

— Не ушибись, — сказал он с неподдельной заботой на лице. — Впереди стены за дверями и пятьдесят три. Кольцо истощения. Два месяца и обратно. Подпереть камнем. Пойдем, матушка Судьба.

Судьба особо не прислушивалась к бессмысленной болтовне Ульстира, но когда он сказал "Судьба", она застыла в изумлении. Она представилась ему как Минева. Неужели правы крестьяне, рассказывающие, что когда безумцы говорят, они на самом деле говорят с принцем даэдра Шеогоратом, и тот дает им советы и знания, недоступные простым смертным? Или, что было бы логичней, Ульстир лишь повторяет то, что слышал в Балморе? Ведь для местных за последние несколько лет слово "Судьба" стало синонимом взлома.

Пока они продвигались вперед, Судьба продолжала размышлять над словами Ульстира. При их первой встрече он сказал "хитин", будто высказав какую-то неожиданную мысль вслух, а сегодня его хитиновые доспехи оказались как нельзя кстати. Так же и с "горячей сталью". Что, интересно, значит "стены за дверями"? Или "два месяца и обратно"? Чего может быть "пятьдесят три"?

Мысль о том, что Ульстир ведомы некие тайны, касающиеся ее самой и этой гробницы, вызывала у Судьбы беспокойство. Она твердо решилась бросить своего напарника сразу после того, как они доберутся до сокровища. Он изрубил живых и восставших из мертвых стражей склепа: она вполне может обойтись без защитника, просто вернувшись тем же путем, каким они шли.

Одна из фраз бретонца была ей абсолютно понятна: "кольцо истощения". В одном из особняков Балморы она стащила кольцо просто потому, что оно показалось ей красивым. Лишь позже она узнала, что с его помощью можно истощать жизненную силу людей. Мог ли Ульстир знать об этом? Удастся ли ей застать его врасплох, используя это кольцо?

Пока они продвигались по коридору, она продумывала, как лучше всего обставить бретонца. Проход внезапно кончился большой металлической дверью, которую запирал золотой замок. С помощью отмычки Судьба подняла два штифта и освободила засов. Дверь распахнулась, сокровище гробницы Херанов лежало перед ними.

Входя в зал, Судьба тайком сняла перчатку с руки, на которой было кольцо. В комнате были сложены пятьдесят три мешка с золотом. Когда она обернулась, дверь между ней и бретонцем захлопнулась. С ее стороны на месте двери оказалась стена. Стены за дверями.

В течение многих дней Судьба кричала и кричала, тщетно пытаясь выбраться из зала. Затем она лишь отупело слушала, как Шеогорат смеется в ее голове. Когда спустя два месяца вернулся Ульстир, она уже была мертва. Он подпер открытую дверь камнем и вынес золото.

Кодекс истинного благородства

Серджо Атин Сарети

Достопочтенные воины Великого Дома Редоран — потомственные защитники Морровинда. Быть дворянином Дома Редоран значит больше, чем быть великим воином. Такой человек должен следовать триединой добродетели долга, степенности и надежности.

Долг дворянина Дома Редоран — служить, во-первых, Храму Трибунала, во-вторых, Великому Дому Редоран, и, в-третьих, семье и клану. В битве у Красной горы воины Дома Редоран с радостью отдали жизни, служа Трибуналу. Защищая Дом Редоран от козней волшебников Тельванни и происков недостойных Хлаалу, истинные дворяне показывают свою верность Дому Редоран. Следуя наставлениям Храма и проявляя милосердие и щедрость, служат они своей семье и клану.

Дворянин Дома Редоран должен обладать добродетелью степенности. Не в обычаях Редорана высмеивать серьёзные вещи, ибо это знак неуважения. Не в обычаях Редорана распространять слухи, ибо они отравляют и порождают распри.

Редоранец чтит аэдра и даэдра, наших создателей и предков. Ибо без божеств мы не могли бы служить. И без божественного закона мы не могли бы отличить добро от зла. И без благодарности за это мы забыли бы свое место и свою цель.

Великий Дом Редоран ценит воинские искусства. Причиной тому не почтение к войне как таковой, а понимание, что эти знания необходимы для служения. Воин Дома Редоран сражается с длинным мечом и щитом или с копьём. Дворянин Дома должен также научиться пользоваться луком и быть физически здоровым, чтобы выдержать долгий переход перед битвой. Редоранцы носят тяжелую или среднюю броню, выбор зависит от ранга и ситуации. Дворянин Дома должен уметь также чинить и содержать в порядке свои доспехи.

Тех, кто родился в Доме Редоран, родичи и члены клана учат быть искусными и добродетельными воинами. Те же, кто желает примкнуть к Дому Редоран и служить ему, должны показать свое искусство в зале Совета Дома Редоран и снискать одобрение оценщика.

Те, кто жаждет продвинуться в иерархии Дома Редоран, — принадлежат ли они к Дому от рождения или были приняты в члены Дома, поклявшись в верности, — должны продемонстрировать свои добродетели служением и повиновением. И лишь те, кто достигнет высот в овладении искусствами и обретет все добродетели, могут называть себя дворянами Великого Дома Редоран.

Надежда Редорана

Одним из немногих видов магического искусства, которые псиджики из Артеума приберегают для себя и стараются держать вне поля зрения Гильдии Магов, является дар прорицания. Несмотря на это, а может быть и благодаря этому, предзнаменования и пророчества широко распространены в Тамриэле, некоторые из них истинны, другие глупы, а третьи столь двусмысленны, что совершенно не поддаются проверке. Но в некоторых пророчествах, начиная от прорицания Дро'Джизада в Эльсвейре и Нереварина в Морроувинде, и кончая самими Хрониками Древних.

Среди аристократии Севера распространен обычай составления пророчеств при рождении ребёнка. В общем и целом, смысл этих текстов довольно темен. Одна из моих информанток рассказала мне, что её родителям, например, говорили, что жизнь их дочери спасет змея, и потому на специальной церемонии ей дали имя Серпентия. И эта молодая леди, Эрия Валкор Серпентария, действительно была спасена змеей много лет спустя, когда покушавшийся на неё убийца наступил на червеподобную гадюку.

Время от времени, предсказания оказываются явственно ложными, как будто боэта нарочно таким образом готовят ловушки. Мне вспоминается один случай. Много, много лет назад в Доме Редоран появилось на свет дитя мужского пола. Роды были трудными, и когда они закончились, мать ребёнка находилась в полуобреду и в шаге от смерти. И как только сын её появился на свет, она изрекла следующее:

Судьба улыбается ныне нам
Мой сын будет крепок умом и телом
Вернет он надежду Дому Редоран
Не повредят ему ни клинок, ни заклятье
Ни болезнь, ни яд не совладают с ним
Никогда кровь его наземь не упадет

Мальчик, названный Андасом, действительно был необычным ребёнком. Он никогда не болел и за все детство не получил ни царапины. Кроме того, он был на редкость умен и силен, что, в сочетании с его неуязвимостью, заставляло многих в соответствии с предсказанием его матери называть его Надеждой Редорана. Разумеется, человек, которого все зовут Надеждой Редорана, быстро становится заносчивым, и вскоре у него появились враги.

Худшим из этих врагов был его двоюродный брат Атин, которому пришлось многое вынести от Андаса. Главной причиной для обиды было то, что по настоюнию Андаса, Атин был отправлен в Рикад для завершения образования. Атин вернулся из Хаммерфелла из-за смерти своего отца, бывшего Советником Дома. Атин был достаточно взрослым, чтобы занять его место в Совете, но кресло захватил Андас, утверждавший, что его брат слишком много времени провел вдали от Морроувинда

и не может разбираться в политике так хорошо, как он. Многие согласились с Андасом, ибо всем хотелось, чтобы Надежда Редорана быстрее возвысилась.

Атин использовал свое право вызвать брата на бой. Разумеется, никто не думал, что у него есть какие-то шансы на победу, но битва была назначена на следующее утро. В ту ночь Андас распутничал, ел и пил с советниками, уверенный, что место в Доме будет за ним и скоро начнется возрождение дома Редоранов. Атин уехал к себе в замок вместе со своими друзьями, врагами Андаса, и слугами, которых он привез из Хаммерфалла.

Атин и его друзья ирачно обсуждали предстоящую дуэль, когда в зал вошла одна из старых учительниц Атина, Шарди. Она очень гордилась своим учеником в Хаммерфелле, так гордилась, что даже последовала за ним через всю Империю на родовые земли, и теперь хотела знать, почему он так сильно сомневается в своем грядущем успехе. Они рассказали ей о необычных дарованиях Андаса и пророчестве его матери.

"Если его не берет ни болезнь, ни яд, ни магия, и кровь его никогда не прольется, как я могу даже мечтать о победе над ним?" вскричал Атин.

"Разве ты забыл, чему я тебя учила?" ответила Шарди. "Разве ты не можешь придумать оружия, которое удивляет, не проливая крови? Разве мечи, копья и стрелы все, чем ты владеешь?"

Атин быстро понял, о каком оружии говорит Шарди, но это показалось ему нелепым. Не только нелепым, но и примитивным и достойным жалости. Однако, это была его единственная надежда. Всю ночь Шарди обучала его технике, показывала ему разнообразные позиции и замахи, которые разработал её народ в Альдион-Горе; контратаки, ложные выпады, и оборонительные приемы из Йокуда; классический и двуручный захват самого древнего оружия в истории.

На следующее утро братья сошлись, и никогда еще два бойца не выглядели так по-разному. Появление Андаса приветствовали одобрительным шумом, не только потому, что его очень любили, как Надежду Редорана, но и потому, что в победе его никто не сомневался и никому не хотелось портить с ним отношения. Его сияющая

кольчуга и меч вызывали восхищение и ужас. По контрасту, появление Атина вызвало вздох изумления и лишь несколько вежливых хлопков. Он был одет и вооружен как варвар.

Как советовала Шарди, Атин позволил Андасу атаковать первым. Надежда Редорана страстно желал подысторее завершить битву и устремиться к власти, о которой он мечтал. Клинок в могучей руке Андаса скользнул по груди Атина, но только скользнул, и прежде чем Андас успел замахнуться еще раз, Атин отбросил его назад собственным оружием. Когда Атин атаковал и ранил Андаса, Надежда Редорана был так поражен тем, что ему впервые в жизни стало больно, что уронил меч.

Чем меньше говорить о конце битвы, тем лучше. Достаточно будет сказать, что Атин, при помощи обычной дубинки, задил Андаса до смерти, не пролив при этом ни единой капли его крови.

Атин занял место своего отца в совете, и люди стали говорить, что надежда, о которой упоминалось в пророчестве, относилась к Атину, а не к Андасу. В конце концов, если бы Андас не попытался отнять у двоюродного брата кресло советника, Атин, не будучи амбициозным, мог бы сам отдать его кому-нибудь. И с этим, я полагаю, нельзя не согласиться.

Бегство от Талмора

Многоуважаемый читатель! Книга, что лежит перед тобой, выпущена большим тиражом, чтобы история, рассказанная в ней, стала известна во всей Империи. Но имей в виду — в ней нет ни слова выдумки. Это всего лишь издание личного дневника, в котором и описываются нижеизложенные события (и который сейчас хранится под надёжной охраной в Доме Писчих Перьев в Хаммерфелле). И произошли они не более чем за год до выхода этой книги.

— Ашад ибн Халед, Верховный писец, Дом Писчих Перьев, Хаммерфелл.

Уже девять дней. Девять дней с тех пор, как я вырвался из пут. Девять дней с тех пор, как я задушил своего тюремщика своими же кандалами. Девять дней с момента, когда я подбежал сломя голову в ночь, непрерывно прислушиваясь к окружающим звукам, но никогда не оглядываясь назад.

Однако чтобы понять моё нынешнее положение, необходимо узнать, кто я такой и с чего всё началось.

Меня зовут Хадрик Сердце Дуба, и я — гордый норд Скайрима. Скальд по профессии, я получил образование в Коллегии бардов в Солитьюде. Годами я был странствующим музыкантом и менестрелем, даже служил боевым бардом в войсках разных ярлов.

Надо сказать, что не будь я бардом, я бы никогда так не влип.

Мои беды начались тогда, когда я начал петь о Талосе, о Девятом и величайшем боге, любимом боге жителей Скайрима. Как оказалось, не столь любимом среди талморцев.

Ах да, талморцы. Встречаются нынче в Скайриме не реже наスマрка, и точно раздражают не меньше. По крайней мере, я так думал — пока не узнал истинные масштабы их возможностей и влияния.

Для тех, кто не знает: талморцы — это нынешние почетные "гости" Скайрима, высокие эльфы из Альдмерского Доминиона, которые в своей несказанной доброте не стали вырезать нас всех во время Великой Войны.

Но, как известно каждому норду Скайрима, за эту доброту нам пришлось заплатить ужасную цену. Одним из положений Конкордата Белого Золота — мирного договора между нашими народами — был запрет на поклонение Талосу. Чтобы чело-

век стал богом? Это абсурд, заявляет Талмор. Так что открытое поклонение Талосу оказалось в Скайриме вне закона, и этот запрет активно стал претворяться в жизнь в тех городах, где присутствие талморцев весьма ощутимо. В тех городах, хотел бы добавить, где у Империи самые прочные позиции.

И в одном из этих городов — Маркарте, если быть точным — я принял осознанное решение бросить вызов гонителям Талоса. Мой вызов был — очевидно — облечён в форму песни. А если ты много часов писал, шлифовал и репетировал песню, какой же ты бард, если ты её не будешь исполнять? Вот я её и исполнил. И не раз, и даже не два — целых семь раз. По разу в день в течение недели.

Многие мои сородичи даже не догадываются: оказывается, не все талморцы прибывают в Скайрим на одинаковом положении, с одной и той же целью. А одна из их группочек действует вообще тайно, под покровом теней: они наблюдают за нами и выжидает, когда какой-нибудь норд попадётся на поклонении могучему Талосу. Эта группа — юстициары, и их работа — заставить нас выполнять это, пожалуй, самое чудовищное условие Конкордата Белого Золота.

А почему я вдруг заговорил о юстициарах? Потому что если бы не они, я бы спел свою песню и в восьмой раз. Оказывается, они следили за мной, ждали удобного случая. И вот, в глухие предрассветные часы нового дня мне на голову опустился чёрный мешок, а затем меня ждала поездка на отвратительно неудобной телеге и зловещие обещания того, что мне понравится в моем "новом доме", который, как я понял, представлял собой нечто вроде тайной талморской темницы или лагеря арестантов. Ещё я понял, что живым оттуда не выйду.

В тот момент я осознал, что надо бежать. Я должен выскользнуть из лап похитителей, любой ценой — даже если погибну. Всё лучше, чем гнить до конца жизни в какой-то богами забытой талморской тюрьме.

Я принялся ждать своего шанса, и наконец повозка остановилась, чтобы перевозить ночь. Талморцев со мной было всего двое, и один из них отправился в лес на охоту, оставив меня наедине с другим. Так мой рассказ и подошёл к тому месту, с которого я начал. Прошло уже девять дней, и я понял, насколько глуп я был. Ну что мне стоило спеть мою песню один раз? Ну ладно, пусть два? Или вообще не петь? Почему у меня не хватило ума проглотить свою глупую нордскую гордость и понять, насколько велика власть Талмора над ярлами?

Но я поступил иначе. И теперь бегу. Словно заяц убегает от гончей. Всегда в движении, редко отдыхая, никогда не смыкая глаз. Но Талмору известно о каждом моём шаге. Куда мне отправиться? Как ускользнуть из-под их власти? Не знаю, я не знаю. Но теперь я точно знаю одно: если агентам Альдмерского Доминиона не удастся заполучить твою душу, они задерут твою жизнь.

Меня зовут Хадрик Сердце Дуба, и я — гордый норд Скайрима. Помните обо мне. И до скоро меня не станет.

Растущая угроза

Латенил Санхолдский

Автором нижеследующего повествования является Латенил Санхолдский, альтмер с острова Саммерсет, бежавший в Сиродил в начале Четвёртой эры. По словам Латенила, к бегству его побудили не последствия Кризиса Обливиона в Саммерсете — причиной стали "сгущающиеся тени Талмора, что опустились на мою драгоценную отчизну".

Латенил имел, мягко говоря, довольно нервный вид, и его обвинения о вовлечённости Талмора граничили с безумием. Возможно, из-за этого его отчаянные предупреждения и неприкрыта критика в отношении Талмора и Альдмерского Доминиона не были услышаны, но история хоть и частично, но оправдала утверждения Латенила.

Праксис Эрратум, Имперский историк

1

Я был всего лишь ребёнком, когда нас постигло Великое Страдание. Самый воздух был разодран на части зияющими, болезненными ранами, изрыгающими даэдра из недр Обливиона. Многие устремились к берегам, ища спасения от кровожадной рати Дагона, но моря предали наш народ, вздыбившись и разбив наши корабли и порты, оставив нас наедине со столь ужасной и жестокой участью, что даже смерть показалась бы для нас избавлением.

Кристальная башня стояла как последний оплот наших надежд как в прямом, так и в переносном смысле.

Беженцы заполнили Кристальную башню, пока в ней больше не осталось места. Витающий в воздухе страх был практически осязаем, мы едва могли дышать от гнетущего нас отчаяния. Издалека мы видели даэдра, рыщущих среди деревьев, но они не приближались. Дни шли, но даэдра по-прежнему не подходили к стенам ближе, чем на расстояние полета стрелы. В нас стала оживать надежда. "Они нас боятся, — говорили некоторые. — Даже даэдра знают, что с мудростью и магией Кристальной-Как-Закон тягаться не стоит!"

Поганые отродья Обливиона как будто только и ждали, пока эти настроения не овладеют нашим сердцами, прежде чем начать действовать.

Пока мы спали, бессчтные легионы даэдра сошлись вокруг нас... и они были не одни. В придачу они сгнали сотни альтмерских пленников. На рассвете нас разбудили их вопли — это даэдра стали бичевать их и сдирать с них кожу. Охваченные крайним ужасом, мы наблюдали, как наших сородичей подвергают полному осквернению... разделяют и поедают заживо, насаживают на свои мерзкие военные орудия и отдают на растерзание своим нечестивым тварям.

Сие кровопролитие было лишь прелюдией, чтобы раззадорить ненасытных тварей.

Покончив с нашими сородичами, они обратили свои взгляды на Кристальную башню. Наша славная и великая твердыня смогла устоять не лучше, чем могучий

дуд во время оползня — стойко держаться несколько мгновений, словно будучи в силах перенести бушующее вокруг разрушение, но в итоге пасть под его напором.

Наши могущественные волшебники косили врагов, испепеля их дюжинами. Лучники за сотню шагов находили малейшие щелочки в даэдрических доспехах и сражали вражьих вожаков и командиров. Мощь и ловкость наших героических защитников поразила бы всякого очевидца, но этого было недостаточно. Даэдра карабкались по трупам своих соратников. Они шли напролом к погибели и уничтожению, перед которыми самые могучие воинства во всем Тамриэле содрогнулись бы от ужаса.

Когда они проломили стены, я обратился в бегство вместе с остальными трусами. Я не горжусь своим поступком. Память о нём постоянно преследует меня, и я сгораю от стыда, признаваясь в нём, но это правда. Мы бежали в безотчетной панике, оставляя позади тех стойких альтмеров, что продолжали держать строй перед написком, чтобы уберечь и защитить нашу несравненную Кристальную башню.

Мы устремились по хитроумно скрытым проходам и выбрались из них довольно далеко от хаоса, накрывшего башню. И тогда это случилось. Все началось со звука — словно порыв ветра прошёлся по листве густого леса, однако этот шум не угалсал. Он возрос до грохота, когда дрожь охватила самую землю у меня под ногами. Я обернулся, чтобы взглянуть, и весь мир замер...

В остоянении я наблюдал, как выдрили сердце моей отчизны, словно у меня из груди. Немыслимо, непостижимо... Кристальная-Как-Закон башня рухнула, погружнутая не более достойно, чем оборванец, встретившийся со стальным кулаком. Я провел в созерцании целую вечность, пытаясь увязать то, что я знал, с тем, что я видел.

Грудь мою раздирали рыдания, и вокруг меня раздался плач, едва заклятье отпустило. Я осознал, где нахожусь. Бессчётное множество бежавших со мною по-прежнему стояли, загипнотизированные ужасом, что околдовал и меня. "Уходим", — прохрипел я с разбитым сердцем — сердцем моей страны. Никто не шелохнулся, даже я.

Я содрал всю волю, какую только в себе нашёл, и вложил весь страх, ненависть и мучения, порождённые совершившимся, в одно слово, превратившееся в бездумный крик: "УХОДИМ!" И я побежал, скорее ощущая, нежели видя, как остальные побежали следом.

||

Следом за падением Кристальной-Как-Закон башни пришёл шок. Мой разум как будто... замер. Я отдался во власть инстинктов, уступив все свои мысли чёрной бездне отчаяния. Я утратил всякое ощущение времени и до сих пор не знаю, как долго я предыгал в этом состоянии. Наконец осознанная мысль смогла пробиться сквозь пелену моего умопомрачения: даэдрические полчища исчезли! Пропали столь же внезапно, как и появились.

Прежде чем мое оцепеневшее сознание смогло постигнуть суматоху, охватившую мой дорогой остров Симмерсет, пока я мог сформулировать вопрос "как?", они уже

были наготове, источая сладкий яд в наши уши, — талморцы. Они заявили, что это они нас спасли, задействовав глубокую и тонкую магию. Что это их усилиями, их жертвами альтмеры были избавлены от уничтожения.

О, какие же мы были глупцы. Мы столь отчаянно стремились воздать хвалу тому, кто избавил нас от наших бедствий, что одарили ею первых, кто вышел вперёд и присвоил себе лавры. Этим простым актом благодарности мы позволили подлой гнили проникнуть в нашу родину, растлить нашу величественную и выдающуюся в своё время цивилизацию.

Прошли месяцы, прежде чем я начал осознавать, какую ошибку мы совершили. Иногда меня терзали уколы беспокойства, но по отдельности их легко было проигнорировать и отбросить. Но после изгнания великого мага-предвидца Райнандора Смелого я уже не мог пренебречь своими сомнениями. Дело в том, что Райнандор был одним из немногих, кто пережил падение Кристальной башни — я собственными глазами наблюдал за его храбростью и героизмом. Именно благодаря его руководству и магии даэдра столь дорогое обошлось разрушение Кристальной башни.

Талморцы очернили его имя, когда тот решился открыто в них сомневаться и оспаривать их роль в прекращении Кризиса Обливиона на острове Саммерсет. Райнандор допустил ошибку, проигнорировав общественное мнение, вместо этого доверившись логике и фактам. Расчёты талморцы, однако, не могли позволить чему-то столь никчёмному, как истина, встать у них на пути. Едва им удалось на самую малость восстановить общество против Райнандора, они изолировали его и ещё активней принялись порочить его репутацию. Райнандор, не сумевший как-либо противостоять козням Талмора, вскоре был осуждён и сослан.

III

Со всей осторожностью я сформировал тайное объединение несогласных с мотивами и приёмами Талмора. За несколько месяцев я перевёл свою семейную собственность в наличные и забрал из своего наследства столько, сколько мог, не вызывая при этом подозрений. Я намеревался последовать за Райнандором и способствовать восстановлению его репутации и положения. Тогда мы бы вернулись, одолели Талмор в его собственной игре и отстояли бы исконные нравы и устои альтмеров! Остальные члены моего объединения должны были оставаться на острове Саммерсет и в меру своих способностей добиваться доверия талморцев, по мере возможности высыпая мне тайные послания.

Неделями я тщательно наводил справки и давал заоблачные взятки, пока мне не удалось разузнать, что Райнандора отправили на корабль в сторону Анвилла. Я сам сел на корабль в Анвиле. Там мои поиски практически оборвались, ибо Райнандор так и не прибыл в порт Анвилла. Моя догадка, что с Райнандором лицемерно покончили, подтвердилась, когда я разузнал о некоторых матросах, которые числились в команде того же судна. Все они погибли при загадочных обстоятельствах.

Вскоре последовало первое из многочисленных покушений на мою жизнь. Полагаю, излишне говорить, что я выжил, однако мой великий план противостояния Тал-

мору развалился за отсутствием уважаемой фигуры, которая могла бы его возглагать. Я ушёл в подполье, с нетерпением ожидая известий с острова Саммерсет о деятельности Талмора.

В течение следующих лет я разными путями стремился быть услышанным в Империи, чтобы предупредить о действиях Талмора. Империя, однако, была и так достаточно озабочена разрешением последствий Кризиса Обливиона в пределах собственной территории, чтобы искать себе лишних забот в далёком Саммерсете. После убийства Императора Уриэля Септима VII и его наследников и самопожертвования Мартина Септима (истинного спасителя острова Саммерсета и остального Тамриэля!) оборвалась династия правителей страны.

Верховный канцлер Окато созвал пленум Совета Старейшин в безуспешной попытке выбрать нового Императора. В отсутствие Императора за пределами Сиродиля Империя стала раскалываться. Окато поневоле согласился стать потентатом на условиях Устава Совета Старейшин до возобновления императорского правления, но правители поневоле — редко сильные правители.

Потентат Окато делал похвальные попытки управлять хаосом, угрожавшим Империи развалом, и даже начал преуспевать, когда произошло извержение Красной Горы, уничтожившее большую часть Вварденфелла (вероятно, в этом был замешан Талмур, но мне ещё лишь предстоит найти доказательства его происков в этом деле). То, что осталось от Морровинда, погрузилось в абсолютный хаос. Последствия извержения докатились даже до Чернотопья, уничтожив дороги и отрезав расположенные там имперские гарнизоны.

Никто не был готов к тому, что произошло вслед за этим.

IV

В то время как в Морровинде и среди имперских войск в Чернотопье ещё царила суматица, вызванная последовавшими одна за другой катастрофами — Кризисом Обливиона и гибелью Вварденфелла, — Талмур спровоцировал аргониан на массовое восстание. Чернотопье и южный Морровинд полностью отошли во власть аргониан, однако Талмур тоже лишился какого бы то ни было влияния среди рептилий.

На протяжении всего этого времени талморцы закреплялись у власти в дорогой моему сердцу отчизне. Прошло почти десять лет, пока мне собственными уловками не удалось пробиться к Окато. По сравнению с остальными он обратил на мои слова о талморцах куда большее внимание — возможно, потому, что сам был альтмером и осознавал, какую те представляют опасность. Вскоре после этого Окато был убит стараниями Талмора.

С гибелью потентата Окато началось Междукарствие Грозовой Короны. Раскол Совета Старейшин повлёк за собой годы беспощадной междоусобицы, заговоров и вероломства. Многие заявляли свои права на Рубиновый трон. Многие из них были претендентами на корону, некоторые имели на неё законные притязания, иные же были обычновенными головорезами, полагавшими, что сила оружия обеспечивала им все необходимые права. Свирепые, неестественные бури несколько раз накрывали Имперский город во время этой анархии, и всегда глаз бури взирал с не-

дес прямо на башню Белого Золота, словно таким образом Девять божеств изрекали свой приговор.

Пока Империя была объята этими беспорядками, талморцы не тратили ни минуты. Они свергли законных королей и королев альтмеров. Я помню, какие отвращение и ужас завладели мной, когда до меня дошли вести о том, что это умопомрачение охватило мою родину. Многие мои соотечественники, столь гордые и величавые в своё время, добровольно поддались этому безумию!

После этого по острову Саммерсет прокатились первые из многочисленных расправ. Они убивали всех, кто был "не альтмерских кровей". Помимо прочего, это было отличным прикрытием для истребления инакомыслящих — такую возможность Талмор никогда не упускал.

Семь длинных кровавых лет Междугарствия Грозовой Короны завершились тем, что корону захватил коловианский военачальник по имени Тит Мид. Имел ли он на неё законные права, остается спорным. Без Тита Мида Империи сегодня бы не существовало. Он показал себя прозорливым и умелым руководителем, и Скайрин поддержал его как императора.

Пока Империя крепла под плодотворными правлением императора Тита Мида, я возобновил свои попытки предупредить его о талморской угрозе. И в этот раз талморцы меня опередили. Прежде чем мои старания могли увенчаться успехом, Талмор нанёс удар — ещё один переворот, на этот раз в Валенвуде. Империя была не готова к хитростям и уловкам Талмора.

Есть такие, кто утверждают, будто объединённые войска альтмеров и босмеров значительно превосходили силы Империи, но всё это смехотворно. Талмор выиграл эту короткую яростную кампанию ещё до первой капли крови. Они выжидали и наблюдали за противником, и точно выбрали, где и когда атаковать. Талморцы подготовились к тому, чтобы обрушить всю ярость их небольшого альтмеро-босмерского военного контингента на любую из имперских крепостей.

Вопреки утверждениям имперских генералов, численного перевеса за Талмором не было. Они располагали более развитой разведкой и большей манёвренностью, и хорошо осознавали все свои возможности. Вот в чём состоит талморская угроза! Они жестоки и беспощадны, но они отнюдь не глупцы! Они коварны, лицемерны и терпеливы, как никто.

Одним махом Талмор занял стратегический плацдарм на континентальном Тамиэле, закрыв путь любым сколько-нибудь значительным попыткам, которые Империя могла бы предпринять для вторжения на остров Саммерсет и свержения тирании Талмора. В то же самое время они заняли более удобную позицию, чтобы и далее следить за Империей и выжидать. И тем самым они также восстановили Альдмерский Доминион, заключив союз с босмерами Валенвуда!

Прошли десятки лет, и талморцы затихли — но это отнюдь не конец. Всё ещё только начинается. Они всего лишь укрепляют свою власть и всё сильней овладевают сердцами и умами альтмеров. Возможно, Империя захочет забыть раны, которые талморцы нанесли её гордости, но сами талморцы никуда не денутся — они останутся всё там же. Замышляя. Наблюдаая. Выжидаая.

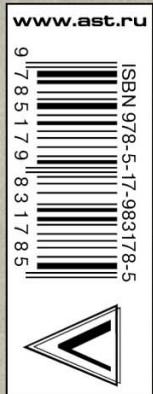
Пока Империя довольствуется укреплением своей власти в малозначимых углах своих обширных владений, угроза Талмора продолжает расти. Кроме Оката, ни-

кто с тех пор так и не послушал меня. Я взываю ко всем и каждому из граждан этой прославленной Империи — прислушайтесь к моим словам! Талмор необходимо остановить, пока ещё не поздно.

Вскоре после того, как Латенил Санхолдский заказал издать эти книги и за собственный его счёт распространить их по всем уголкам Империи, он сам погиб насищенной смертью. В свете событий, произошедших вслед за этим, следует предположить, что его убийство могло оказаться делом рук талморских ассасинов.

— Праксис Эрратум, Имперский историк

Второй том путеводителя по миру невероятно популярной игры «The Elder Scroll V: Skyrim» расскажет читателю о народах, населяющих эту холодную негостеприимную провинцию: от заносчивых нордов, родившихся в Скайриме, и светлоглазых имперцев, до котов-каджитов, живущих по законам двух Лун, людоящеров Чернотопья — аргониан, орков и альтмеров. Вы узнаете о сильных наемниках редгардах и искусных магах бретонцах, о лесных эльфах Валенвуда — босмерах, а также о Темных эльфах — Данмерах, что родом из Морровинда.